[Изда]тельство М. В. ПИРОЖКОВА. Историческій отдѣлъ. № 21

А. Г. БРИКНЕРЪ

СМЕРТЬ ПАВЛА I

Со статьею В. И. СЕМЕВСКАГО

Переводъ М. Чепинской

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
1907

№ 21. Книгоиздательство М. В. ПИРОЖКОВА. Историческій отдѣлъ. № 21

А. Г. БРИКНЕРЪ

СМЕРТЬ ПАВЛА I

Со статьею В. И. СЕМЕВСКАГО

Переводъ М. Чепинской

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
1907

Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ),
Вознесенскій пр. 3.

Книга о «Смерти Павла I», впервые издаваемая на русскомъ языкѣ, появилась въ 1897 г. по-нѣмецки подъ иниціалами Р. Р. Для читателя-спеціалиста было уже тогда вполнѣ ясно, что она написана бывшимъ профессоромъ русской исторіи А. Г. Брикнеромъ, авторомъ извѣстныхъ сочиненій о Петрѣ I, Екатеринѣ II, Потемкинѣ, Посошковѣ и другихъ многочисленныхъ историческихъ трудовъ. По смерти Брикнера († 4 ноября 1896) указанія на принадлежность ему этого сочиненія появились и въ печати [1]). Покойный ученый былъ хорошій знатокъ русской исторіи XVII и XVIII столѣтій; онъ былъ обыкновенно хорошо освѣдомленъ въ печатныхъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ источникахъ, но архивными изслѣдованіями мало занимался, что, конечно, въ значительный степени лишало его труды интереса фактической новизны; зато онъ умѣлъ сдѣлать ихъ общедоступными по изложенію.

Тѣмъ же характеромъ отличается и издаваемая нынѣ книга [2]), авторъ которой не задается цѣлью дать общій очеркъ царствованія Павла, а имѣетъ болѣе спеціальную задачу, указываемую ея заглавіемъ. Но если она и составлена преимущественно по печатнымъ источникамъ, то, въ виду неизвѣстности ихъ большинству читателей, она представляетъ и по темѣ, и по изложенію большой интересъ. Смерть имп. Павла при прежнихъ условіяхъ нашихъ историческихъ изслѣдованій принадлежала къ числу запретныхъ темъ, несмотря на то, что всѣмъ образованнымъ

---

[1]) См. напримѣръ свидѣтельство профессора Шимана въ „Historische Vierteljahrschrift", 1901, 1 Heft, 57.

[2]) Впрочемъ при ея составленіи авторъ пользовался неизданными депешами шведскаго посланника Стединга въ Стокгольмскомъ архивѣ.

людямъ было въ общихъ чертахъ прекрасно извѣстно, какъ покончилъ жизнь этотъ государь, болѣе четырехъ лѣтъ заставлявшій страдать Россію и доведшій самодержавный произволъ до совершенной безсмыслицы.

Со времени выхода въ свѣтъ книги Брикнера изученіе времени имп. Павла и его біографіи подвинулось впередъ; мы назовемъ нѣкоторые, посвященные этому предмету труды, чтобы читатели могли подробнѣе ознакомиться съ тѣми условіями, которыя вызвали печальную кончину Павла. Сжатый, но весьма интересный и довольно объективный очеркъ его жизни напечатанъ Е. С. Шумигорскимъ, на основаніи множества источниковъ, въ томъ числѣ и неизданныхъ, въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ», издаваемомъ имп. русскимъ историческимъ обществомъ (1902 г.) [1]. Ему же принадлежитъ сочиненіе «Императрица Марія Ѳеодоровна», первый томъ котораго изданъ былъ еще въ 1892 г., но, доведенный до смерти Екатерины II, трудъ этотъ пока продолженъ не былъ. Тому же автору принадлежитъ сочиненіе объ извѣстномъ другѣ Павла, фрейлинѣ Екатер. Ив. Нелидовой (1898 г.), читающееся съ большимъ интересомъ. Г. Шумигорскимъ изданы и нѣкоторые важные источники для изученія царствованія Павла: записки гр. Головиной, переписка Нелидовой съ Маріей Ѳеодоровной и нѣкоторыя другія.

Изученію жизни Павла до восшествія на престолъ еще въ 1882 г. посвятилъ историческое изслѣдованіе Д. Ѳ. Кобеко («Цесаревичъ Павелъ Петровичъ»), пользующееся вполнѣ заслуженною извѣстностію, какъ по внимательной разработкѣ источниковъ, такъ и по живости изложенія, и потому выдержавшее уже три изданія.

Н. К. Шильдеръ въ первомъ томѣ своего извѣстнаго труда «Императоръ Александръ I» (1897 г.) отвелъ значительное мѣсто времени Павла, а главное напечаталъ въ приложеніи не мало новыхъ матеріаловъ. Въ 1901 году

---

[1]) Къ сожалѣнію цѣна этого тома словаря такъ непомѣрно высока (10 р. за 711 стр. безъ рисунковъ), что нельзя разсчитывать на широкое распространеніе статьи г. Шумигорскаго; впрочемъ авторъ предполагаетъ сдѣлать общедоступное изданіе своего очерка. Кромѣ того онъ готовитъ къ печати обширный трудъ объ имп. Павлѣ

Шильдеръ издалъ особый трудъ по этому предмету («Императоръ Павелъ Первый»), обнимающій всю жизнь этого государя, но авторъ ставитъ себѣ цѣлью главнымъ образомъ біографію Павла и недостаточно подробно останавливается на его правительственной дѣятельности. Къ тому же это сочиненіе, изданное такъ же изящно, какъ и сочиненіе Шильдера объ Александрѣ I и Николаѣ I, по своей высокой цѣнѣ едва ли можетъ имѣть большое распространеніе.

Весьма полезный вкладъ въ литературу, посвященную эпохѣ Павла I, представляетъ второй томъ сочиненія С. А Панчулидзева «Исторія кавалергардовъ» (1901 г.), гдѣ разсматриваются, на основаніи множества какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ источниковъ, военныя преобразованія Павла [1]), принятіе имъ на себѣ званія великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и исторія заговора противъ Павла, но сочиненіе это во первыхъ преслѣдуетъ извѣстныя спеціальныя цѣли, а во вторыхъ, издаваемое съ исключительною роскошью, совершенно, недоступно большой публикѣ, тѣмъ болѣе, что по частямъ она не продается.

Сжатый, но интересный очеркъ событій, связанныхъ со смертью имп. Павла, читатели могутъ найти въ одной изъ главъ сочиненія извѣстнаго знатока новѣйшей русской исторіи, проф. Шимана [2]), но вредное учрежденіе, къ сожалѣнію все еще существующее,—комитетъ цензуры иностранной, разрѣшаетъ пріобрѣтеніе его лишь немногимъ по особымъ прошеніямъ. Такова же судьба и сборника матеріаловъ, изданныхъ проф. Шиманомъ съ его введеніемъ подъ заглавіемъ «Убіеніе Павла I и восшествіе на престолъ Николая I» (Берл. 1902) г.), гдѣ для времени Павла находимъ нѣсколько новыхъ и интересныхъ матеріаловъ, какъ напр.: статья о гр. Никитѣ Петр. Панинѣ кн. Лобанова - Ростовскаго, очень важныя письма Панина къ Маріи Ѳедоровнѣ и имп. Александру I, записки кн. Д. Х. Ливенъ [3]), раз-

[1]) О нихъ см. еще *Петрушевскій* „Генералисимусъ кн. Суворовъ“ т. II (1884 г.) и ст. *Лебедева* въ „Рус. Ст.“ 1877 т. XVIII.

[2]) „Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Band I. Kaiser Alexander I und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit.“ Berl. 1904

[3]) Онѣ переведены въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1906 г. № 5, стр. 416—432.

сказъ принца Евгенія Виртембергскаго о его пріѣздѣ въ Петербургъ, разсказы Беннигсена и Платона Зубова и письмо имп. Елизаветы Алексѣевны немедленно послѣ смерти Павла (во введеніи) [1]).

Принявъ во вниманіе все сказанное выше, нельзя не считать полезнымъ изданіе сочиненія Брикнера въ русскомъ переводѣ, исполненномъ извѣстною переводчицею М. В. Чепинскою. Правда, авторъ не воспользовался нѣкоторыми источниками, заключающими интересныя свѣдѣнія о его главной задачѣ и вообще о самомъ послѣднемъ времени жизни Павла, какъ напр. юношескія воспоминанія принца Евгенія Виртембергскаго [2]), записки декабриста М. А. фонъ-Визина [3]) и Вельяминова-Зернова, разсказъ неизвѣстнаго, напечатанный въ «Историческомъ сборникѣ вольной русской типографіи» [4]) и нѣкоторые другіе и не коснулся многихъ правительственныхъ мѣръ Павла, вызывавшихъ общее раздраженіе противъ него, но все же очеркъ Брикнера даетъ интересныя свѣдѣнія, новыя для громаднаго большинства читающей публики и въ общемъ правильно излагаетъ и освѣщаетъ ходъ событій. Изданіе его тѣмъ болѣе полезно, что въ послѣдніе годы стало обнаруживаться въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о Павлѣ и его времени стремленіе къ идеализаціи этого несчастнаго человѣка, но совершенно невозможнаго государя. Вотъ что пишетъ напр. проф. Буцинскій въ своей брошюрѣ: «Отзывы о Павлѣ I его современниковъ» (1901 г.): «По отзывамъ безпристрастныхъ (!) современниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, Павелъ Петровичъ—этотъ царь-демократъ (!)—былъ человѣкомъ рѣдкимъ въ нравственномъ отношеніи, глубоко религіознымъ, прекраснымъ семьяниномъ, съ недюжиннымъ

---

[1]) Записки Вельяминова-Зернова были уже ранѣе напечатаны, хотя и безъ имени автора, въ „Историч. сборн. вольной русской типографіи“. Лондонъ, 1861 г., II, 23—24.

[2]) Напечатаны бар. *Helldorf*'омъ въ книгѣ „Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg“, I. Theil. Berl. 1861, S. 73—160. Переведены, но съ большими исключеніями въ „Рус. Арх.“ 1878 г., т. I, 43—75.

[3]) Напечатаны съ нѣкоторыми исключеніями въ изданіи М. В. Пирожкова, „Общественныя движенія въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка“ т. II.

[4]) Л., 1859 г., кн. I, 46—61.

умомъ, феноменальною памятью, высоко образованнымъ, энергичнымъ и трудолюбивымъ, и наконецъ мудрымъ правителемъ государства (!?), какъ въ дѣлахъ внѣшней политики, такъ и внутренней» (стр. 2). Харьковскій профессоръ русской исторіи частію недостаточно знакомъ съ источниками, частію слишкомъ тенденціозно пользуется ими. Такъ онъ считаетъ небылицею намѣреніе Павла назначить наслѣдникомъ престола принца Евгенія Виртембергскаго, между тѣмъ какъ объ этомъ было сообщено, на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, въ статьѣ объ убіеніи Павла еще въ 1860 г. въ журналѣ Зибеля [1]) и вслѣдъ за тѣмъ подтверждено разсказомъ самого принца, о намѣреніи Павла усыновить его, о чемъ государь сказалъ Дибичу; Павелъ говорилъ при этомъ, что онъ господинъ въ своемъ домѣ и въ своемъ государствѣ и что онъ возведетъ принца на такую высокую степень, которая всѣхъ изумитъ [2]). Этотъ планъ былъ связанъ съ намѣреніемъ сослать Марію Ѳедоровну въ Холмогоры и заточить великихъ князей Александра въ Шлиссельбургскую, а Константина въ Петропавловскую крѣпость, о чемъ государь однажды прямо сказалъ своей фавориткѣ, кн. Гагариной, прабавивъ: «пора нанести великій ударъ [3]). Есть также извѣстіе, что онъ хотѣлъ обручить принца Евгенія съ своею дочерью Екатериною [4]). Г. Буцинскому кажется совершенно невѣроятною душевная болѣзнь Павла. Какъ плохо онъ оріентируется среди приводимыхъ имъ свидѣтельствъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. На стр. 18 онъ говоритъ, что Павелъ «не пользовался самъ» государственною казною и «не дозволялъ пользоваться другимъ», «былъ бережливъ до скупости», а на стр. 19 приводитъ свидѣтельство Лопухина о «безпредѣльной щедрости» Павла [5]). На стр. 20 авторъ считаетъ не-

---

[1]) Historische Zeitschrift, III. Bd, 152. Статья эта принадлежитъ перу извѣстнаго историка Россіи Бернгарди. См. его Geschichte Russlands, II. Theil, 2 Abteilung. Leipz. 1875 г., 421.

[2]) *Helldorf.* Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg, 1861 г., т. I, 115, 132, 152. Матеріалы Шимана, стр. 68.

[3]) „Историческій Сборникъ“, I, 50; *Helldorf* I, 132, 133, 138, 139. Матеріалы, изд. Шиманомъ, стр. 75.

[4]) „Убіеніе Павла“, изд. Шимана, стр. 71, ср. стр. 40.

[5]) О томъ, какъ мало Павелъ соображался съ состояніемъ средствъ казны см. „Сочиненія Державина“, т. VI, изд. 1871 г., стр. 752.

возможнымъ допустить тиранническій характеръ правленія Павла, а на стр. 19 приводитъ, хотя и съ тенденціозными пропусками, слѣдующее свидѣтельство Мертваго, совершенно несомнѣнное, такъ какъ онъ служилъ подъ начальствомъ генералъ-прокурора Обольянинова: «*Государь былъ на многихъ въ подозрѣніи.* Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни. *Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основаніе ихъ секты, многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли на поселеніе.* Словомъ. ежедневный ужасъ» [1]). Пропустивъ въ приведенной цитатѣ набранныя курсивомъ слова, какъ несоотвѣтствующія его предвзятой идеѣ, г. Буцинскій на слѣдующей (20) стр. увѣряетъ, что «тиранія не зависѣла отъ Павла» и что онъ «даже не зналъ о ней». Такъ обращается съ фактами харьковскій профессоръ, и съ помощью такихъ пріемовъ онъ пытается убѣдить насъ, что Павелъ не только «всегда имѣлъ въ виду общегосударственное благо», но что будто бы онъ «даже сдѣлалъ въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ можно было ожидать, имѣя въ виду его слишкомъ непродолжительное царствованіе» (стр. 31). Проф. Брикнеръ, конечно, совершенно иначе оцѣниваетъ Павла и справедливо считаетъ его, по крайней мѣрѣ въ концѣ царствованія, душевно-больнымъ человѣкомъ, приводя подобныя же мнѣнія и современниковъ (стр. 58, 82, 84, 100—101). Г. Буцинскій не желаетъ понять, что, отрицая душевную болѣзнь Павла, онъ очень дурно защищаетъ его, такъ какъ только несомнѣнное, по нашему мнѣнію, существованіе такой болѣзни позволяетъ снисходительнѣе относиться къ Павлу и не ставить его на одну доску съ такими злодѣями, какимъ былъ напримѣръ Аракчеевъ, его помощникъ по управленію военными поселеніями Клейнмихель и нѣкоторые другіе.

Для душевной ненормальности Павла было много основаній. Мы не станемъ искать ея причинъ въ условіяхъ наслѣдственности, какъ это дѣлаетъ проф. П. И. Ковалев-

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1867 г. прил. стр. 118.

скій [1]), въ виду того, что весьма сомнительно, чтобы Павелъ былъ сыномъ Петра III. Екатерина въ своихъ запискахъ разсказываетъ о своихъ близкихъ отношеніяхъ предъ рожденіемъ Павла съ камергеромъ ея мужа Салтыковымъ, на которыя, въ виду необходимости имѣть наслѣдника русскаго престола смотрѣла сквозь пальцы оберъ-гофмейстерина Чеглокова, получившая отъ имп. Елизаветы выговоръ за то, что у великаго князя нѣтъ дѣтей. Правда, были приняты нѣкоторыя мѣры для того, чтобы послѣ девятилѣтняго бездѣтнаго супружества можно было считать Петра Ѳедоровича отцомъ Павла, но въ дѣйствительности едва ли это было такъ. Нѣкоторое сходство характеровъ Петра III и Павла объясняется благоговѣніемъ того и другого передъ Фридрихомъ II и прусскимъ военнымъ строемъ. Послѣ рожденія Павла (20 сентября 1754 г.) С. Салтыковъ былъ посланъ за границу и служилъ тамъ по дипломатической части [2]).

Воспитаніе маленькаго Павла, немедленно по его рожденіи взятаго отъ матери имп. Елизаветою, происходило при весьма вредныхъ для него условіяхъ. Екатерина впервые увидѣла его черезъ 40 дней послѣ родовъ и должна была, по ея собственнымъ словамъ, лишь «украдкою навѣдываться объ его здоровьѣ, ибо просто послать спросить значило бы усомниться въ попеченіяхъ императрицы и могло быть очень дурно принято». Елизавета «помѣстила его у себя въ комнатѣ и прибѣгала къ нему на каждый его крикъ; его душили излишними заботами. Онъ лежалъ въ чрезвы-

---

[1]) Онъ говоритъ: „Императоръ Павелъ I, сынъ Петра III,... унаслѣдовалъ натуру отца, значительно смягченную духовными качествами матери“. Въ виду вліянія природы матери г. Ковалевскій особенно настаиваетъ на своемъ выводѣ, что „въ лицѣ Павла мы видимъ — возрожденіе, а не вырожденіе“. „Императоръ Павелъ I Историко-психіатрическій очеркъ“. „Всемірный Вѣстникъ“, 1905 г., № 12, стр. 1, 33.

[2]) „Записки имп. Екатерины II“, Л., 1859, стр. 124—132, 134—136, 147—148, 156, 162, 165, 166, 174. *Бильбасовъ* — „Исторія Екатерины II“, Берл., 266—277, ср. 500—510. *Castéra.* Histoire de Catherine II, P., 1809 г., т. I, 162 — 181. *Брикнеръ* „Жизнь Петра III до вступленія на престолъ“, „Рус. Вѣстникъ“, 1883 г., № 2, стр. 750. Біографическія свѣдѣнія о Салтыковѣ, см. въ „Русскомъ Біогр. Слов.“, изд. Имп. Рус. Ист. Общ. 1904.

чайно жаркой комнатѣ, во фланелевыхъ пеленкахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ, его покрывали одѣяломъ изъ атласнаго пике на ватѣ, а сверхъ того еще одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Послѣ я сама много разъ видала его такимъ образомъ укутаннаго; потъ текъ съ его лица и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ выросъ, то простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того къ нему приставили множество безтолковыхъ старухъ и мамушекъ, которыя своимъ излишнимъ и неумѣстнымъ усердіемъ причинили ему несравненно больше физическаго и нравственнаго зла, нежели добра» [1]. Разсказами о домовыхъ и привидѣніяхъ онѣ такъ разстроили его нервы еще въ раннемъ дѣтствѣ, что онъ прятался подъ столъ, когда сильно хлопали дверями. Быть можетъ не безъ умысла эти женщины такъ напугали Павла императрицей, что онъ трясся при одномъ взглядѣ на нее, и тогда Елизавета стала весьма рѣдко посѣщать внука. Слишкомъ рано, уже въ четыре года, маленькаго Павла начали учить грамотѣ. Мать лишь въ концѣ царствованія Елизаветы получила позволеніе видѣть сына разъ въ недѣлю. На шестомъ году Павелъ былъ переданъ, хотя еще и не вполнѣ, въ мужскія руки,—воспитаніе его было поручено Н. И. Панину.

Позднѣе, при Екатеринѣ II, воспитатели были недостаточно осторожны въ выборѣ чтенія для подрастающаго цесаревича и относительно разговоровъ при немъ. Произведенія французской литературы, съ которыми его знакомили, были иной разъ настолько неподходящими для его возраста, что великій князь, какъ это случалось, самъ просилъ прекратить чтеніе на какомъ-нибудь неприличномъ мѣстѣ. На придворномъ театрѣ ему также приходилось смотрѣть пьесы, преимущественно посвященныя изображенію любви. Все это преждевременно возбуждало фантазію и разстраивало нервы. Уже въ 10—11 лѣтъ онъ занятъ былъ «нѣжными мыслями» и «маханіемъ» (т.-е. ухаживаніемъ) за жившими во дворцѣ фрейлинами, и Панинъ разспрашивалъ

---

[1] „Записки имп. Екатерины II“, Л. 1859 г., стр. 160. Уходъ за ребенкомъ былъ настолько небреженъ, что однажды ночью онъ даже выпалъ изъ колыбели.

своего питомца, въ кого онъ влюбленъ. Павелъ такъ же быстро привязывался къ людямъ, какъ и охладѣвалъ къ нимъ, и рано сталъ проявлять сильную раздражительность. Это побудило лучшаго изъ его воспитателей, Порошина, предсказать своему питомцу, что «при самыхъ наилучшихъ намѣреніяхъ онъ возбудитъ ненависть къ себѣ». Чтеніе, преподносимое 10—12 лѣтнему мальчику,—сочиненія Вольтера, Монтескье, Дидро, Даламбера, Гельвеція,—были ему не по силамъ даже и при объясненіяхъ Порошина. Съ 14 лѣтъ предположено было преподавать Павлу государственныя науки, но назначенный для этого Тепловъ нагналъ страшную скуку на своего ученика, начавъ знакомить его съ различными процессами, приносимыми имъ изъ сената.

На 19-мъ году Павла женили на Вильгельминѣ, принцессѣ гессенъ-дармштадтской, получившей съ принятіемъ православія имя Наталіи Алексѣевны. Въ это время онъ писалъ гр. Андрею Разумовскому, лицу наиболѣе близкому къ нему послѣ жены: «Дружба ваша произвела во мнѣ чудо: я начинаю отрѣшаться отъ моей прежней подозрительности». Но однажды въ поданномъ ему кушаньѣ онъ нашелъ нѣсколько осколковъ стекла, взявъ блюдо отправился къ матери и заявилъ ей, что его хотѣли отравить. Первый бракъ Павла не былъ счастливъ: Екатерина указала сыну на то, что гр. Анд. Кир. Разумовскій злоупотребляетъ его благосклонностью, чтобы сблизиться съ великою княгинею, но послѣдняя сумѣла успокоить мужа. Однако, когда на третій годъ супружества Наталія Алексѣевна умерла отъ родовъ вслѣдствіе искривленія стана, и Павелъ предавался неумѣренной горести, то Екатерина быстро его излѣчила отъ нея, передавъ сыну любовныя письма Разумовскаго къ великой княгинѣ. Такой ударъ могъ конечно только еще болѣе увеличить раздражительность и недовѣрчивость Павла.

Поѣздка въ Берлинъ въ томъ же 1776 г. для сватовства принцессы Виртембергской Софіи - Доротеи имѣла пагубное вліяніе на цесаревича въ томъ отношеніи, что сдѣлала его, подобно Петру III, слѣпымъ поклонникомъ Фридриха II и прусскаго военнаго строя. Это поклоненіе доводило позднѣе Павла до того, что онъ дѣлалъ весьма нескромныя разоблаченія извѣстныхъ ему шаговъ русскаго

правительства въ иностранныхъ сношеніяхъ наслѣднику прусскаго престола и прусскому посланнику и такимъ поведеніемъ оправдывалъ почти совершенное устраненіе его отъ государственныхъ дѣлъ. Бракъ Павла съ Маріею Өедоровною можно было бы назвать счастливымъ въ теченіе многихъ лѣтъ, еслибы его родительскія чувства не оскорблялись тѣмъ, что императрица не оставляла въ семействѣ великаго князя его новорожденныхъ дѣтей, а брала ихъ на свое попеченіе. Дурныя отношенія съ матерью и пренебреженіе, явно высказываемое ему ея любимцами, также отражались на настроеніи Павла. По свидѣтельству одного лица, видѣвшаго цесаревича во время второго его путешествія заграницу, опасеніе отравы никогда не покидало его и кромѣ того еще въ 1770-хъ годахъ, во время прогулки по Петербургу, у него была галлюцинація; Павлу представилось, что около него появился Петръ В. и сказалъ ему: «Павелъ, бѣдный Павелъ, бѣдный князь». Крайне раздражало Павла, что отъ него удаляли преданныхъ ему людей; это заставило его во время второго путешествія по Европѣ сказать французскому королю, что еслибы въ его свитѣ была вѣрная ему собачка, то его мать велѣла бы немедленно ее утопить.

Съ 1783 г. начинается гатчинскій періодъ жизни Павла, въ который окончательно сложились его парадоманія, страсть къ военной муштровкѣ и наклонность къ поддержанію въ войскѣ дисциплины жестокими наказаніями. Въ это время онъ сблизился съ офицерами, лишенными всякаго образованія. Характеръ Павла все болѣе портился; въ минуты гнѣва онъ доходилъ до бѣшенства [1]). Екатерина совершенно не сочувствовала многимъ взглядамъ сына, и однажды ей даже пришлось объяснить ему, что «пушки не могутъ воевать съ идеями». Дружба Павла, впрочемъ вполнѣ платоническая, съ фрейлиной его жены, Е. И. Нелидовой, значительно нарушила миръ въ собственной его семьѣ, такъ что Нелидова пожелала удалиться въ Смольный институтъ, мѣсто своего воспитанія.

Брикнеръ говоритъ, что, «судя по разсказамъ (А. М.) Тургенева, деспотическія замашки Павла уже въ первое

---

[1]) См. у Брикнера показанія Растопчина 1793 г. (стр. 22).

время его царствованія носили характеръ безумія цезарей, которое затѣмъ непомѣрно усилилось» (стр. 23, ср. на стр. 83 разсказъ Тургенева о томъ, какъ Павелъ щипалъ его передъ фронтомъ, грозя искоренить потемкинскій духъ). Изъ другой области чувствъ приведемъ фактъ, слышанный Вельяминовымъ-Зерновымъ отъ очевидца. Находясь съ семействомъ на балу въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ жила Нелидова, Павелъ, въ то время, когда она находилась въ танцовальномъ залѣ, прошелъ (въ сопровожденіи Кутайсова и еще двухъ лицъ), въ комнаты Нелидовой, отдернулъ занавѣсъ ея кровати, съ восторгомъ воскликнулъ: «это храмъ добродѣтели! Это храмъ непорочности! Это божество въ образѣ человѣческомъ!», сталъ на колѣни и нѣсколько разъ поцѣловалъ ея постель [1]). Если и нельзя говорить о безуміи Павла до послѣдняго года его царствованія, то все же временами онъ несомнѣнно бывалъ въ ненормальномъ состояніи. Державинъ въ своихъ запискахъ приводитъ примѣры безсмысленныхъ резолюцій Павла въ послѣдній годъ его жизни: такъ на докладѣ, заключающемъ въ себѣ нѣсколько различныхъ мнѣній, онъ пишетъ: «быть по сему», на докладѣ межевого департамента о спорѣ относительно земли между донскими казаками и частными владѣльцами Павелъ на планѣ во всѣхъ спорныхъ мѣстахъ также написалъ: «быть по сему» [2]).

Принцъ Евгеній Виртембергскій, видѣвшій Павла предъ самою его смертью, сообщаетъ не мало данныхъ о его состояніи въ это время. Въ наиболѣе ранней своей запискѣ о поѣздкѣ въ Россію въ 1801 г. онъ говоритъ, что

---

[1]) Матеріалы, изданные Шиманомъ, стр. 273—274, или „Истор. Сборникъ", II, 29—30. А. М. Тургеневъ говоритъ, что въ 1796 г. (въ царствованіе Павла) самъ читалъ приказъ петербургскаго оберъ-полиціймейстера Рылѣева слѣдующаго содержанія: „Объявить всѣмъ хозяевамъ домовъ съ подпискою, чтобы они заблаговременно, и именно за три дня, извѣщали полицію, у кого въ домѣ имѣетъ быть пожаръ" („Русская Старина", 1887 г. № 1 стр. 100). Приказъ былъ конечно отданъ по волѣ Павла. Шишковъ въ своихъ запискахъ (I, 41) сообщаетъ о безсмысленномъ повелѣніи Павла, чтобы онъ, Шишковъ, въ Павловскѣ ходилъ на маленькій дворикъ и смотрѣлъ въ какое-то отверстіе въ землѣ. Причина этого страннаго приказанія объявлена ему не была.

[2]) „Сочиненія Державина" т. VI, 1871 г. стр. 727, 743—744.

при первомъ свиданіи «императоръ не показался мнѣ умалишеннымъ, какимъ я ожидалъ его найти, но человѣкомъ наиболѣе страннымъ изъ всѣхъ, какихъ я встрѣчалъ въ жизни и видъ котораго заставилъ меня думать, что слухи, ходившіе въ обществѣ, имѣютъ основаніе». Далѣе принцъ добавляетъ: «Разговоръ императора былъ переполненъ парадоксами и галиматьею изъ совершенно непонятныхъ фразъ» [1]).

Болѣе останавливается принцъ Евгеній на душевномъ состояніи Павла въ воспоминаніяхъ о своей поѣздкѣ въ Россію въ 1801 г., написанныхъ позднѣе. Уже при въѣздѣ въ Россію онъ услышалъ отъ дяди въ Ригѣ о душевной болѣзни императора; онъ и здѣсь повторяетъ, что при первомъ свиданіи съ Павломъ «не было замѣтно слѣдовъ болѣзни, которая тогда овладѣвала имъ», но далѣе дѣлаетъ любопытное признаніе: «Я колеблюсь въ своихъ вынужденныхъ необходимостью сообщеніяхъ о тогдашнихъ отношеніяхъ и дѣйствительномъ душевномъ состояніи императора между возможнстью оказаться неблагодарнымъ за оказанное мнѣ благоволеніе и исторической истиною. Но исторія уже осудила его, и можетъ быть слишкомъ строго, и потому мои наблюденія не могутъ повредить ему, ибо съ моей точки зрѣнія всѣ химеры, постепенно затемнившія сознаніе государя, который первоначально желалъ добра, и побудившія его нарушать естественныя права человѣчества, происходили отъ разстроеннаго воображенія. Теперь я не могъ бы отнестись отрицательно къ общей увѣренности въ томъ, что разумъ императора Павла колебался между свѣтомъ и тѣнью, дѣлалъ его вообще такимъ больнымъ, для котораго, благодаря особенно удобнымъ обстоятельствамъ, весь свѣтъ являлся свободною ареною для его заблужденій, и который, первоначально измысливъ всевозможныя опасенія, затѣмъ считалъ себя вынужденнымъ устранять грозящую опасность насильственными мѣрами». Принцъ Евгеній признаетъ, что «Павелъ доказалъ всѣмъ совершенную неспособность царствовать, и его печальное состояніе грозило государству очевидною опасностью... Слѣды его душевнаго разстройства проявились и во внѣшнихъ сношеніяхъ, такъ что гласъ

---

[1]) Матеріалы, изданные Шиманомъ, стр. 65, 66, 85.

всей Европы и его народа слились въ одномъ мнѣніи, что не можетъ долѣе царствовать сумашедшій, внутри государства приводящій въ безпорядокъ всѣ отрасли управленія, а во внѣшнихъ дѣлахъ сегодня враждующій съ союзниками, которыхъ вчера усердно привѣтствовалъ». Принцъ Евгеній слышалъ и отъ окружавшихъ его тогда лицъ, что «царь сошелъ съ ума», что «такъ не можетъ долѣе продолжаться». Княгиня Гагарина, любовница Павла, намекнула принцу Евгенію на судьбу дѣтей Эдуарда IV, брошенныхъ Ричардомъ III въ подвалы Тоуэра, и онъ лишь впослѣдствіи вполнѣ понялъ, какой опасности подвергалъ его своими планами безумный Павелъ. Утверждая, что всѣ дѣйствія Павла обнаруживали его душевную болѣзнь, принцъ Евгеній приводитъ и нѣкоторые отдѣльные факты. Такъ онъ передаетъ разсказъ очевидца, какъ на смотру государь схватилъ за воротникъ юнаго прапорщика, грубо трясъ его и бросилъ въ снѣгъ его шляпу и шпагу, а въ другой разъ велѣлъ прогнать съ ученья палками цѣлый полкъ. Принцъ Евгеній былъ свидѣтелемъ того, какъ послѣ концерта Павелъ остановился передъ императрицей, уставился на нее, скрестилъ руки, съ язвительной насмѣшкой, и безпрестанно тяжело дыша, какъ это бывало съ нимъ обыкновенно въ особенно сильномъ раздраженіи. То же онъ продѣлалъ и предъ двумя старшими великими князьями, а затѣмъ прошепталъ что-то гр. Палену. Послѣ обѣда онъ съ насмѣшкою оттолкнулъ жену и сыновей, когда они по обыкновенію хотѣли поклониться ему и ушелъ не поклонившись имъ [1]).

Сцена, описанная Саблуковымъ, во время которой Павелъ маршировалъ предъ его трепещущимъ сыномъ Константиномъ церемоніальнымъ маршемъ (Брикнеръ, 104—107), также едва-ли могла произойти при нормальномъ состояніи государя. Еще въ мартѣ 1800 г. сардинскій посланникъ Бальбо доносилъ своему правительству о помѣшательствѣ Павла («l'Empéreur de Russie est fou»), англійскій посланникъ Витвортъ также доносилъ незадолго до своего удаленія изъ Россіи, что Павелъ «въ буквальномъ смыслѣ лишился разсудка». Затѣмъ Витвортъ пишетъ въ той же де-

---

[1]) *Helldorf* I, 93, 96—97, 103—104, 110, 125, 126, 128, 133, 137, 143—145; ср. *Брикнеръ*, „Смерть Павла I" 97.

пешѣ, что эта истина признана приближенными Павла уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. «Мнѣ самому неоднократно представлялся случай въ этомъ убѣдиться. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престолъ, психическое разстройство его стало постепенно усиливаться и въ настоящую минуту возбуждаетъ во всѣхъ сильнѣйшее безпокойство. Въ этомъ обстоятельствѣ кроется роковая причина многаго, что случилось, и та же причина вызоветъ новыя сумасбродныя выходки, которыя придется оплакивать» [1]). Докторъ Роджерсонъ, близкій ко двору человѣкъ, писалъ къ гр. С. Р. Воронцову въ 1800 году, что Павелъ «неспособенъ отличать добро отъ зла», что «облако сгущается, безсвязныя движенія увеличиваются и дѣлаются все замѣтнѣе день ото дня» [2]). Кн. Чарторыжскій въ своихъ мемуарахъ говоритъ: «всѣ, т. е. высшіе классы, высшіе должностныя лица и чиновники, генералы, офицеры... были болѣе или менѣе убѣждены, что государь временами былъ подверженъ припадкамъ сумашествія. Его царствованіе сдѣлалось наконецъ истиннымъ царствомъ террора». По свидѣтельству Чарторыжскаго, кн. Зубовъ въ рѣчи, произнесенной предъ заговорщиками 11 марта также ссылался на необходимость дѣйствовать въ виду безумія Павла [3]). Приказы императора 12—13 января 1801 г. атаману донскаго войска Орлову, которыми донскіе казаки были двинуты въ походъ на Индію въ числѣ 22.000 человѣкъ, причемъ не было заготовлено продовольствія, не имѣлось даже картъ всего пути, могутъ свидѣтельствовать также о ненормальности въ это

---

[1]) *Шильдеръ* „Павелъ I", 462—463. Такъ какъ Павлу удалось получить свѣдѣнія о тѣхъ депешахъ Витворта, въ которыхъ онъ рисовалъ мрачными красками душевное состояніе императора, то 1 февраля 1800 г. государь потребовалъ отозванія его изъ Петербурга, „желая избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій, какія могутъ произойти отъ дальнѣйшаго пребыванія лживыхъ министровъ". *Александренко.* „Императоръ Павелъ I и англичане. Извлеченіе изъ донесеній Витворта", „Русская Старина" 1898 г. №10, стр. 99—100. Ср. приводимое Брикнеромъ свидѣтельство саксонскаго резидента Розенцвейга, что Павелъ страдалъ „припадками бѣшенства, которые дѣлали его совершенно сумашедшимъ", стр. 82.

[2]) „Архивъ кн. Воронцова", т. XXX, ст. 116, 121, 124.

[3]) Mémoires du prince Adam Czartoryski, P. 1887. I, 243.

время Павла [1]). Не даромъ современники въ разговорахъ съ глазу на глазъ называли царствованіе Павла «затмѣніемъ свыше» [2]).

Несмотря на связь, уже вовсе не платоническую, съ княгиней Гагариной, урожденной Лопухиной, у Павла въ концѣ его царствованія были и случайныя связи. Его игривое настроеніе въ это время видно напримѣръ изъ слѣдующаго письма къ фельдмаршалу гр. И. П. Салтыкову, въ началѣ января 1801 г.: «пристану я на двѣ ночи въ Кремлѣ, а потомъ въ Слободѣ. Я надѣюсь, что, *хотя я и проказливъ*, но пустите къ себѣ, хотя бы только полюбоваться на вашихъ красавицъ; но старому не пора о томъ помышлять» [3]). Что Павелъ не ограничивался лишь шутками въ эротическомъ стилѣ, видно изъ слѣдующаго факта: 21 февраля 1801 г. онъ сообщилъ вице-канцлеру князю Куракину, что если у него родятся два сына, то перваго назоветъ Никитою, а второго Филаретомъ, если же двѣ дочери, то первую Евдокіею, а вторую Мареою; въ томъ и другомъ случаѣ дѣти его примутъ фамилію Мусиныхъ-Юрьевыхъ [4]). Больной головѣ Павла представилось, что у него должны родиться не сынъ или дочь, а именно два сына или двѣ дочери, но родилась одна дочь; она получила фамилію Мусиной-Юрьевой, и 1 Августа 1801 г. по завѣщанію отца имп. Александръ пожаловалъ ей въ потомственное владѣніе 1.000 душъ изъ деревень, купленныхъ въ Псковской губерніи у гр. Андрея Разумовскаго съ тѣмъ, чтобы собираемыя съ крестьянъ оброчныя деньги отсылались въ опекунскій совѣтъ воспитательнаго дома для приращенія процентами до совершеннолѣтія или замужества дѣвицы Мусиной-Юрьевой, когда она и должна была вступить во владѣніе пожалованными ей деревнями [5]). Отъ

---

1) Шильдеръ „Имп. Павелъ", 417—420.

2) „Рус. Арх." 1872 г. т. 144. Де-Сангленъ въ своихъ запискахъ полагаетъ, что Павелъ „впалъ въ родъ временнаго сумашествія „Рус. Стар". 1882 г. № 12, стр. 494—495. Ланжеронъ также считаетъ Павла сумашедшимъ. „Revue Britannique", 1895, t. IV, 61.

3) *Шильдеръ* „Имп. Александръ I," I, 309.

4) *Лопаревъ*. „Описаніе рукописей общества любителей древней письменности", т. I, 138.

5) „Въ тотъ же день дѣвица Мусина-Юрьева согласно завѣщанію

покойнаго моего брата, имѣвшаго въ рукахъ соотвѣтственные документы, я слышалъ, что этотъ ребенокъ былъ плодомъ случайныхъ отношеній Павла съ какою-то финкою, приглянувшеюся ему на улицѣ. Нужно замѣтить, что разрывъ Павла съ женою и сближеніе съ Лопухиною (вышедшею замужъ за кн. Гагарина) былъ результатомъ наглой интриги придворной камарильи. Послѣ рожденія великаго кн. Михаила Павловича 28 января 1798 г. берлинскій акушеръ, приглашенный Маріею Ѳедоровною, былъ подкупленъ, какъ полагаютъ Кутайсовымъ, желавшимъ подорвать вліяніе императрицы и Нелидовой, и объявилъ государю, что онъ не отвѣчаетъ за жизнь императрицы въ случаѣ новыхъ родовъ [1]). Такимъ образомъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, злонамѣренное вмѣшательство постороннихъ лицъ имѣло для Павла трагическія послѣдствія.

Вопросъ о душевной болѣзни Павла слѣдовало бы вновь разсмотрѣть психіатрамъ, такъ какъ очеркъ г. Ковалевскаго мы не можемъ признать удовлетворительнымъ. Мнѣ кажется, что при этомъ нужно обратить вниманіе на три черты этого государя: 1) стремленіе къ неограниченному самовластію, требованіе безусловнаго и немедленнаго повиновенія подъ угрозой суровыхъ наказаній, представляющія что-то вродѣ навязчивой идеи; 2) манія преслѣдованія, основы для которой могли быть заложены еще въ царствованіе его матери и которыя вполнѣ опредѣлились въ послѣдніе мѣсяцы жизни Павла, такъ что онъ даже высказалъ одному изъ приближенныхъ подозрѣніе, что его хотятъ задушить. Связь между этими двумя сторонами душевной жизни Павла отмѣтилъ еще Карамзинъ, сказавшій, что Павелъ «ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился» [2]). Третьимъ болѣз-

---

Павла была возведена въ дворянское достоинство Гр. *А. Бобринской*, „Дворянскіе роды", 1890, II, 596.

[1]) „Записки гр. Головиной, перев. съ франц. рукописи Е. С. Шумигорскаго. С.-Петербургъ, 1900 г.; стр. 126. У Павла и Маріи Ѳедоровны было 10 дѣтей: 4 сына и 6 дочерей.

[2]) О кухаркѣ-нѣмкѣ, готовившей кушанья для государя въ особой кухнѣ, см. разсказъ Коцебу „достопамятный годъ моей жизни", II, 123—124. Гейкингъ упоминаетъ о кухаркѣ-англичанкѣ. „Aus den Tagen Kaiser Pauls. Aufzeichnungen eines Kurländischen Edelmanns", herausg. von T. Fr. Bienemann. Leipz., 1886, S. 212.

неннымъ явленіемъ въ душевной жизни Павла мы считаемъ признаки эротоманіи.

Брикнеръ указываетъ на то, что Павелъ погибъ вслѣдствіе отсутствія закона, предусматривающаго душевную болѣзнь государя (стр. 59); при этомъ авторъ напоминаетъ, что въ Англіи, во время болѣзни Георга III, управленіе дѣлами не разъ поручалось принцу Уэльскому, а въ Даніи при Христіанѣ VII съ 1784 г. регентомъ былъ будущій король Фридрихъ VI (стр. 65). Однако предположенія Александра Павловича о заточеніи его отца въ Михайловскомъ замкѣ, построенномъ самимъ Павломъ (стр. 74), весьма естественно могли казаться Палену неосуществимыми и опасными (стр. 89). Еслибы даже и существовалъ законъ о регентствѣ, то еще неизвѣстно, удалось ли бы примѣнить его въ данномъ случаѣ безъ серьезныхъ замѣшательствъ: вѣдь Павелъ думалъ же нарушить изданный имъ самимъ законъ о престолонаслѣдіи. Кн. Чарторыжскій также считаетъ неосуществимымъ предположеніе Александра «держать отца подъ опекой. Если бы императоръ остался живъ, полилась бы кровь на эшафотахъ, Сибирь наполнилась бы ссыльными, и вѣроятно ужасное мщеніе Павла распространилось бы на многихъ членовъ его семейства» (I, 253).

Если имп. Павелъ во время своего царствованія былъ человѣкомъ въ большей или меньшей степени душевно-больнымъ, если Паленъ совершенно вѣрно подмѣтилъ въ характерѣ Павла то, что онъ всегда перескакивалъ отъ одного настроенія къ противоположному и принималъ самыя противорѣчивыя рѣшенія (см. стр. 84), то уже заранѣе можно усомниться въ возможности для этого государя опредѣленной демократической программы, которую хочетъ навязать ему г. Буцинскій. Но чтобы болѣе убѣдиться въ этомъ, мы разсмотримъ нѣкоторыя мѣропріятія Павла по внутреннимъ дѣламъ.

Дворянство при Павлѣ лишено было свободы отъ тѣлесныхъ наказаній. 2 января 1797 г. сенатъ поднесъ государю докладъ объ отставномъ прапорщикѣ Рожновѣ, который за произнесеніе «дерзкихъ и къ разврату клонящихся словъ» о святыхъ иконахъ и владѣтельныхъ государяхъ заслуживалъ по законамъ смертной казни, но на основаніи указа имп. Елизаветы 1754 г. подлежитъ наказанію кнутомъ,

вырѣзанію ноздрей, заклейменію и ссылкѣ въ тяжкую работу. Но такъ какъ въ жалованной грамотѣ дворянству 1785 г. сказано: «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго», то прапорщика Рожнова слѣдуетъ, лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, заковать въ кандалы и послать въ тяжкую работу. На этомъ докладѣ Павелъ 3 января 1797 г. положилъ такую резолюцію: «коль скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается, почему и впредь поступать». Послѣ нѣсколькихъ случаевъ наказанія дворянъ и одной дворянки кнутомъ по приговорамъ, утвержденнымъ государемъ (между прочимъ подпоручика Федосѣева, обвиненнаго въ возмущеніи помѣщичьихъ крестьянъ и одного секретяря, признаннаго виновнымъ въ оскорбленіи величества) генералъ прокуроръ кн. Александръ Куракинъ, въ отвращеніе разномыслія въ присужденіи наказаній по дѣламъ уголовнымъ дворянъ, гильдейскихъ граждан, священниковъ и дьяконовъ, предложилъ сенату издать объ этомъ общій указъ. 13 апрѣля 1797 г. былъ обнародованъ сенатскій указъ, которымъ постановлялось довести до свѣдѣнія синода и другихъ учрежденій именной указъ 3 января 1797 г. и конфирмаціи государя. (Пол. Собр. Зак. XXIV, № 17916). А между тѣмъ менѣе чѣмъ за мѣсяцъ, 9 декабря 1796 г. былъ изданъ утвержденный Павломъ докладъ синода, который, въ виду того, что по грамотамъ дворянству и городамъ впадшіе въ преступленіе не только дворяне, но и купечество тѣлесно не наказываются, ходатайствовалъ предъ государемъ объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія священниковъ и дьяконовъ, судимыхъ за уголовныя преступленія и объ отсылкѣ вмѣсто того по лишеніи духовнаго званія въ работу вѣчно или на время, смотря по важности вины, «ибо чинимое имъ наказаніе въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя Тайны, располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана» (П. С. З. № 17624). Мы видимъ тутъ примѣръ крайней неустойчивости Павла при рѣшеніи очень важныхъ государственныхъ дѣлъ. Правда, указъ 9 декабря 1796 г. относительно духовенства былъ отмѣненъ не именнымъ указомъ, но сенатъ логически примѣнилъ указъ о томъ, что по снятіи дворянскаго званія за преступленія устраняются связанныя съ нимъ привилегіи, къ другимъ

привилегированнымъ относительно тѣлеснаго наказанія сословіямъ, такъ какъ указъ 9 декабря 1796 г. былъ мотивированъ грамотами дворянству и городамъ [1]).

Въ самомъ началѣ своего царствованія Павелъ принялъ мѣры къ уничтоженію одной изъ привилегій дворянъ въ военной службѣ. Прежде вошло въ обычай записывать на службу въ гвардію грудныхъ младенцевъ и даже народившихся дѣтей, получая на нихъ паспорта съ оставленными для ихъ именъ пустыми мѣстами. Эти дѣти не только записывались на службу, но жаловались даже въ унтеръ-офицеры или сержанты. Павелъ потребовалъ на службу всѣхъ гвардейцевъ, находившихся въ домовыхъ отпускахъ [2]), и такимъ образомъ при немъ записываніе малолѣтнихъ сдѣлалось невозможнымъ. Но въ то же время Павелъ предоставилъ дворянамъ значительныя преимущества въ военной службѣ: въ указѣ 8 ноября 1796 г., т.-е. черезъ 2 дня послѣ восшествія на престолъ онъ относительно унтеръ-офицеровъ повелѣлъ наблюдать, чтобы «въ производство дворяне предъ недворянами поступали преимущественно» (П. С. З. № 17534). Вслѣдъ затѣмъ въ воинскомъ уставѣ пѣхотной службы (29 ноября 1796 г.) для производства въ унтеръ-офицерскій чинъ дворяне должны были служить рядовыми всего 3 мѣсяца, а недворяне не менѣе 4 лѣтъ (П. С. З. № 17588, ч. IX, гл. 5). 17 апрѣля 1798 г. было предписано не представлять недворянъ не только въ офицеры, но даже въ портупей-прапорщики и въ подпрапорщики, потому что въ оныхъ званіяхъ одни только дворяне должны состоять» (П. С. З. XXV, № 18486). Въ этихъ мѣрахъ трудно усмотрѣть у Павла демократическія наклонности.

---

[1]) Одинъ петербургскій сенаторъ разсказывалъ И. В. Лопухину, какъ онъ съ великимъ прискорбіемъ принужденъ былъ подписать приговоръ къ ссылкѣ и тѣлесному наказанію кнутомъ сыну своего короткаго знакомаго, почти невинному. При этомъ онъ пояснилъ, что сенаторы „боялись не строго приговаривать, и самыми крутыми приговорами старались угождать Павлу“ „Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1860 г. т. II, 72.

[2]) *Болотовъ* „Памятникъ протекшихъ временъ“ М., 1875 г., II, 62—68.; „Записки гр. Головиной“, Спб. 1900, стр. 96. „Малолѣтные за неявкою исключены вовсе изъ полковъ“, говоритъ Вигель. („Записки“, М. 1891, I, 79).

Однако строгости военной службы заставили дворянъ въ огромномъ количествѣ переходить въ гражданскую. Тогда Павелъ сдѣлалъ нѣкоторые шаги къ возстановленію обязательности службы. Въ 1797 г. онъ вновь учредилъ существовавшихъ до первыхъ годовъ царствованія Екатерины II юнкеровъ при сенатѣ и коллегіяхъ (П. С. З. XXIV №№ 17707, 17733). Но такъ какъ многіе дворяне поступали въ юнкера, уклоняясь отъ военной службы, то 14 іюня 1799 г. было предписано, оставивъ 50 юнкеровъ по старшинству ихъ въ спискѣ, препроводить остальныхъ въ военную коллегію для размѣщенія съ тѣмъ, что если кто изъ нихъ не пожелаетъ опредѣлиться въ военную службу, такихъ вовсе исключать, не опредѣляя впредь ни къ какой должности (П. С. З. XXV, № 19900). Вслѣдъ затѣмъ, 5 октября того же года, было предписано: никого изъ дворянъ не служащихъ и желающихъ вступить въ статскую службу никуда не принимать безъ доклада государю (П. С. З. № 19136), а 12 апрѣля 1800 г. даже вовсе запрещено было принимать въ статскую службу вышедшихъ въ отставку изъ военной, если только они не были назначены въ нее государемъ при самой отставкѣ (П. С. З. XXVI, № 19376) [1]. Дворяне, служащіе въ нижнихъ военныхъ чинахъ, лишены были возможности оставить службу по своему желанію: въ октябрѣ 1798 г. запрещено было дворянамъ выходить въ отставку до производства въ первый офицерскій чинъ (П. С. З. XXV, № 18729), а черезъ годъ повелѣно было не увольнять, а исключать изъ службы «за лѣнь» тѣхъ изъ нихъ, кто пожелаетъ выйти въ отставку, не выслуживъ года въ офицерскомъ званіи (П. С. З. № 19140).

15 ноября 1797 г. Павелъ повелѣлъ относительно дворянъ, исключенныхъ изъ военной службы, не только не избирать и не опредѣлять ихъ ни въ какія должности, но даже не принимать отъ нихъ голосовъ и для выбора другихъ (П. С. З. XXIV, № 18245, XXV № 18321). 31 марта 1800 г. сенатъ, по предложенію генералъ-прокурора Обольянинова, примѣнилъ сенатскій указъ о преданія суду маги-

---

[1]) Указомъ 1 мая того же года это право было сохранено лишь за тѣми, кто оставилъ военную службу до вступленія Павла на престолъ П. С. З. № 19408.

стратскихъ членовъ, просрочивающихъ свои отпуски, къ дворянамъ, избраннымъ отъ дворянства въ должности и уклоняющимся отъ вступленія въ нихъ (П. С. З. XXVI. № 19356) [1]). Понятно, какъ велико было недовольство дворянъ всѣми этими мѣрами Павла.

Кромѣ понужденія къ службѣ, связанной при Павлѣ съ постоянною возможностію тяжелой отвѣтственности, были и другія причины для негодованія дворянства въ концѣ царствованія этого государя. «Дворянство», говоритъ декабристъ М. А. фонъ-Визинъ, «было обезпечено въ вѣрномъ полученіи доходовъ своихъ помѣстьевъ, отпуская за море хлѣбъ, корабельные лѣса, мачты, сало, пеньку, ленъ и проч. Разрывъ съ Англіею, нарушая матеріальное благосостояніе дворянства, усиливалъ въ немъ ненависть къ Павлу, и безъ того возбужденную его жестокимъ деспотизмомъ» [2]). Это обстоятельство могло играть нѣкоторую роль въ гибели Павла, — вѣдь лица, убившія его, были дворяне-помѣщики.

Относительно духовенства при Павлѣ были приняты двоякаго рода мѣры: 18 декабря 1797 г. онъ значительно возвысилъ всѣ оклады духовенства, получавшаго штатное жалованье съ 1765 г. (П. С. З. XXIV 18273), а прихожанамъ тѣхъ церквей, причтъ которыхъ не состоялъ на денежномъ окладѣ, сначала велѣно было обрабатывать въ его пользу церковную пашню, но затѣмъ 11 января 1798 г. это было замѣнено взносами хлѣбомъ или соотвѣтственною денежною суммою (П. С. З. XXV № 183116). Но возстановленіе (13 апрѣля 1797 г.) тѣлеснаго наказанія для священ-

---

[1]) 9 августа 1800 г. Павелъ повелѣлъ „отставленныхъ“ отъ службы послѣ вступленія его на престолъ и до указа 1 мая 1796 г. (см. выше), бывшихъ при должностяхъ по выборамъ дворянства, впредь въ должностяхъ не утверждать и не опредѣлять безъ повелѣнія государя (П. С. З. № 19508). Объ ограниченіяхъ корпоративныхъ правъ дворянства при Павлѣ см. *Романовичъ-Славатинскій*, „Дворянство въ Россіи отъ начала 18 вѣка до отмѣны крѣпостного права“, 1870 г., стр. 425, 428, 457, 466, 469.

[2]) „Общественное движеніе въ первой половинѣ XIX вѣка“ т. I, 134. Безуміе Павла дошло, до того, что въ послѣдній день его жизни былъ объявленъ изъ коммерцъ-коллегіи указъ вслѣдствіе именного, „чтобы изъ россійскихъ портовъ и пограничныхъ сухопутныхъ таможенъ и заставъ *никакихъ россійскихъ товаровъ выпускаемо никуда не было* безъ особаго высочайшаго повелѣнія.“ П. С. З. XXVI № 19775.

никовъ и дьяконовъ, судимыхъ за уголовныя преступленія, и суровый разборъ духовенства, предписанный 22 декабря 1796 г.. должны были очень раздражить членовъ этого сословія. Въ указѣ относительно разбора духовенства было сказано, что, усмотрѣвъ изъ синодскихъ вѣдомостей, «сколь великое число состоитъ священно- и церковно-служительскихъ дѣтей, праздно живущихъ при отцахъ своихъ, и желая устроить состояніе ихъ съ лучшею выгодою какъ для общества, такъ и для нихъ самихъ», государь повелѣлъ, заполнивъ штатныя мѣста при церквахъ и учительскія мѣста въ духовныхъ и городскихъ училищахъ, остальныхъ взять въ военную службу, «гдѣ они будутъ употреблены съ пользою по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались» [1]). «По своему суровому характеру разборъ церковниковъ этого времени», говоритъ извѣстный изслѣдователь быта духовенства П. В. Знаменскій, «напоминалъ разборы», происходившіе при Биронѣ, «и надолго сохранился въ преданіяхъ духовнаго сословія; правительство какъ будто карало этихъ лишнихъ людей духовнаго званія за то, что они лишніе, а между тѣмъ само-же заграждало имъ выходъ въ другія званія, кромѣ солдатства, забирало въ солдаты и тѣхъ изъ нихъ, которые успѣли еще прежде записаться въ податное состояніе или поступить въ канце ляріи» [2]). Этими двумя мѣрами Павла, то есть суровымъ разборомъ духовенства и возстановленіемъ тѣлесныхъ наказаній и объясняется вѣроятно широкое участіе сельскаго духовенства въ крестьянскихъ волненіяхъ, происходившихъ въ очень многихъ губерніяхъ Россіи съ ноября 1796 г. почти до самаго 1797 [3]). Духовенство, конечно, не могло быть примирено съ Павломъ тѣмъ, что онъ сталъ жаловать ордена какъ бѣлому духовенству, такъ и монахамъ, и даже

---

[1]) *П. Знаменскій.* „Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра“. Каз. 1873 г. стр. 310—317.

[2]) Объ участіи духовенства въ этихъ волненіяхъ см. книгу г. *Трифильева* „Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе имп. Павла I“. Харьковъ 1904.

[3]) П. С. З. XXIV № 17675. 24 августа 1797 г. было разъяснено сенатскимъ указомъ, что не слѣдуетъ брать въ военную службу церковниковъ моложе 15 лѣтъ, больныхъ и старыхъ (50—60 лѣтъ). П. С. З. № 18109.

женщинамъ духовнаго званія. На своего бывшаго наставника, митрополита Платона, находившаго несовмѣстимымъ свѣтскіе награды съ духовнымъ саномъ, Павелъ все же, несмотря на его возраженія, возложилъ андреевскій орденъ [1]).

Стремленіе харьковскаго проф. Буцинскаго во что бы то ни стало идеализировать императора Павла не осталось безъ вліянія по крайней мѣрѣ на одного изъ тамошнихъ изслѣдователей. Г. Трифильевъ въ работѣ, посвященной исторіи крестьянскихъ волненій при Павлѣ [2]), пытается идеализировать его въ области крестьянскаго дѣла и увѣрять, что этотъ государь «близко принималъ къ сердцу нужды крѣпостного крестьянства», что онъ въ продолженіе всего своего царствованія «оставался неизмѣнно благожелательнымъ» по отношенію къ крѣпостнымъ. Въ замѣткѣ по поводу этого труда [3]), мы уже указали на односторонность взглядовъ автора. Дѣйствительно указъ 1797 г. о трехдневной барщинѣ, какъ это замѣтилъ еще Радищевъ, походилъ скорѣе на увѣщаніе соблюдать установившійся обычай, чѣмъ на положительный законъ, который къ тому же былъ слишкомъ кратокъ и не разрѣшалъ многихъ вопросовъ относительно барщиннаго труда. Въ Малороссіи этотъ законъ могъ повлечь за собою даже повышеніе размѣра работъ на господина, такъ какъ до того тамъ была очень распространена въ помѣщичьихъ имѣніяхъ двухдневная барщина [4]). Г. Трифильевъ придаетъ большое значеніе дозволенію (12 декабря 1796 г.) подавать жалобы государю съ условіемъ, чтобы онѣ были подписаны только однимъ человѣкомъ. Но я указалъ на упущенный авторомъ случай публичнаго наказанія плетьми, «сколько похотятъ сами ихъ помѣщики», многихъ дворовыхъ безъ всякаго разбора за просьбу объ избавленіи отъ тиранства господъ и совершенномъ освобож-

---

1) *Ив. Знаменскій.* „Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I“, 1880 г. стр. 152—157.

2) Подробный и весьма убѣдительный разборъ этого труда сдѣланъ Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ въ „Жур. Нар. Просв.“ 1905 г., № 2. Отвѣтъ г. Трифильева см. Ibid. въ № 10 и возраженіе г. Павлова-Сильванскаго въ № 12.

3) „Русская Мысль“ 1905 г. № 5.

4) См. мою книгу „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“, т. I. изд. 2, стр. 96—98.

деніи. Наказаніе это было произведено по личному приказу Павла. Послѣ этого неудивительно, что «господскихъ людей» во время пребыванія Павла въ Казани въ 1798 г., подавшихъ ему жалобу на господъ, «били палками и въ полиціи сѣкли» [1]).

Дѣло въ томъ, что если нѣкоторыя мѣры Павла (законъ о трехдневной барщинѣ, вынужденный вѣроятно сильными волненіями крѣпостныхъ крестьянъ [2]), запрещеніе въ 1798 г. продажи крѣпостныхъ безъ земли въ Малороссіи, правила относительно крѣпостныхъ, ищущихъ вольности) обнаруживаютъ добрыя намѣренія нѣсколько ограничить крѣпостное право, то рядомъ съ этимъ принимаются мѣры совершенно иного характера. Такъ 12 декабря 1796 г., т. е. въ тотъ же самый день, когда дозволено было приносить жалобы государю, именнымъ указомъ было повелѣно, въ видахъ водворенія порядка и утвержденія «въ вѣчную собственность каждаго владѣльца», чтобы въ губерніяхъ Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Области Таврической, а также на Дону и на островѣ Тамани «каждый изъ поселянъ остался въ томъ мѣстѣ и званіи, какъ онъ по нынѣшней ревизіи написанъ будетъ (П. С. З. XXIV, № 17538). Это означало окончательное прекращеніе перехода крестьянъ и закрѣпощеніе въ перечисленныхъ губерніяхъ за частными землевладѣльцами, а на Дону, вслѣдствіе отсутствія тамъ частнаго землевладѣнія, за войсковыми старшинами и чиновниками. Нужно замѣтить впрочемъ, что на Дону пришлые черкасы (малороссіяне) еще въ 1760-хъ годахъ записывались въ поддушный окладъ не только за станицами, но и за отдѣльными войсковыми служащими, и есть указаніе, что даже въ концѣ 1750-хъ годовъ были случаи покупки казаками людей въ «прокъ безповоротно» у великороссійскихъ помѣщиковъ. На Дону былъ замѣтенъ сильный наплывъ черкасъ, то есть малороссіянъ, въ 1782—95 г.г.: это очевидно было слѣдствіемъ уничтоженія Запорожской Сѣчи въ 1775 г. и указа 3 Мая 1783 г. о прикрѣп-

---

[1]) „Восемнадцатый вѣкъ“, изд. Бартенева, т. IV, 469.

[2]) Въ первый годъ царствованія Павла было около 280 волненій въ 32 губерніяхъ Европейской Россіи. Половина этихъ волненій произошла въ январѣ 1797 г. *Трифильевъ*, 287—288.

леніи крестьянъ въ Малороссіи. Во время 4-ой ревизіи (1782 г.) за отдѣльными владѣльцами было записано 19123 чел., а по 5-ой ревизіи (1795 г.) ихъ оказалось уже 54628 душъ. Покупка крестьянъ даже съ разлученіемъ семействъ для перевоза въ землю Войска Донскаго продолжалось до запретившаго это указа Александра I 20 февраля 1816 г.[1]).

Подобно тому, какъ относительно крѣпостныхъ крестьянъ и живущихъ на частновладѣльческихъ земляхъ въ мѣрахъ Павла не было какого нибудь опредѣленнаго демократическаго плана, такъ и относительно другихъ разрядовъ крестьянъ принимаются мѣры въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ. Такъ напримѣръ относительно государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ уральскимъ заводамъ для отработки на нихъ податей и находившихся въ весьма тяжеломъ положеніи, Павелъ 9 Ноября 1800 г. принялъ сравнительно благопріятныя для нихъ предложенія, сдѣланныя Соймоновымъ. Приписныхъ крестьянъ велѣно было замѣнить постоянными мастеровыми, которыхъ они должны были выбрать изъ своей среды по 58 человѣкъ съ 1000 душъ. Это слѣдовало исполнить въ теченіе 4 лѣтъ, начиная съ 1802 г., остальные же приписные должны были возвратиться на общее положеніе государственныхъ крестьянъ и быть навсегда свободными отъ заводскихъ работъ[2]). Кромѣ уральскихъ заводовъ мѣру эту Павелъ велѣлъ распространить на олонецкіе кронштадтскій и луганскій заводы (П. С. З. XXVI № 19641). А нѣсколько ранѣе, въ 1798 г., въ интересахъ фабрикантовъ и заводчиковъ была принята мѣра, весьма неблагопріятная для крестьянъ: возобновлено разрѣшеніе, пріостановленное при Петрѣ III, покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, то есть открыта возможность увеличенія числа такъ называемыхъ поссессіонныхъ крестьянъ, юридическое положеніе которыхъ было нѣсколько благопріятнѣе, фактическое же гораздо тяжелѣе положенія помѣщичьихъ крестьянъ, кромѣ работающихъ на

---

[1]) П. С. З. т. XXXIII, № 26164; „Сборн. Имп. Истор. Общ.“ т. 121, стр. 393—397, 421, 435—437, ср.“ „Труды Донского Войскового Статистическаго Комитета“ т. I. *Карасевъ*. „Донскіе крестьяне“.

[2]) Эта важная реформа была осуществлена на Уралѣ въ царствованіе Александра I въ 1807 г.

фабрикахъ и заводахъ, такъ какъ этотъ послѣдній трудъ былъ самымъ тяжелымъ видомъ барщины.

Вреднѣе всѣхъ другихъ мѣръ для крестьянъ и интересовъ государства была безумная раздача населенныхъ имѣній, которую Шишковъ называетъ «расхваткою деревень» [1]). Павелъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, задался совершенно невѣрною мыслію, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ лучше, чѣмъ казенныхъ, и уже тогда выражалъ желаніе всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Къ счастью онъ не успѣлъ осуществить это намѣреніе, однако, считая помѣщиковъ своими прирожденными полиціймейстерами, онъ надѣлилъ весьма многихъ крестьянъ, находившихся въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи, благодѣяніями крѣпостного права. Въ исторіи пожалованій имѣній при Павлѣ особенно памятны три дня: 4 декабря 1796 г. 30 лицъ, окружавшихъ Павла, когда онъ былъ наслѣдникомъ, получили болѣе 32.000 душъ мужского пола; 5 апрѣля 1797 г., въ день коронаціи было пожаловано 109 лицамъ—болѣе 100.000 душъ м. п., наконецъ 16 апрѣля 1797 г. офицерамъ гвардейскихъ полковъ, прежде служившихъ въ гатчинскихъ и павловскихъ баталіонахъ, было роздано около 17.000 душъ м. п. Такимъ образомъ въ 3 дня была роздана половина всего числа душъ, пожалованныхъ въ царствованіе Павла. Общій итогъ пожалованій въ это время доходитъ до 600.000 душъ обоего пола. Такимъ образомъ имп. Павелъ далеко превзошелъ свою мать въ неумѣренной раздачѣ населенныхъ имѣній, такъ какъ она хотя и раздала крестьянъ на 250.000 душъ болѣе, чѣмъ ея преемникъ, но сдѣлала это не въ 4 года, а въ 35 лѣтъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что въ числѣ розданныхъ Павломъ въ частную собственность половина, болѣе 300.000 душъ об. п., была изъ дворцовыхъ, или удѣльныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ было почти одинаково съ казенными [2]).

---

[1]) „Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова“, т. I, Берл. 1870 г. стр. 22.

[2]) Ср. мои статьи „Пожалованія населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II. Очеркъ изъ исторіи частной земельной собственности въ Россіи“ („Журналъ для всѣхъ“, 1906 г., №№ 1 и 2) и „Пожалованія населенныхъ имѣній при имп. Павлѣ“ („Русская Мысль“ 1882 г., № 12). Статья „Бородина“, упоминаемая Брикнеромъ на стр. 26,

Приведенные факты показываютъ вполнѣ ясно, что и въ крестьянскомъ дѣлѣ у Павла не было какой-либо опредѣленной демократической программы; приближенные же думали лишь о томъ, какъ бы ухватить лишнюю тысченку душъ (ср. Брикнеръ, 54, 56). Правда у одного изъ наиболѣе высокопоставленныхъ при Павлѣ лицъ, хотя онъ послѣ гр. Бобринскаго [1]) болѣе другихъ воспользовался безумною щедростію Павла въ раздачѣ населенныхъ имѣній былъ планъ реформъ, необходимыхъ для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Когда у Безбородка, знакомаго съ знаменитого книгою Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», спросили (по порученію цесаревича Александра Павловича) его мнѣніе о желательныхъ преобразованіяхъ, то онъ указалъ, что относительно крѣпостныхъ необходимо принять слѣдующія мѣры: 1) переселять крѣпостныхъ крестьянъ не иначе, какъ съ ихъ согласія; 2) продавать не иначе, какъ съ землею; 3) движимое имущество должно составлять неотъемлемую собственность крестьянъ, а капиталы ихъ (дѣло тутъ очевидно идетъ о крестьянахъ, разбогатѣвшихъ торговлею или какимъ-либо промысломъ) не должны быть обложены побо̀рами въ пользу помѣщика болѣе того, что казна получаетъ съ купеческихъ капиталовъ; 4) необходимы какія-

---

есть статья А. К. Бороздина „Къ характеристикѣ имп. Павла“, („Ист. Вѣстн.“, 1882 г., № 6 стр. 641—658). Брикнеръ упоминаетъ (стр. 27) о пожалованіи эмигранту Шуазелю 2.000 душъ. Дѣйствительно гр. Шуазель-Гуфье, тайному совѣтнику, было указомъ 3 августа 1797 г. пожаловано близкое къ этому количество крестьянъ, а именно 1966 душъ м. п. въ Тельшевскомъ уѣздѣ Литовской губерніи—одно староство и два ключа изъ столовыхъ имѣній бывшаго виленскаго епископа въ Виленскомъ уѣздѣ. „Сенатскій Архивъ“ I, 266. Очень важно указаніе Брикнера, заимствованное изъ депешъ Стединга, о числѣ душъ, дарованныхъ отцу фаворитки Павла, Лопухину (стр. 44), такъ какъ до сихъ поръ было извѣстно только, что ему было пожаловано купленное въ казну староство Корсунь Кіевской губерніи („Сен. Арх.“ I, 486), но число душъ въ немъ извѣстно не было. Относительно пожалованія имѣнія Палену мы знаемъ только, что данные ему при Екатеринѣ въ 1789 г. 500 душъ крестьянъ, (въ 1798 г. ихъ числилось уже 596 д.), было повелѣно 20 октября 1798 г. обмѣнить на мызу Гофцумбергенъ въ Курляндской губерніи („Сен. Арх,“ I, 450).

[1]) Сынъ Екатерины II и Г. Г. Орлова, которому Павелъ пожаловалъ въ собственость 25.000 душъ, назначенныхъ для его содержанія Екатериною II.

либо мѣры для измѣненія быта дворовыхъ: ихъ нужно, по истеченіи извѣстнаго времени, опредѣлять на пашню, замѣняя другими, или отпускать на волю съ тѣмъ, чтобы при новой ревизіи они могли избирать себѣ службу или состояніе. Но если бы Павелъ и спросилъ у Безбородки о его программѣ по крестьянскому вопросу, то, конечно, онъ не выполнилъ бы ее именно потому, что у него вовсе не было опредѣленныхъ демократическихъ взглядовъ. Слѣдуетъ оговориться впрочемъ, что (если не считать запрещенія при Павлѣ продажи крѣпостныхъ безъ земли въ Малороссіи) программа Безбородка не была осуществлена до самаго уничтоженія крѣпостного права.

Брикнеръ приводитъ (стр. 88) слова Ланжерона, что «солдаты-гвардейцы любили Павла. Особенно преданъ ему былъ первый баталіонъ Преображенскаго полка. Взрывы ярости несчастнаго государя были направлены противъ офицеровъ и генераловъ; солдатъ же хорошо одѣвали, хорошо кормили, даже дарили имъ деньги» (стр. 88). Чарторыжскій также говоритъ: «солдаты рѣдко подвергались причудливой суровости имп. Павла. Къ тому же за парадъ или разводъ имъ часто давали хлѣбъ, говядину, водку и рубли» (I, 251) Разумѣется, это было лишь тогда, когда Павелъ былъ доволенъ ученіемъ, что вовсе не было явленіемъ обычнымъ. Однако къ свидѣтельствамъ о томъ, что солдаты любили Павла, нужно относиться съ большою осторожностію. Что имъ также приходилось быть жертвами крайней требовательности и взбалмошности государя, видно изъ слѣдующаго факта, сообщаемаго тѣмъ же Ланжерономъ. Однажды въ 1797 году Павелъ остался недоволенъ полкомъ, которымъ командовалъ Аракчеевъ. Чтобы отомстить за эту непріятность, Аракчеевъ велѣлъ жестоко сѣчь трехъ самыхъ красивыхъ солдатъ, такъ что они тотчасъ же послѣ того испустили духъ въ больницѣ. Александръ Павловичъ видѣлъ несчастныхъ жертвъ злодѣя въ лазаретѣ, куда нарочно повелъ его адъютантъ. Цесаревичъ вздыхалъ, но не осмѣлился сообщить объ этомъ государю, какъ этого ожидали противники Аракчеева [1]). Шишковъ въ своихъ запис-

---

[1]) *Брикнеръ.* „Записки гр. Ланжерона о русскомъ войскѣ". „Русская Мысль" 1896 г. № 9, стр. 33.

кахъ (I, 22), какъ очевидецъ, разсказываетъ, что Аракчеевъ въ присутствіи государя за малыя ошибки отмѣчалъ на спинѣ солдатъ, сколько палочныхъ ударовъ слѣдуетъ дать имъ. По словамъ Массона жестокая расправа Аракчеева стоила жизни не одному несчастному солдату даже въ присутствіи самого Павла [1]). Другой иностранецъ, посѣтившій Петербургъ въ царствованіе Павла, сообщаетъ, что государь поручилъ однажды великому князю дать 29 палочныхъ ударовъ двумъ гренадерамъ, которыми онъ былъ недоволенъ. Офицеровъ Павелъ иногда собственноручно наказывалъ палкой [2]), если же наказаніе солдатъ онъ поручалъ другимъ, то все же они прекрасно понимали, кто истинный виновникъ истязаній, которымъ они подвергались. Не даромъ одинъ инвалидъ въ 1799—1800 г., увидѣвъ ѣдущаго императора, сказалъ: «вотъ нашъ Пугачевъ ѣдетъ!» и когда прятавшійся тутъ за заборомъ чиновникъ замѣтилъ ему, какъ онъ смѣетъ такъ называть государя, тотъ отвѣчалъ, что видно онъ и самъ такъ думаетъ, если прячется отъ него [3]). Кромѣ суровыхъ истязаній, въ жизни гвардейскихъ солдатъ при Павлѣ были и другія тяжелыя стороны. Вмѣсто удобной одежды, введенной по предложенію Потемкина, которая была проста и нравилась войскамъ, принята была форма прусскаго образца: мундиръ съ узкими панталонами, непріятная прическа, неудобная обувь. По словамъ Саблукова, солдаты въ это время «носили букли и толстыя косички со множествомъ пудры и помады, вслѣдствіе чего прическа нижнихъ чиновъ занимала очень долгое время». Такъ какъ парикмахеровъ было мало, то, «солдаты, когда они готовились къ параду, принуждены были

---

1) „Mémoires secrets“, ed. 1859, p. 417.

2) *Шумигорскій.* „Записки баварца о Россіи временъ имп. Павла“. „Рус. Стар. „1899 г., № 9, стр. 544.

3) „Воспоминанія Полетики“ „Рус. Арх.“ 1885 г., т. III, 320. Въ Казани въ 1798 г. солдаты, жаловавшіеся Павлу на командировъ, были наказаны шпицрутенами. „Восемнадцатый вѣкъ“ Бартенева т. IV, 469. Бывали впрочемъ случаи наказанія начальниковъ за жестокое обращеніе съ нижними чинами: см. *Панчулидзевъ* „Ист. Кавалергардовъ“ II, 226, но это вызывалось обыкновенно или особенно многочисленными побѣгами, или смертью наказаннаго, если она сдѣлалась извѣстною государю.

не спать всю ночь изъ-за своей завивки». А потомъ утомленные солдаты расплачивались спиною за малѣйшую ошибку на смотру. Такимъ образомъ прежнюю прическу, дозволявшую держать голову въ чистотѣ, замѣнила сложная куафюра съ саломъ, которая вызывала обильное появленіе паразитовъ. Обувь солдатъ была также неудобна. Чулки со штиблетами и повязками и лакированные башмаки были очень неудобны при переходахъ по грязнымъ дорогамъ. Солдату было истинное мученье со штиблетами, штиблетными подтяжками, крючками, башмачными петельками и проч. [1]). Быть можетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ матеріальное положеніе солдатъ было благопріятнѣе, чѣмъ прежде,—недаромъ гр. А. Р. Воронцовъ, весьма рѣзко отзывающійся о царствованіи Павла, говоритъ, что, въ отличіе отъ прежняго, «положенное для солдатъ не служило другимъ въ корысть», а доходило до нихъ [2]), но солдаты при самой строгой дисциплинѣ остаются все же людьми, которыхъ какимъ нибудь лишнимъ рублемъ нельзя заставить забыть о всѣхъ ихъ страданіяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ Шишковъ: «Солдаты послѣ ученія нерѣдко получали въ награду по фунту говядины или по рублю на человѣка, но и сіи царскія милости принимались больше съ негодованіемъ нежели съ благодарностію; ибо рубль денегъ или фунтъ говядины, почитаемый какъ бы нѣкоторою платою за ежедневные безпокойства и труды, не могъ быть достаточнымъ и утѣшительнымъ за оные вознагражденіемъ. Сверхъ сего всякъ въ сихъ безпрестанныхъ ученіяхъ, состоявшихъ въ строгомъ и точномъ наблюденіи самыхъ мелочныхъ и часто перемѣняемыхъ движеній руками, ногами и тѣломъ, видѣлъ болѣе забаву, увеселяющую глаза, нежели настоящую пользу и надобность» [3]). Печальная жизнь дѣлала нижнихъ чиновъ большими пессимистами; недаромъ солдатъ, послѣ того какъ увидѣлъ трупъ Павла, имѣвшій слѣды жестокихъ насилій, сказалъ, что теперь онъ присяг-

---

[1]) *Петрушевскій.* „Генералиссимусъ кн. Суворовъ“ т. II, 320.

[2]) „Архивъ кн. Воронцова“ XXIX, 465.

[3]) „Записки Шишкова I, 18. О ропотѣ солдатъ, несмотря на раздачу водки и рублей, говоритъ и Массонъ. „Mem. secrets“, 1859, p. 130, 154.

нетъ Александру, «хотя лучше покойнаго ему конечно не быть... А впрочемъ все одно: кто ни попъ, тотъ батька» (стр. 131).

Выше было приведено свидѣтельство Мертваго о преслѣдованіи сектантовъ, но имъ подвергались не всѣ раскольники. Къ поповцамъ, жившимъ въ Иргизскихъ монастыряхъ нынѣшней Саратовской губерніи, Павелъ отнесся очень милостиво. 16 января 1797 г. онъ далъ владимірскому губернатору Руничу слѣдующее собственноручное предписаніе: «ѣхать вамъ въ Узени и въ прилежащія мѣста, увѣрить начальствующихъ о моемъ къ нимъ благоволеніи и о желаніи моемъ видѣть ихъ всегда въ спокойствіи и удовольствіи». Такое посольство Рунича конечно должно было имѣть очень большое значеніе для старообрядцевъ. Указомъ 31 Августа 1797 г., живущіе въ трехъ иргизскихъ монастыряхъ были освобождены отъ поставки рекрутъ. Затѣмъ 30 іюля 1798 г. Павелъ, узнавъ, что эти монастыри терпятъ притѣсненія отъ мѣстнаго начальства, вновь послалъ Рунича для ихъ разслѣдованія, поручивъ ему заявить, что государь вовсе не желаетъ «ихъ тревожить во всемъ томъ, что касается до ихъ обрядовъ и что власти нашей... не противно». Послѣ пожара, случившагося въ одномъ изъ этихъ монастырей, государь отпустилъ для возобновленія сгорѣвшихъ церквей и строеній 12.000 рублей [1]. Въ 1798 г единовѣрцамъ. т. е. старообрядцамъ, согласившимся принять священниковъ, рукоположенныхъ православными архіереями, но съ сохраненіемъ старопечатаныхъ книгъ при богослуженіи, Павелъ дозволилъ имѣть церкви и давать имъ такихъ священниковъ безъ особаго каждый разъ разрѣшенія государя. Единовѣріе было окончательно установлено въ 1800 г. правилами, составленными митрополитомъ Платономъ и утвержденными императоромъ [2]. Иначе относился Павелъ къ безпоповцамъ. Въ концѣ 1800 г. хозяева домовъ въ Петербургѣ, гдѣ находились безпоповщинскія моленныя, были арестованы, имъ велѣно было соеди-

---

[1]) *Н. Соколовъ.* „Расколъ въ Саратовскомъ краѣ“ т, I, Сарат. 1888 г. стр. 164—168.

[2]) П. С. З., XXV; № 18428, XXVI № 19621; „Собр. постановл. по части раскола,“ 1860 г., ст. 757—760, 766—768.

ниться съ признающими священство, а такъ какъ они на это не соглашались, то одного велѣно было обрить и отдать въ фурманщики а другого посадить въ петербургскую крѣпость, въ которой онъ былъ заключенъ до восшествія на престолъ Александра I [1]).

Особенно жестокимъ преслѣдованіямъ подвергались духоборцы [2]) въ губерніяхъ Харьковской, Херсонской, Тверской, Новгородской и въ Москвѣ. Въ Новороссійской губерніи явились ихъ новые послѣдователи, и въ 1799 г., какъ доносилъ мѣстный губернаторъ, начали гласно проповѣдывать, что высшія власти въ государствѣ не нужны. 31 человѣкъ были сосланы въ Екатеринбургскіе рудники на самыя тяжкія работы, и ихъ велѣно держать скованными, «дабы», какъ сказано въ указѣ Павла, «сіи духоборцы, отвергающіе вышнюю власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ поставленную, восчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ, то, что суть на земли власти, Богомъ опредѣленныя на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе» [3]). Въ 1800 г. именнымъ указомъ генералъ-прокурору Обольянинову, Павелъ повелѣлъ всѣхъ нераскаявшихся духоборцевъ сослать въ вѣчную каторгу и примѣнять это правило ко всѣмъ такимъ сектантамъ. Законъ этотъ не остался мертвою буквою. По свидѣтельству извѣстнаго масона И. В. Лопухина въ 1801 г.: «никакая секта въ новѣйшія времена не была столь строго преслѣдуема, какъ духоборцы... Разными образами истязывали ихъ, цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторыя изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ». По словамъ того же Лопухина, «всякій генералъ-прокуроръ, вслѣдствіе губернатор-

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1879 г., т. XXII, 176.

[2]) Духоборцы отвергали церковную іерархію, таинства, храмы, иконы, посты и мощи; екатеринославскіе духоборцы считали ненужными правительственную власть для послѣдователей своего ученія.

[3]) П. С. З. XXV, № 19097, указъ 28 августа 1799 г. Духоборцевъ ссылали также въ Ригу, Финляндію, Сибирь, иногда съ наказаніемъ кнутомъ и вырѣзаніемъ ноздрей.

скихъ представленій, объявлялъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто»[1]).

Извѣстны цензурныя свирѣпства времени Павла[2]). Они завершились слѣдующимъ именнымъ указомъ сенату 18 апрѣля 1800 г.: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку»[3]). На основаніи этого указа были задержаны даже книги, выписанныя изъ-за границы императрицею Маріею Ѳедоровною, и ей не безъ труда удалось упросить Павла разрѣшить получить эти книги. Запрещеніе, разумѣется не достигло цѣли, а недозволенныя книги находились въ обращеніи и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. По свидѣтельству ученаго современника, «такъ какъ идти на такой рискъ стоило лишь для *самыхъ пикантныхъ* вещей, то самая строгость мѣръ была причиной, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній привозились въ имперію только такія, по поводу которыхъ запрещеніе и было главнымъ образомъ сдѣлано. Нѣкоторые букинисты (среди ихъ были и эмигранты) занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ неслыханной смѣлостью. Ихъ склады были извѣстны почти всякому, и однако не нашлось ни одного доносчика»[4]). Ученіе въ заграничныхъ университетахъ было запрещено, и русскіе подданные вызваны оттуда. Гоненію, подвергались не только книги, но даже отдѣльныя слова: такъ въ 1800 г. запрещено было слово «общество», и вмѣсто него слѣдо-

---

[1]) „Записки Лопухина“, „Чтен. Об. Ист. Древ. Рос.“ 1860 г., III, 109—110, 93; *Новицкій*. „Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе“, Кіевъ, 1882 г., изд. 2; *Е. Р.* „Русскіе раціоналисты“, „Вѣстн. Евр.“ 1881 г., № 2, стр. 675.

[2]) См. „Арх. Госуд. Сов.“, т. II, 1888 г., стр. 425—514; *Скабичевскій*. „Очерки исторіи русской цензуры“, 1892 г.; *Сиповскій*. „Изъ прошлаго русской цензуры“, 1899 г., №№ 4 и 5.

[3]) П. С. З. XXVI, № 19387.

[4]) *Storch*. Russland unter Alexander dem Ersten, I, 130.

вало употреблять «собраніе», вмѣсто «гражданинъ»—«купецъ или мѣщанинъ» и проч. [1]).

Въ исторіи преслѣдованія книгъ якобы дурного направленія особенно знаменита исторія пастора Зейдера. 29 мая 1800 г. генералъ-прокуроръ Обольяниновъ сдѣлалъ «предложеніе» юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, въ которомъ сообщалъ, что государь, узнавъ о существованіи въ Лифляндской губерніи частныхъ библіотекъ для чтенія, повелѣлъ, чтобы «нигдѣ и никакихъ законопротивныхъ книгъ не было, если же найдены будутъ гдѣ сомнительныя, таковыя препровождать въ цензуру», о чемъ и было дано знать 11 марта 1799 г. лифляндскому генералъ-губернатору. Между тѣмъ живущій близъ Дерпта пасторъ Зейдеръ не только не представилъ книгъ, куда слѣдуетъ, и не объявилъ о существованіи у него библіотеки для чтенія, но и раздавалъ изъ нея «сумнительныя и уже запрещенныя»; поэтому государь повелѣлъ книги у пастора Зейдера опечатать и прислать его вмѣстѣ съ ними. Зейдера обвиняли еще въ томъ, что онъ не предъявилъ каталоговъ книгъ и на требованія о представленіи ихъ отвѣчалъ, что, намѣреваясь уничтожить библіотеку, изорвалъ ихъ. По привозѣ его къ генералъ-прокурору, государь повелѣлъ судить его и уже заранѣе предписалъ приговоръ, а именно: Зейдера должно было, «наказавъ тѣлесно, сослать въ Нерчинскъ въ работу». Между тѣмъ пасторъ Зейдеръ въ своей автобіографической запискѣ говоритъ, что обвиненіе, возбужденное противъ него, было ложно и несправедливо потому, во-первыхъ, что, сколько ему извѣстно, списокъ запрещенныхъ книгъ никогда не былъ опубликованъ въ Лифляндіи и не былъ сообщенъ владѣльцамъ библіотекъ, во-вторыхъ, онъ никогда не привозилъ въ Россію ни одной книги тайкомъ, а покупалъ всѣ изданія въ книжныхъ магазинахъ [2]). Юстицъ-коллегія лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, согласно указу Павла, приговорила Зейдера къ лишенію ду-

---

[1]) „Русская Старина“, 1872 г., № 7, стр. 98.

[2]) „Русская Стар.“, 1882 г., т. XXXIII, 206—207; 1878 г., т. XXII, 128. Переводъ печатной книжки пастора Зейдера см. въ „Русск. Стар.“ 1878 г., т. XXI, 463—490.

ховнаго званія, наказанію кнутомъ двадцатью ударами и къ отсылкѣ въ Нерчинскъ въ работу [1]).

2 іюня 1800 г., Зейдеръ долженъ былъ подвергнуться наказанію кнутомъ. Но очевидно въ высшей администраціи нашлись люди, принимавшіе въ немъ участіе, такъ какъ офицеръ-экзекуторъ подозвалъ къ себѣ палача и что-то сказалъ ему. Зейдеръ раздѣлся, и его выставили къ позорному столбу; затѣмъ привязали къ плахѣ; съ первымъ ударомъ онъ ожидалъ смерти, но кнутъ, не касаясь его тѣла, только скользилъ по кушаку брюкъ. Александръ I возвратилъ Зейдера изъ ссылки и велѣлъ вновь посвятить въ званіе пастора.

Лейтенантъ Акимовъ, одинъ изъ офицеровъ, отправленныхъ при Екатеринѣ II въ Англію для практическаго изученія морской службы и возвращенныхъ въ Россію по приказанію Павла, видя всѣ происшедшія на родинѣ перемѣны, написалъ и началъ прикрѣплять къ Исаакіевскому собору, который строился въ началѣ изъ мрамора, а достроенъ былъ изъ кирпича, слѣдующіе стихи: «Се памятникъ двухъ царствъ, обоимъ столь приличный: основа его мраморна, а верхъ его кирпичный». Полиція схватила его, донесли императору, а тотъ приказалъ Обольянинову и генералъ-интенданту флота примѣрно наказать его. По свидѣтельству де-Санглена, эти усердные рабы своего повелителя велѣли отрѣзать Акимову уши и языкъ и сослать въ Сибирь, не позволивъ даже проститься съ матерью. При Александрѣ I онъ былъ возвращенъ, и тогда узнали всѣ подробности происшествія [2]).

Въ 1800 г. въ городѣ Старочеркаскѣ, въ землѣ Войска-Донского, были наказаны кнутомъ 2 канцеляриста «за сочиненіе критическихъ стиховъ», и священникъ, въ домѣ котораго были найдены стихи. Обвиненные вмѣстѣ съ однимъ сотникомъ были заклеймены и съ вырванными ноздрями сосланы въ Сибирь; возвращены на Донъ они были Александромъ I [3]).

---

[1]) „Русск. Стар.", 1879 г., т. XXIV, 148—149.

[2]) „Русск. Стар.", 1882 г., т. XXXVI 490—491. По словамъ Шишкова, Акимовъ пропалъ безъ вѣсти и не былъ отысканъ (I, 21).

[3]) „Русск. Стар.", т. VII, стр. 575. См. еще указъ Павла 14 февр. 1801 г. о наказаніи кнутомъ бѣжавшаго унтеръ-офицера Мишкова,

А. М. Тургеневъ бывшій въ послѣдніе два года царствованія Павла адъютантомъ фельдмаршала И. Салтыкова въ Москвѣ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ о тогдашнихъ ссылкахъ: «во все время моего адъютантства при фельдмаршалѣ, разумѣется, въ теченіе времени по 12 число марта 1801 г.» (то-есть до восшествія на престолъ Александра I) «я, смѣю сказать, ежедневно былъ соглядатаемъ бѣдствія, страданія, несчастія; не проходило дня, въ который фельдъегеря не провозили бы кого-либо въ ссылку въ Сибирь, въ заточеніе въ крѣпость, въ каторжную, въ крѣпостную работу, въ безъизвѣстные. О *безъизвѣстныхъ* потребно объясненіе: безъизвѣстнаго везли въ закрытой кибиткѣ, зашитой рогожами, какъ тюки товарные обшиваютъ, отправляя на ярмарку; чрезъ маленькій прорѣзъ въ рогожѣ въ подвижной тюрьмѣ заключенному подавали фунтъ хлѣба и давали пить разъ и два въ сутки; утоленіе жажды несчастнаго зависѣло отъ милосердія и состраданія господина фельдъегеря, его сопровождавшаго; въ рединѣ кибитки было небольшое отверстіе для необходимой естественной надобности. Сопровождавшій фельдъегерь не зналъ, кого везетъ, не видалъ арестанта; ему сдавали его зашитаго уже въ кибиткѣ. Подъ смертною казнью фельдъегерю запрещалось говорить съ заключеннымъ, равно какъ отвѣчать на всѣ его вопросы. Коменданту крѣпости, въ которой было назначено содержать арестанта, предписывали содержать его въ секретномъ номерѣ; инструкціею комендантамъ крѣпостей... было запрещено спрашивать таковыхъ арестантовъ, кто они, было запрещено отвѣчать на ихъ вопросы; ихъ заключали въ мрачный номеръ каземата, въ который свѣтъ проходилъ чрезъ маленькое, вершка три въ квадратѣ, окошко сверху. При водвореніи въ сію могилу, на живого мертвеца надѣвали длинную рубашку; пищу и питье для продленія его мученій подавали въ прорѣзанное отверстіе въ двери; пища состояла изъ 2 фунтовъ хлѣба, горшечка щей и кружки съ водою... Языка для арестанта въ мірѣ не было, всѣ люди для него были нѣмы... Комендантъ... не смѣлъ съ

когда онъ будетъ пойманъ, „не производя надъ нимъ никакого слѣдствія", и о ссылкѣ на каторгу въ Нерчинскъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей. „Русс. Стар.", 1876 г., т. XVI, 194.

нимъ разговаривать или выслушивать его прошенія. Однако же о приключившейся болѣзни заключенному, равно и о прекращеніи его жизни, рапортовали по командѣ, означая несчастнаго цыфрой номера, въ которомъ содержался» [1]).

Тургеневъ разсказываетъ, что, когда онъ былъ адъютантомъ Салтыкова въ Москвѣ, были привезены туда въ 5-ти завязанныхъ кибиткахъ 5 человѣкъ со слѣдующимъ именнымъ указомъ: «доставленныхъ фельдъегерями арестантовъ наказать въ тайной канцеляріи нещадно плетьми и содержать въ тюрьмѣ каждаго особо». Тургеневу было приказано сопровождать эти кибитки въ Троицкое подворье, гдѣ помѣщалось московское отдѣленіе тайной канцеляріи, и гдѣ жилъ ея начальникъ Черединъ. Онъ заставилъ Тургенева присутствовать при наказаніи, чтобы послѣдній могъ засвидѣтельствовать, что привезенные были наказаны дѣйствительно нещадно. Арестованныхъ привязывали за руки и ноги къ кольцамъ, укрѣпленнымъ винтами въ полу, и въ теченіе часа всѣ пятеро были наказаны такъ жестоко, что ни одинъ не могъ стоять на ногахъ [2]).

Особенную извѣстность получило дѣло братьевъ Грузиновыхъ въ Черкасскѣ.

Старшій братъ, Евграфъ, пользовался большимъ расположеніемъ имп. Павла. 4 декабря 1796 г. ему было пожаловано 1000 душъ въ Московской и Тамбовской губерніяхъ изъ дворцовыхъ деревень [3]). Опала началась съ младшаго брата Петра: въ 1798 г. онъ былъ арестованъ, надъ нимъ наряженъ военный судъ, который и исключилъ его изъ службы съ лишеніемъ чиновъ. Затѣмъ его отправляютъ съ фельдъегеремъ на житье въ Черкасскъ. Около этого времени врагамъ старшаго брата удалось и его удалить туда же. Надъ братьями былъ учрежденъ особый надзоръ: они не имѣли

[1]) „Русск. Стар.“, 1885 г., т. 48, стр. 256—257. Ссылка неизвѣстныхъ существовала и при Александрѣ I, который въ 1824 г. самъ нашелъ въ Оренбургѣ одного полковника, содержавшагося, какъ неизвѣстный, и сосланнаго Аракчеевымъ. „Русск. Стар.“, ibid., стр. 257—259. Дѣло въ томъ, что Александръ I выдалъ Аракчееву бланки съ своими подписями, которые давали ему возможность по своему усмотрѣнію ссылать и заключать людей безъ суда.

[2]) „Русск. Стар.“, 1885 г., т. 48, стр. 479.

[3]) „Сенатскій Арх.“ I, 22, 75.

права выходить изъ дому. Въ 1800 г. они были отданы подъ судъ, — младшій неизвѣстно за что, но дѣло его не имѣетъ никакой связи съ дѣломъ старшаго брата. Петръ Грузиновъ былъ наказанъ кнутомъ; Евграфъ же Грузиновъ былъ преданъ суду въ августѣ 1800 г. за бранныя слова о государѣ и найденныя двѣ бумаги, въ которыхъ были записаны его мечты. Въ одной говорилось о томъ, чтобы назваться атаманомъ, набрать войска не менѣе 200.000 челов., разбить всѣхъ, кто выступитъ противъ него, выгнать шпіоновъ, изгнать турокъ изъ Стамбула, утвердить тамъ свою столицу и учредить сенатъ; онъ долженъ былъ «премудро» составить «законъ для всѣхъ подъ солнцемъ живущихъ народовъ такъ, чтобы оный былъ всѣми принятъ и содержимъ». Въ другой бумагѣ выражалось желаніе «населить городъ разныхъ вѣръ людьми», и именно казаками, татарами, грузинами, греками, калмыками, небольшимъ числомъ израильтянъ, черкесами, небольшимъ числомъ турокъ, «между которыми чтобъ въ разсужденіи ихъ вѣръ не было вражды, а чтобъ согласіе во всѣхъ ихъ единодушное; внушить войску казацкому, татарамъ, грекамъ, черкесамъ, чтобы они возвели меня себѣ въ начальники, но чтобъ во всемъ томъ не обмануться». Грузиновъ отказался отвѣчать коммиссіи. Въ другой разъ онъ просилъ, чтобы ему растолковали, «почему онъ россійскаго императора подданный», говорилъ, что» въ законѣ есть много лишняго». Священнику поручено было сдѣлать подсудимому увѣщаніе, но Грузиновъ сталъ говорить о донскомъ казакѣ Ермакѣ Тимофеевичѣ, о томъ, что и всѣ донскіе казаки независимы отъ царскаго престола и не обязались предъ нимъ вѣчною присягою, а только временною относительно службы, что онъ, а также и всѣ казаки, нимало не подвластны, а потому и не подданные. Есть показаніе, что съ весны 1800 г. онъ питался только хлѣбомъ и водою и все читалъ какія то книжки. Въ одномъ разговорѣ онъ сказалъ: «Знаете-ли, кто Донъ заслужилъ? — Ермакъ, а теперь отымаютъ, и поселили грековъ, армянъ. Вступился было за отечество Пугачъ», но онъ пропалъ. «Я не такъ, какъ Пугачъ, но еще лучше сдѣлаю: какъ возьмусь за мечъ, то вся Россія затрясется. Про меня говорятъ, будто я полоумный; нѣтъ я не полоумный!». Дядя Грузинова показалъ, что считалъ его за сумасшед-

шаго. Подсудимый признался только въ томъ, что бранилъ императора[1]).

Еще до окончанія слѣдствія участь Грузинова, подобно тому, какъ и участь пастора Зейдера, была рѣшена. 26 августа 1800 г. Павелъ далъ такой указъ канцеляріи Войска Донского; «Исключеннаго изъ службы полковника Грузинова 1-го за измѣну противу насъ и государства повелѣваемъ, лиша чиновъ и дворянства, наказать нещадно кнутомъ и отправить его къ нашему генералъ-прокурору, а имѣніе его отписать въ казну». 5 сентября Грузиновъ былъ засѣченъ кнутомъ въ Черкасскѣ. 27 сентября тамъ же были казнены за недонесеніе одинъ старшина (дядя Грузинова) и 3 казака. Старочеркасскій прокуроръ протестовалъ противъ приговора, голосъ его дошелъ до царя, и Павелъ послалъ указъ о помилованіи, но генералъ Рѣпинъ, присланный изъ Петербурга слѣдить за ходомъ дѣла и торопить его окончаніемъ и назначенный указомъ 15 сентября членомъ войсковой канцеляріи Войска Донского, задержалъ царское повелѣніе, пока не совершилась казнь. По этому 13 октября Павелъ повелѣлъ исключить Рѣпина изъ службы «за приведеніе въ исполненіи сентенціи смертной казни на Дону вмѣсто замѣняющаго оную наказанія, положеннаго нашею конфирмаціею, и предать суду сената»[2]).

То, что творилось тогда въ Россіи,—массовое увольненіе лицъ, состоящихъ на службѣ[3]) съ высылкою ихъ, заточе-

---

[1]) „Евграфъ и Петръ Грузиновы. Военно-судное дѣло въ Черкасскѣ“. Русская Стар.“ 1878 г. т. XXIII. Разсказъ объ этомъ дѣлѣ въ запискахъ декабриста Штейнгеля, со словъ В. Н. Горчакова, весьма неточенъ и противорѣчитъ именному указу Павла. „Общественныя движенія въ Россіи“, т. II, 381—382.

[2]) „Сенатск Арх.“, I, 649, 652, 659; „Русск. Стар.“, 1873 г. т. VII 573—575, 1878 г.. т. XXIII, 262—263.

[3]) Брикнеръ (стр. 41) приводитъ показаніе Тургенева („Русск. Стар.“, 1885 г. № 11, стр. 266) о 12,000 офицеровъ и чиновниковъ, заточенныхъ и сосланныхъ на житье и въ каторжныя работы по волѣ государя. До спеціальнаго разслѣдованія этого вопроса трудно сказать, насколько эта цифра близка къ дѣйствительной, замѣтимъ только, что авторъ особаго изслѣдованія о военныхъ преобразованіяхъ при Павлѣ утверждаетъ, „что не во все его царствованіе, а въ теченіе почти трехъ лѣтъ были уволены отъ службы: 7 фельдмаршаловъ, 333 генерала и 2261 офицеръ“; но авторъ

ніемъ и даже тѣлеснымъ наказаніемъ, лишеніе дворянства правъ, предоставленныхъ ему въ предшествовавшее царствованіе, преслѣдованіе русской печати и иностранныхъ книгъ и тому подобныя мѣры должны были вызвать мысль о необходимости совершеннаго низложенія Павла или покрайней мѣрѣ назначенія Александра I регентомъ. Брикнеръ собралъ многія, относящіяся къ этому предмету, данныя, но слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣкоторые извѣстія, указывающія на стремленіе не только замѣнить одного государя другимъ, но и ограничить самодержавіе, или покрайней мѣрѣ произвести нѣкоторыя преобразованія, могущія служить къ этому подготовкою.

Императору Павлу послѣ вступленія его на престолъ, былъ переданъ по завѣщанію гр. П. И. Панина пакетъ, въ которомъ заключалось, написанное Д. И. фонъ-Визинымъ подъ руководствомъ гр. Н. И. Панина не задолго до смерти послѣдняго, умершаго въ 1783 г., разсужденіе, доказывающее опасность неограниченной верховной власти и необходимость установленія «непремѣнныхъ государственныхъ законовъ», такъ какъ безъ нихъ «не прочно ни состояніе государства, ни состояніе государя». «Гдѣ произволъ одного, есть законъ верховный, тамъ прочная общая связь и существовать не можетъ; тамъ есть государство, но нѣтъ отечества, есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ того политическаго тѣла, котораго члены соединялись-бы узломъ взаимныхъ правъ и должностей; одно пристрастіе бываетъ подвигомъ всякаго узаконенія, ибо не нравъ государя принаравливается къ законамъ, но законы къ его нраву . . . Тутъ подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному *любимцу* . . . Не тотъ государь самовластнѣйшій, который на недостаткѣ государственныхъ законовъ чаетъ утвердить свое самовластіе. Порабощенный одному или нѣсколькимъ рабамъ своимъ, почему онъ самодержецъ?» [1]).

добавляетъ, что большая часть ихъ была вновь принята на службу „спустя годъ и менѣе" (Русск. Стар.". 1877 г. № 2, стр. 247),

[1]) „Общественныя Движенія", т. I, стр. 11. Въ находившихся въ томъ же пакетѣ предположеніяхъ гр. Петра И. Панина не заключалось никакихъ мѣръ для ограниченія власти государя. Ср. мою статью о декабристѣ М. А. Фонъ-Визинѣ, Ibid. стр. 7—13.

Основная идея этого политическаго разсужденія не оказала, какъ мы видѣли, никакого вліянія на дѣйствія Павла; онъ напротивъ былъ проникнутъ стремленіемъ дѣйствовать всегда, какъ самый неограниченный монархъ, а въ сущности исполнилъ предсказаніе Н. И. Панина или Фонъ-Визина, что тамъ, «гдѣ произволъ одного есть законъ верховный», тамъ государь является лишь игрушкою въ рукахъ своихъ любимцевъ.

Деспотическое, жестокое правленія Павла должно было наводить на мысль о необходимости ограниченія самодержавія, и ею естественно задавался цесаревичъ Александръ Павловичъ, выражавшій еще ранѣе, весною 1796 г., ненависть къ деспотизму, сочувствіе республиканскому правленію и считавшій наслѣдственность престола «установленіемъ несправедливымъ и нелѣпымъ». Понятно, что во время коронаціи Павла (въ Москвѣ 5 апрѣля 1797 г.), кн. Чарторыжскій составилъ по его просьбѣ проектъ манифеста, въ которомъ указывалось на неудобство существовавшей до того времени въ Россіи формы правленія, на выгоды той, которую Александръ предполагалъ ей даровать, на благодѣянія будущей свободы и введенія правосудія, и заявлялось о его рѣшеніи, исполнивъ эту священную для него обязанность-отказаться отъ власти для того, чтобы признанный наиболѣе достойнымъ ее носить могъ упрочить и усовершенствовать дѣло, основаніе которому онъ положилъ[1]).

Однако кн. Чарторыжскій старался внушить Александру Павловичу мужество, необходимое для предстоящихъ ему обязанностей, и его совѣты произвели нѣкоторое впечатлѣніе, такъ какъ въ письмѣ къ Лагарпу отъ 27 сентября 1797 г., живо изображая тотъ порядокъ, гдѣ «существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ и творитъ навыворотъ», считая «невозможнымъ перечислить всѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь», указывая на «строгость, лишенную малѣйшей справедливости, немалую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ» его отца, на то, что «выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ», что «хлѣбопашецъ измученъ, торговля стѣснена, сво-

[1]) Mémoires du pr. Czartoryski, I. 150—151. Переводъ записокъ Чарторыжскаго печатается въ „Рус. Старинѣ“ 1906 г. съ № 6.

бода и личное благосостояніе уничтожены», Александръ приходитъ къ убѣжденію, что ему слѣдуетъ отказаться отъ своихъ прежнихъ мечтаній объ оставленіи отечества, и что «если когда-либо придетъ» и его «очередь царствовать», то онъ долженъ «поработать надъ дарованіемъ странѣ свободы... Мнѣ кажется», продолжаетъ цесаревичъ, «что это было бы лучшимъ видомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы *закончена* и нація избрала бы своихъ *представителей*... Когда придетъ моя очередь, нужно будетъ стараться образовать, само собою разумѣется постепенно, народное представительство, которое, надлежащимъ образомъ руководимое, составило бы конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы» [1]).

Александръ Павловичъ стремился выяснить себѣ и нѣкоторыя подробности желательныхъ преобразованій. Это повело къ обращенію его чрезъ Кочубея къ дядѣ послѣдняго, кн. Безбородку, который въ особой запискѣ высказался за необходимость самодержавія, но при нѣкоторомъ участіи сословныхъ представителей въ изготовленіи сенатомъ проектовъ законовъ, въ высшемъ совѣтномъ судѣ, въ генеральномъ уголовномъ судѣ и въ сенатскихъ ревизіяхъ, а также считалъ необходимымъ предоставить сенату право дѣлать представленія о вредности того или другого указа. Безбородко придавалъ большое значеніе сенату, Александръ же Павловичъ былъ очень низкаго мнѣнія о его личномъ составѣ въ то время. Видимо вопросъ о привлеченіи сената къ участію въ переворотѣ обсуждался Панинымъ, Паленомъ и Александромъ Павловичемъ: Брикнеръ приводитъ разсказъ Бернгарди (стр. 70) о первоначальномъ предположеніи Н. П. Панина, чтобы сенатъ, какъ представитель народа, т.-е. вѣроятно имѣя въ виду, что народъ привыкъ повиноваться сенатскимъ указамъ, «принудитъ государя безъ вмѣшательства великаго князя въ это дѣло признать Александра своимъ соправителемъ» [2]). Но изъ разсказа графа Палена

---

[1]) *Шильдеръ*. Александръ I, т. I, 162—164.

[2]) Разсказъ Бернгарди основанъ на свидѣтельствѣ Беннигсена. См. Матеріалы, издан. Шиманомъ, стр. 75; *Helldorff*, I, 136, 144. По сло-

Гейкингу видно, что это предположеніе не было осуществлено: «первою нашею мыслью было воспользоваться для этой цѣли сенатомъ, но большинство сенаторовъ болваны, безъ души, безъ воодушевленія. Они... никогда не имѣли бы мужества и самоотверженія для довершенія добраго дѣла» (стр. 68). Но все же нѣкоторые сенаторы, въ томъ числѣ гр. Толстой и Трощинскій (Брикнеръ, 94) были въ числѣ важнѣйшихъ заговорщиковъ. Беннигсенъ, называя въ числѣ участвовавшихъ въ заговорѣ сенаторовъ Николая и Валеріана Зубовыхъ, прибавляетъ, что Трощинскій отъ имени сената составилъ манифестъ, въ которомъ было сказано, что «императоръ вслѣдствіе своей болѣзни принялъ великаго князя въ соправители», и такъ какъ предполагали, что онъ добровольно на это никогда не согласится, то было условлено принудить его къ этому и, въ случаѣ надобности, силою отвезти его въ Шлиссельбургъ [1]). Согласно съ этимъ Саблуковъ разсказываетъ, что князь Платонъ Зубовъ, когда заговорщики проникли въ спальню Павла, держалъ въ рукахъ свертокъ бумаги, въ которомъ содержалось «соглашеніе монарха съ народомъ» (Брикнеръ, 117) [2]). Бернгарди же утверждаетъ, будто бы Александръ послѣ ужина съ отцомъ, до катастрофы, подписалъ манифестъ, которымъ принималъ на себя роль соправителя (Брикнеръ, 119).

Но неужели, думая о низложеніи Павла, заговорщики нисколько не заботились объ огражденіи Россіи въ будущемъ отъ возможности повторенія произвола при сохраненіи самодержавія. Декабристъ М. А. фонъ-Визинъ, не бывшій въ Петербургѣ во время переворота, но пріѣхавшій въ столицу черезъ два года, зналъ лично многихъ участвовавшихъ

вамъ Беннигсена, въ его письмѣ къ Фоку, Панинъ въ переговорахъ съ Александромъ Павловичемъ „обѣщалъ, что императоръ будетъ арестованъ и ему (Александру) будетъ предложено отъ имени націи (de la part de la nation) бразды правленія". Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1901, 1 Heft, 60.

[1]) Матеріалы, изд. Шиманомъ, 78; *Helldorff* I, 140.

[2]) Записки Саблукова вновь напечатаны въ „Истор. Вѣстникѣ" 1906 г. №№ 1—3. Генералу фонъ-Гагерну разсказывали впослѣдствіи въ Россіи, что Павла передъ самымъ моментомъ убійства заставили подписать отреченіе. *Heinrich v. Gagern.* Das Leben des General Fr. v. Gagern, III, 1856, S. 422.

въ заговорѣ, много разъ слышалъ всѣ подробности «катастрофы, которая тогда была еще свѣжа въ памяти и служила предметомъ самыхъ живыхъ разсказовъ въ офицерскихъ бесѣдахъ»; «очевидцы объяснили» ему «на самыхъ мѣстахъ, какъ все происходило». Онъ даетъ болѣе подробный, чѣмъ кто-либо, списокъ заговорщиковъ: онъ называетъ имена 41 человѣка (считая въ томъ числѣ и отсутствовавшаго Н. П. Панина), прибавляя, что въ заговорѣ участвовали еще нѣсколько придворныхъ и гражданскихъ лицъ, а также отставныхъ, именъ которыхъ онъ не можетъ припомнить.

Фонъ-Визинъ говоритъ слѣдующее: «Воспитанный умнымъ и просвѣщеннымъ дядей, графъ Н. П. Панинъ усвоилъ свободный образъ мыслей» своего воспитателя Н. И. Панина, ненавидѣлъ деспотизмъ и желалъ не только паденія безумнаго царя, но съ этимъ паденіемъ (введенія) законно-свободныхъпостановленій,которыя бы ограничили царское самовластіе. На этотъ счетъ и графъ Паленъ раздѣлялъ вполнѣ его образъ мыслей». Затѣмъ, ссылаясь на то, что ему разсказывалъ графъ Петръ Александровичъ Толстой, фонъ-Визинъ говоритъ, что «Панинъ, Паленъ и другіе вожди заговора хотѣли... ограничить самодержавіе, заставя Александра въ первую минуту принять этотъ конституціонный актъ и утвердить его своею подписью. Это намѣреніе извѣстно было и генералу Талызину, тогдашнему командиру Преображенскаго полка, одному изъ главныхъ участниковъ заговора и человѣку искренно преданному Александру. Талызинъ и предупредилъ его, что въ рѣшительную минуту отъ него потребуютъ принятія и утвержденія конституціоннаго акта и убѣждалъ его ни подъ какимъ видомъ не давать на то согласія, обѣщая ему, что гвардія, на которую Талызинъ имѣлъ большое вліяніе, сохранитъ вѣрность Александру и поддержитъ его. Александръ послѣдовалъ внушеніямъ Талызина и устоялъ противъ настоятельныхъ требованій Палена и Панина... Большая часть заговорщиковъ не знала о намѣреніи ограничить самодержавіе» [1]). Декабристъ Лунинъ въ

[1]) „Обществ. движ.“, I, 132—3, 135, 142—143. Разсказъ фонъ-Визина о томъ, что Паленъ въ отмщеніе Талызину отравилъ его, кажется намъ невѣроятнымъ.

разборѣ донесенія слѣдственной коммиссіи также говоритъ, что Н. П. Панинъ и Паленъ «хотѣли водворить конституцію» и добавляетъ, что «искавшіе прочнаго» (государственнаго) «устройства», а не только «перемѣны государя»— «отдалены на вѣкъ» [1]). Наконецъ подобный же разсказъ слышалъ и кн. П. Долгоруковъ, который сообщаетъ слѣдующее: «Великій князь Александръ согласился на то, чтобы потребовали отреченія у его отца, и обѣщалъ, но *на словахъ* [2]) даровать конституцію. Едва Павелъ былъ убитъ, Паленъ и три брата Зубова, войдя къ Александру, возвѣстили ему о его восшествіи на престолъ и напомнили о его обѣщаніи, но тогда трое изъ заговорщиковъ—генералъ-лейтенантъ Уваровъ, генералъ-маіоръ Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, и полковникъ кн. Петръ Волконскій, адъютантъ и любимецъ Александра, этому воспротивились и, угрожая вмѣшательствомъ Преображенскаго полка, потребовали и добились провозглашенія Александра самодержавнымъ государемъ [3]). Талызинъ скоро умеръ, но Уваровъ и Волконскій, хотя были въ толпѣ убійцъ Павла, были осыпаны императорскимъ семействомъ благодѣяніями» и сдѣлались при Александрѣ I важными государственными сановниками [4]).

Приведенныя свѣдѣнія о требованіи конституціи у Александра I нуждаются въ подтвержденіи, въ виду того, что ни Паленъ, ни Платонъ Зубовъ, въ извѣстныхъ намъ разсказахъ о событіяхъ 11—12 марта 1801 г., ничего не сообщаютъ о немъ; но во всякомъ случаѣ Брикнеръ не долженъ былъ игнорировать этихъ сообщеній. Описанная попытка Палена могла бы еще болѣе объяснить преслѣдованіе, которому онъ подвергся, кромѣ тѣхъ причинъ недовольства имъ, которые

---

[1]) „Тайное общество и 14 декабря 1825 г.“, Лейпц., стр. 229.

[2]) Курсивъ автора.

[3]) Фонъ-Визинъ называетъ въ числѣ заговорщиковъ Уварова и Волконскаго. Правда, кн. Долгоруковъ ссылается на записки Фонъ-Визина, но очевидно у него были и другіе источники, такъ какъ Фонъ-Визинъ о присутствіи при этой сценѣ Зубовыхъ и Уварова ничего не говоритъ.

[4]) *Pr. Pierre Dolgoroukoff.* La vérité sur la Russie. P., 1860, p. 214—215.

разсказаны Брикнеромъ (стр. 141—143). Любопытно, что полковникъ Бокъ, посаженный въ 1818 г. въ Шлиссельбургъ за намѣреніе представить лифляндскому дворянству проектъ введенія въ Россіи представительнаго правленія и доведенный десятилѣтнимъ заключеніемъ до сумашествія, былъ до ареста въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ гр. Паленомъ.

То, что Марія Өеодоровна, узнавъ о смерти мужа, выражала желаніе царствовать (Брикнеръ, стр. 127—128), подтверждается свидѣтельствомъ кн. Чарторыжскаго. По его словамъ, она нѣсколько разъ взывала къ солдатамъ: «Если императора нѣтъ болѣе въ живыхъ, такъ какъ онъ палъ жертвою измѣнниковъ, я ваша императрица, одна я ваша законная государыня, защищайте меня, слѣдуйте за мною» (I, 255). Фонъ-Визинъ въ своихъ запискахъ также говоритъ: въ сердцѣ имп. Маріи Өеодоровны «зашевелилось желаніе царствовать. Она вспомнила, что Екатерина царствовала безъ права, и можетъ быть разсчитывала на нѣжную привязанность сына и надѣялась, что онъ уступитъ ей тронъ. Приближенные къ ней разсказывали, что, несмотря на непритворную печаль, у ней вырывались слова: «Ich will regieren» [1]). Въ современномъ дневникѣ который, какъ и разсказъ Фонъ-Визина, остался неизвѣстнымъ Брикнеру, сказано: Марія Өедоровна «имѣла еще довольно твердости, чтобы оспаривать права свои; она утверждала, что послѣ корованія своего, она настоящая самодержавная императрица, и потому ей должно присягать въ вѣрности. Императоръ..., найдя ее въ этой рѣшимости, обратился къ Палену и сказалъ ему: «вотъ новое замѣшательство, котораго мы не ожидали... Не безъ труда уговорили Марію Өедоровну отказаться отъ своихъ требованій» [2]). Въ запискѣ, приводимой кн. Евгеніемъ Виртембергскимъ и составленной на основаніи разсказовъ Беннигсена и Пл. Зубова, указывается на существованіе партіи, состоящей изъ Куракиныхъ, Лопухина и др., намѣревав-

[1]) „Общественныя Движенія", I, 142.

[2]) „Историческій Сборникъ" I, Л., 1859 г., стр. 59, 60. Срав. слова Беннигсена въ матеріалахъ, изд. Шиманомъ стр. 86. Едва ли случайно Марія Өедоровна велѣла остаться лейбмедику Беку въ Михайловскомъ дворцѣ въ ночь съ 11 на 12 марта. „Denkwürdigkeiten des Graf. v. Toll". Leipz., 1856, I, 97.

шейся предложить Маріи Θедоровнѣ регентство вслѣдствіе болѣзни императора[1]). Нельзя не отмѣтить, что въ 1825 г., во время междуцарствія, въ придворныхъ сферахъ опять нашлись люди, думавшіе о возведеніи на престола Маріи Θедоровны: принцъ Александръ Виртембергскій и Канкринъ обратились къ принцу Евгенію Виртембергскому съ вопросомъ: «что бы онъ сдѣлалъ, если бы» Марія Θеодоровна «была провозглашена самодержавною императрицей?» Но принцъ Евгеній отвѣчалъ, что онъ, какъ иностранецъ, не имѣетъ и не признаетъ за собою права голоса въ подобномъ дѣлѣ[2]).

Такимъ образомъ по смерти Павла, рядомъ съ преобладающей партіею, желавшей восшествія на престолъ Александра, были и сторонники Маріи Θедоровны. Кромѣ того полковникъ Измайловскаго полка Бибиковъ высказалъ мысль, раздѣляемую впослѣдствіи очень многими декабристами, что недостаточно устранить одного Павла, и что для Россіи было бы гораздо лучше, если бы можно было избавиться отъ всѣхъ членовъ этого семейства (Брикнеръ, стр. 99—100)[3]).

Брикнеръ полагаетъ, что поводомъ къ удаленію гр. Панина были его дурные отзывы объ имп. Александрѣ въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову (стр. 153). То же утверждаетъ совершенно положительно кн. Лобановъ-Ростовскій. Панинъ, по его словамъ, писалъ Воронцову, что не ожидаетъ отъ молодого императора «ничего хорошаго», что онъ «легкомысленъ, любитъ танцы и болѣе заботится о томъ, чтобы нравиться женщинамъ, чѣмъ вникать въ государственныя дѣла». Графъ Панинъ отправилъ это письмо съ курьеромъ, однако оно стало извѣстнымъ государю[4]). Но есть и другое объясненіе причинъ удаленія Панина, о которомъ сообщаетъ Лагарпъ, пріѣхавшій въ Россію въ августѣ 1801 г. (а Панинъ былъ удаленъ въ сентябрѣ). Лагарпъ доказывалъ,

---

1) *Helldorf* I, 136, ср. 131, 145, 146.

2) *Th. Bernhardi,* Unter Nikolaus I und Friedrich Wilhelm IV, Leipz. 1893, S. 307. Ср. „Рус. Арх.“ 1878 г., т. I, 337, 341.

3) Весьма сомнительный слухъ о намѣреніи нѣкоторыхъ лицъ погубить всю императорскую фамилію передавалъ принцу Евгенію Виртембергскому сынъ Дибича, *Helldorf I,* 131.

4) Матеріалы, изд. Шиманомъ, 265—266.

что нужно предать суду лицъ, виновныхъ въ смерти Павла, но Александръ возражалъ, что это совершенно невозможно при тогдашнемъ настроенiи умовъ, волнуемыхъ слухами о реформахъ, и въ виду сильной аристократической партiи, привыкшей къ дворцовымъ переворотамъ и опирающейся на гвардiю. Лагарпъ разсказываетъ, что гр. Панинъ далъ всѣмъ представителямъ Россiи за границею инструкцiю, чтобы они присылали отчеты двоякаго рода: одни должны были быть посвящены текущимъ событiямъ и доводились до свѣдѣнiя государя; другiе извѣщали о происшествiяхъ, планахъ, предпрiятiяхъ болѣе конфиденцiальнаго свойства и извѣстны были одному Панину. Лагарпъ уговаривалъ русскаго посланника при шведскомъ дворѣ, Будберга, показать государю инструкцiю. При чтенiи одной ноты, гдѣ былъ намекъ на секретную инструкцiю, государь настойчиво ее потребовалъ, и Панинъ былъ удаленъ [1]).

Мое небольшое предисловiе къ книгѣ Брикнера не имѣетъ цѣлiю подробнаго изображенiя царствованiя Павла и общей характеристики его личности, но все же, мнѣ кажется, оно даетъ нѣкоторое понятiе о прелестяхъ его правленiя и объясняетъ причины его насильственной смерти. Однако, осуждая то, что творилось при Павлѣ, можемъ ли мы именно теперь сказать, что Россiя избавилась какъ отъ ужасныхъ насилiй надъ человѣческою личностью, такъ и отъ крайне вредныхъ мѣропрiятiй въ области соцiальнаго законодательства. Не творятся ли истязанiя въ настоящее время, какъ извѣстно обществу изъ дѣла М. А. Спиридоновой, исторiи московскаго возстанiя, извѣстiй о варшавскихъ застѣнкахъ, усмиренiй аграрныхъ волненiй и карательныхъ экспедицiй въ Прибалтiйскомъ краѣ и на Кавказѣ? Развѣ не ссылаются тысячи людей безъ всякаго суда? Не существуютъ ли полевые суды, произносящiе приговоры къ смертной казни безъ всякихъ необходимыхъ гарантiй отъ

[1]) *Сухомлиновъ* „Изслѣдованiя и статьи“, II, 121. Есть указанiе на конституцiонныя стремленiя въ это время гр. Никиты Панина: какой-то консерваторъ, въ сдѣланной надписи на проектѣ Державина о правахъ сената, называетъ въ числѣ трехъ, ходившихъ „тогда съ конституцiями въ карманѣ“, Н. П. Панина, и говоритъ, что онъ передѣлалъ „на русскiе нравы и обычаи“ англiйскую конституцiю. „Сочиненiя Державина“, т. VII, 1872 г., стр. 341.

возможности самой грубой ошибки[1]). Не существуютъ ли и другія исключительныя формы суда, недостаточно гарантирующія отъ возможности судебной ошибки и несвободныя отъ давленія свыше? Не принимаются ли безъ согласія государственной думы и вопреки дѣйствительнымъ интересамъ всего народа очень важныя мѣры въ области аграрнаго законодательства? Не дѣлаются ли нынѣшнимъ министерствомъ преступныя попытки разрушить общинное землевладѣніе?

Есть, конечно, и существенныя различія. Протестъ крестьянъ противъ крѣпостного права при Павлѣ былъ подавленъ,—теперь революціонное движеніе подавить уже нельзя, а можно успокоить народъ, лишь удовлетворивъ его назрѣвшія потребности. Печать тогда, можно сказать, была сведена на нѣтъ, — теперь, несмотря на суровыя преслѣдованія писателей, они мужественно борятся за свободу слова, и судебныя и административныя преслѣдованія не могутъ остановить распространенія оппозиціонныхъ произведеній.

Каковы были послѣдствія насильственныхъ дѣйствій имп. Павла? Сатурналіи деспотизма въ его царствованіе привели къ мысли о необходимости перемѣны лица правителя, и вслѣдъ за тѣмъ, при преемникѣ Павла, проявились не только конституціонные, но въ Обществѣ декабристовъ и республиканскія теченія. Теперь нежеланіе правительства осуществить назрѣвшія политическія и соціальныя преобразованія должно вызвать широкое распространеніе мысли о дѣйствительной необходимости перемѣны самой формы правленія.

В. Семевскій

---

[1]) Примѣръ такой судебной ошибки см. въ телеграммѣ изъ Лодзи въ „Товарищѣ“ 1906 г., № 100, 29 октября.

Введеніе

Насиліе, которымъ положенъ былъ конецъ царствованію императора Павла,—явленіе въ исторіи Россіи не единичное. Событіе это представляетъ собою скорѣе завершеніе цѣлаго ряда переворотовъ, происходившихъ въ теченіе XVIII-го столѣтія и имѣющихъ много сходнаго между собою. Въ основѣ ихъ лежитъ не борьба политическихъ партій, и они отличаются отсутствіемъ какой бы то ни было политической программы; претенденты, ведущіе борьбу за престолъ или за власть, бо̀льшею частью не выступаютъ даже защитниками династическихъ правъ. На первомъ планѣ стоятъ чисто личные интересы.

Отсутствіе закона о престолонаслѣдіи безъ сомнѣнія содѣйствовало неправильной смѣнѣ царствованій. Въ виду этого, въ каждый данный моментъ могли предъявить свои права многіе претенденты, и могла начаться агитація ихъ приверженцевъ. Постановленія, издаваемыя отъ поры до времени относительно порядка престолонаслѣдія, не достигали цѣли. Вмѣсто женщинъ или несовершеннолѣтнихъ, царствующихъ номинально, бразды правленія захватываютъ въ свои руки временщики. На ряду съ императорами или императрицами, тотъ или другой министръ является диктаторомъ, причемъ его власть, не имѣющая прочнаго основанія, легко можетъ быть подвергнута сомнѣнію со стороны его противниковъ. Желанія монарховъ, назначающихъ себѣ наслѣдниковъ, нерѣдко сталкиваются съ дворцовыми революціями. Напомнимъ нѣкоторыя изъ такихъ явленій.

Послѣ смерти Петра Великаго создалась смѣлая фикція, утверждавшая, будто онъ хотѣлъ оставить престолъ

своей супругѣ Екатеринѣ. Никакого указа, опредѣлявшаго порядокъ престолонаслѣдія не было, и такъ какъ князь Меншиковъ и нѣсколько другихъ лицъ находили для себя выгоднымъ возвести на престолъ подругу царя, то дѣло и было рѣшено въ этомъ смыслѣ; кто въ надлежащій моментъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи войска, провозглашавшіе имя кандидата на престолъ, тотъ и выигрывалъ игру. Но царствовала не Екатерина, а Меншиковъ. Ему удалось возвести на престолъ малолѣтняго Петра II, обойдя дочерей императрицы, рожденныхъ, правда, внѣ брака. Цѣль князя обезпечить себѣ власть и послѣ смерти Екатерины была достигнута лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Диктатура Меншикова, присвоенная имъ себѣ произвольно, закончилась ссылкой его въ Сибирь. Вмѣсто него и мальчика Петра II въ теченіе короткаго времени господствовали Долгорукіе. Нѣсколько семей распорядились затѣмъ короной въ пользу племянницы Петра Великаго, герцогини Анны Курляндской, словно Россія, подобно Польшѣ, была государствомъ съ выборнымъ главою. Предполагалось, — отчасти съ цѣлью воспрепятствовать господству любимца Анны, Бирона, — ограничить власть императрицы олигархической конституціей; но произведенный *coup d'état* привелъ къ противоположному результату: въ теченіе десяти лѣтъ настоящимъ властелиномъ былъ Биронъ. Чтобы Биронъ и послѣ смерти императрицы Анны не могъ удержать власти въ своихъ рукахъ, императоромъ былъ провозглашенъ внучатный племянникъ императрицы, Иванъ, родившійся за два мѣсяца до ея кончины, а Биронъ — регентомъ. Нѣсколько недѣль спустя, послѣдній былъ низвергнутъ. Номинальное царствованіе Ивана также было эпизодическимъ: по истеченіи года, онъ былъ устраненъ переворотомъ, совершеннымъ въ пользу Елизаветы Петровны. Въ послѣднее время царствованія Елизаветы кандидатура Петра Голштинскаго на русскій престолъ повидимому подвергалась сомнѣнію. Если бы выполнено было намѣреніе императрицы передать корону своему малолѣтнему внучатному племяннику Павлу, то навѣрное произошли бы такія же явленія, какъ съ несчастными брауншвейгцами, малюткой Иваномъ, его родителями и ихъ другими дѣтьми. Но и царствованіе Петра III было лишь короткимъ антрактомъ. Онъ былъ свергнутъ своей

супругой Екатериной II. Наслѣдникомъ считался Павелъ. Мать его, какъ полагаютъ, въ послѣднее время своей жизни хотѣла лишить его права на престолъ и рѣшила оставить корону своему внуку Александру. Намѣреніе ея не осуществилось, и Павелъ вступилъ на престолъ быть можетъ вслѣдствіе того, что скрыто было распоряженіе Екатерины. И если она считала Павла неспособнымъ царствовать, то злополучное четырехлѣтнее царствованіе этого деспота блистательно подтвердило мнѣніе геніальной императрицы. Устраненіе Павла было исполненіемъ ея воли. Ея завѣщаніе было осуществлено, хотя лишь черезъ четыре года и иначе, чѣмъ она того желала. Она хотѣла избавить страну отъ безумствъ и терроризма царствованія Павла. Если бы было исполнено ея желаніе, то не было бы совершено и одного изъ самыхъ ужасныхъ насилій, какія извѣстны въ исторіи.

Не столько принципіальныя разногласія, сколько интересы отдѣльныхъ лицъ были причиной подобныхъ драмъ въ русской исторіи, причемъ милліоны русскихъ подданныхъ играли роль лишь пассивныхъ зрителей. Такъ какъ большею частью дѣло касается устраненія непріятной личности, то иниціативы нѣсколькихъ головорѣзовъ бываетъ достаточно, чтобы произвести переворотъ. Если въ обществѣ и въ народѣ обыкновенно никто не становится на сторону низверженнаго, изгнаннаго, заключеннаго или убитаго, то это объясняется пассивнымъ отношеніемъ массъ къ такимъ явленіямъ и недостаткомъ политическихъ и соціальныхъ организмовъ. Правда, иногда то здѣсь, то тамъ проявляются симпатіи и антипатіи. Но ни малѣйшей склонности къ дѣйствію у публики не замѣчается. Да и нельзя было подыскать для такого дѣйствія никакой формы. Проявленія общества отличаются крайнею сдержанностью.

Такимъ образомъ въ этихъ внезапныхъ и неожиданныхъ переворотахъ дѣятельную роль играютъ лишь немногія лица. Незначительное число заговорщиковъ, располагающихъ нѣкоторыми военными силами, рѣшаютъ все въ нѣсколько часовъ. При этомъ политическія учрежденія не принимаются въ соображеніе. Они совершенно механически санкціонируютъ происшедшій переворотъ, преклоняясь, подобно массѣ подданныхъ, передъ властью данной минуты. Готовность признать совершившійся фактъ — вотъ ихъ обыч-

ный образъ дѣйствія. Отдѣльные случаи несогласія, отказа отъ присяги, сопротивленія, наказываются или усмиряются безъ труда и безъ пощады. Все остальное безмолвствуетъ. Хоръ въ трагедіи отсутствуетъ.

Часто въ подобныхъ случаяхъ народъ совершенно лишенъ возможности узнать подробности событій. Сущность этихъ катастрофъ такова, что онѣ разыгрываются какъ бы за кулисами. Лишь случайно и по частямъ выясняется, какъ при этомъ обстояло дѣло. Извѣстнымъ становится фактъ устраненія высокопоставленныхъ лицъ; детали же событія остаются окутанными мракомъ. Мѣсто заключенія или изгнанія бывшихъ властелиновъ не всегда извѣстно; когда совершаются убійства, причиною смерти обыкновенно объявляются болѣзни. Манифесты, въ которыхъ говорится о происшедшемъ, обыкновенно скрываютъ и искажаютъ истинное положеніе дѣлъ. Воображенію современниковъ предоставляется большой просторъ, тѣмъ болѣе, что бо̀льшею частью подобныя трагедіи разыгрываются въ ночномъ мракѣ. Объ этихъ таинственныхъ событіяхъ люди шопотомъ сообщаютъ другъ друга вѣрныя и невѣрныя свѣдѣнія. Вслѣдствіе недостаточной скрытности участниковъ подобныхъ событій, тамъ и сямъ приподнимается покрывающая ихъ завѣса. Процессуальные акты застѣнковъ показываютъ, какъ опасно было быть освѣдомленнымъ относительно происшедшаго, а тѣмъ болѣе выражать свои мнѣнія о немъ и становиться въ опредѣленное отношеніе къ событіямъ.

Тѣмъ не менѣе народъ и общество узнавали достаточно для того, чтобы прійти къ заключенію о трагической превратности судьбы. Тѣ, кого сегодня видѣли на престолѣ или близъ престола, въ блескѣ и роскоши, завтра оказывались на богато убранномъ смертномъ одрѣ, въ темницѣ, въ жестокой бѣдности или на пути въ снѣжныя поля Сибири. Маленькій императоръ Иванъ Антоновичъ изъ царской колыбели въ Петербургѣ попалъ въ тюрьмы въ Холмогорахъ и въ Шлиссельбургѣ, даже не сохранивъ въ памяти своего дѣтства на престолѣ. Его родители и дѣти ихъ, родившіяся въ пурпурѣ, цѣлые годы и десятки лѣтъ изнывали въ темницѣ. Меншиковъ, Долгорукіе, Биронъ, Остерманъ, Минихъ и др., управлявшіе судьбами Россіи, были отправлены въ изгнаніе на дальній востокъ, какъ преступники, въ

крайне жалкихъ условіяхъ. Иванъ былъ убитъ въ тюрьмѣ; Петръ III умеръ насильственной смертью черезъ нѣсколько дней послѣ своего низложенія съ престола; еще быстрѣе произошла катастрофа съ Павломъ. Чѣмъ меньше было достовѣрно извѣстно о томъ, *какъ* произошли эти насильственныя перемѣны, тѣмъ легче вѣрили всякимъ баснямъ о мѣстопребываніи жертвъ дворцовыхъ революцій. Этимъ объясняется успѣхъ самозванцевъ, которыхъ было больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Одно за другимъ появлялись лица, выдававшія себя за сына Петра Великаго, царевича Алексѣя, умершаго во время пытки, а можетъ быть и казненнаго; Петромъ III именовали себя цѣлыя дюжины авантюристовъ; въ лицѣ самозванца поднялась и тѣнь Ивана, послѣ того, какъ онъ былъ убитъ въ Шлиссельбургѣ своими тюремщиками, и т. д. Появленіе и временный успѣхъ такихъ обманщиковъ указываетъ на извѣстную симпатію народа къ жертвамъ насильственныхъ переворотовъ, а еще болѣе — на недовольство правительствомъ даннаго момента. Никто не слышалъ о появленіи лже-Павла.

Самая насильственность устраненія великихъ міра сего нерѣдко заключала въ себѣ возможность или вѣроятность утраты жертвами не только свободы, но и жизни. Если нападеніе на высокопоставленныхъ лицъ, какъ это часто случалось, происходило во время ихъ сна, хотя бы лишь съ цѣлью арестовать ихъ, то малѣйшаго сопротивленія съ ихъ стороны было достаточно для того, чтобы вызвать схватку; исходомъ такой борьбы легко могла быть смерть лица, устраненіе котораго было желательно. Когда въ ноябрѣ 1740 г. долженъ былъ произойти арестъ регента Бирона, фельдмаршалъ Минихъ, иниціаторъ этого переворота, далъ полковнику Манштейну, посланному въ покои регента, инструкцію убить послѣдняго въ случаѣ сопротивленія съ его стороны [1]. Произошла сцена, отчасти напоминающая конецъ Павла. Разбуженный шумомъ, Биронъ пытался спрятаться подъ кроватью, и когда его схватили, отбивался кулаками и укусилъ палецъ солдату, который хотѣлъ за-

---

[1] „И если онъ окажетъ малѣйшее сопротивленіе, безъ пощады покончить съ нимъ". Manstein. Nachrichten von Russland. Leipzig, 1774, S. 365.

пихать ему въ ротъ платокъ [1]) и т. д. Жизнь регента висѣла на волоскѣ, и его весьма легко могла постигнуть участь Павла. Если герцогъ Брауншвейгскій Антонъ Ульрихъ во время ночного нападенія на него и на его семью приверженцевъ Елизаветы въ ноябрѣ 1741 г. сталъ бы защищаться, то могло бы произойти избіеніе. Остермана и Миниха, арестованныхъ въ ту-же ночь, били прикладами и всячески мучили, такъ что жизнь ихъ находилась въ опасности, какъ и жизнь дяди Петра III въ 1762 г., арестованнаго при такихъ же условіяхъ, и т. д. Такія сцены не обходятся безъ насилій, онѣ требуютъ извѣстной грубости. Даже въ томъ случаѣ, если число заговорщиковъ сравнительно незначительно, вооруженные люди, находящіеся въ ихъ распоряженіи и представляющіе собою грубую силу, легко могутъ довести дѣло до кровавой развязки.

Такіе взрывы, которые можно иногда разсматривать какъ коллективныя преступленія, нерѣдко бываютъ связаны съ нарушеніемъ присяги военными, причастными къ этимъ преступленіямъ. Рядомъ съ интригой, которая ведется отдѣльными лицами, происходитъ нѣчто вродѣ солдатскаго мятежа. Чтобы низложить существующую власть, которая считаетъ, что имѣетъ поддержку въ войскахъ, необходимы именно эти войска или та часть ихъ, которая, подчиняясь одному вождю, нарушая данную присягу, соглашается быть слѣпымъ орудіемъ въ его рукахъ. Солдаты, подчиняющіеся при такихъ условіяхъ офицерамъ, часто понятія не имѣютъ о связи фактовъ и не сознаютъ, что нарушаютъ присягу. Въ случаѣ коллизіи между своими обязанностями они слѣдуютъ непосредственному импульсу, исходящему отъ ихъ начальниковъ. Нравственная отвѣтственность поэтому не падаетъ на солдатъ, хотя въ случаѣ неудачи возмущеній подобнаго рода они подвергаются жестокимъ наказаніямъ [2]); измѣнниками и нарушителями присяги являются офицеры.

---

[1]) Сообщеніе Нолькена въ Стокгольмскомъ Архивѣ.

[2]) Когда поручикъ Мировичъ въ 1764 г. сдѣлалъ попытку освободить изъ Шлиссельбургской тюрьмы бывшаго императора Ивана и свергнуть Екатерину II, то солдаты, исполнившіе его приказаніе, были наказаны шпицрутенами и каторгой, хотя они врядъ ли отдавали себѣ отчетъ, въ чемъ было дѣло.

Во всѣхъ государственныхъ переворотахъ въ Россіи рѣшающую роль играютъ гвардейскіе офицеры. Лицамъ, стоящимъ во главѣ заговора, необходимо содѣйствіе войска. Главной причиной успѣха князя Меншикова послѣ смерти Петра Великаго было то, что на сторонѣ князя былъ генералъ Бутурлинъ и его солдаты, провозгласившіе Екатерину I императрицей. Когда въ 1730 г. грозила опасность самодержавной власти императрицы Анны, и когда нужно было помѣшать ограниченію монархической власти немногими олигархами, то гвардейскіе офицеры рѣшили дѣло громкимъ требованіемъ самодержавія императрицы [1]). Приверженцы Анны съумѣли оказать вліяніе на войско. Горсти солдатъ, умѣло руководимой и получившей приказаніе арестовать регентшу Анну Леопольдовну, было достаточно, чтобы возвести на престолъ царевну Елизавету. Насколько легко совершались подобные перевороты въ Россіи, видно изъ замѣчанія саксонскаго посланника Пецольда по поводу вступленія на престолъ Елизаветы: «Всѣ русскіе признаютъ, что можно дѣлать, что угодно, имѣя въ своемъ распоряженіи извѣстное количество гренадеровъ, погребъ съ водкой и нѣсколько мѣшковъ золота» [2]). При содѣйствіи гвардейскихъ офицеровъ Екатерина въ 1762 г. свергла съ престола своего супруга. Правда, нѣкоторые военные, вѣрные, присягѣ, принесенной ими Петру III, готовы были бороться за государя. Былъ моментъ, когда можно было считать вѣроятнымъ кровавое столкновеніе между различными частями войскъ. Но фактическое вступленіе на престолъ Екатерины и жалкое поведеніе Петра разсѣяли эту опасность [3]). Точно также въ 1801 г. нѣкоторыя части арміи готовы были бы вступиться за Павла, если бы его смерть не положила предѣла его правамъ и притязаніямъ.

Обыкновенно въ такіе критическіе моменты быстро и рѣшительно совершается фактъ помимо всякихъ нравственныхъ или юридическихъ соображеній. Солдатская грубость замѣняетъ собою политическое учрежденіе. Такъ какъ го-

---

[1]) См. A. Brückner. Die Thronbesteigung der Kaiserin Anna im Jahre 1730 nach Korssakows Monographie. Russische Revue, Bd. XX, S. 36.

[2]) Herrmann. Geschichte des russischen Staats, IV, S. 685.

[3]) См. А. Брикнеръ. Екатерина II, стр. 121.

сударственная машина лишена предохранительныхъ клапановъ, то взрывъ неизбѣженъ. Чѣмъ незначительнѣе стремленіе стоять за право и законъ, тѣмъ сильнѣе припадокъ болѣзни въ государственномъ организмѣ Такъ какъ подданные остаются совершенно пассивными, никто не становится на сторону низверженнаго; поэтому такого рода кризисы не сопровождаются многочисленными человѣческими жертвами. Сравнительно незначительное число недовольныхъ совершившимся спасительнымъ фактомъ погибаютъ отъ пытки. Вотъ и все. Междоусобная война немыслима. Потрясеніе, происшедшее въ центрѣ, не отзывается ощутительнымъ образомъ на темной народной массѣ. Извѣстіе о перемѣнѣ той или другой личности принимается спокойно. Все прочее остается по прежнему.

Но все таки легкость, съ какою совершаются подобныя событія, дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ. Новые правители, послѣ своей побѣды опирающіеся на то-же войско и вынуждающіе у него присягу, сознаютъ, что на военную силу полагаться нельзя и начинаютъ бояться своихъ же приверженцевъ. Послѣ паденія Бирона, Анна Леопольдовна сильно опасалась, что фельдмаршалъ Минихъ, арестовавшій регента съ ея согласія, можетъ и съ нею сыграть подобную же штуку, и потому дѣло дошло до паденія Миниха. Приведенное выше замѣчаніе Пецольда показываетъ, что послѣ вступленія на престолъ Елизаветы считали возможнымъ повтореніе подобныхъ сценъ хотя бы въ пользу только что низложенныхъ брауншвейгцевъ. Всякій разъ такіе кризисы сопровождались уголовными процессами, такъ какъ находились люди, готовые слѣдовать только что подданному примѣру и предпринять что-нибудь въ такомъ же родѣ. Поэтому каждое новое правительство вынуждено дебютировать террористическими мѣрами: съ нихъ начали регентъ Биронъ, Елизавета и Екатерина. Удачный переворотъ 1762 г., легкость устраненія Петра III, вызвали подражаніе поручика Мировича, затѣявшаго тоже самое въ пользу шлиссельбургскаго узника. Но Мировичъ дѣйствовалъ менѣе ловко. Проектъ же неудавшагося *coup d'état* 1764 г., а также и цѣль его точь въ точь напоминаютъ удачный переворотъ 1762 г. Орловъ, помогшій Екатеринѣ проложить себѣ дорогу къ престолу, какъ разска-

зываютъ, хвастался впослѣдствіи тѣмъ, что можетъ произвести переворотъ и противъ нея. Подобныя же слова повидимому приписывались и графу Палену, главному иниціатору устраненія Павла. Палена считали способнымъ повторить однажды совершенный подъ его руководствомъ переворотъ. Супругѣ Павла это казалось возможнымъ; Александръ чувствовалъ себя въ опасности, и его отношеніе къ графу Панину свидѣтельствуетъ о такого рода сомнѣніи. Если низложенное правительство внезапно было сражено штыкомъ, на который оно полагалось, то слѣдующее за нимъ правительство вполнѣ могло подвергнуться той же участи. Всегда было достаточно претендентовъ, за мнимыя или настоящія права которыхъ могла вступиться горсть гвардейскихъ офицеровъ. Почему, послѣ вступленія на престолъ Екатерины I, нельзя бы было провозгласить императоромъ Петра II? О кандидатурѣ Елизаветы въ военныхъ кругахъ была рѣчь еще задолго до переворота 1741 г., во время царствованія ея предшественниковъ. Въ 1749 г. офицеръ Батуринъ попытался совершить въ пользу Петра Голштинскаго то же самое, что нѣсколько офицеровъ со своими солдатами нѣсколькими годами раньше сдѣлали въ пользу Елизаветы. Такъ какъ въ первые годы царствованія Екатерины не всѣ вѣрили смерти Петра III, то появились самозванцы, принимавшіе его имя и собиравшіе вокругъ себя значительное количество мятежниковъ. Замышлялись покушенія на жизнь Екатерины съ цѣлью возведенія на престолъ ея сына Павла [1]). То, что̀ удалось совершить въ пользу Александра благодаря устраненію Павла, могло пожалуй удасться и въ пользу вдовствующей императрицы, Маріи Ѳеодоровны, тѣмъ болѣе, что въ первый моментъ послѣ того, какъ престолъ оказался свободнымъ, она повидимому была не прочь предъявить на него свои права.

Мы видимъ, что событія 1801 г., изображенію которыхъ посвящено это изслѣдованіе, поразительно сходны со многими кризисами XVIII-го столѣтія. При сравненіи съ соотвѣтствующими эпизодами предшествующихъ временъ, конецъ Павла становится понятнѣе, какъ патологическое явленіе въ государственной жизни.

---

[1]) См. такіе же эпизоды у А. Брикнера, Екатерина II, стр. 195.

Источники

Едва-ли можно надѣяться найти въ государственныхъ архивахъ много матерьяловъ, касающихся эпизода, совершившагося въ мартѣ 1801 г. Самое событіе это таково, что русское правительство не могло желать обнародованія подробностей преступленія, совершеннаго надъ монархомъ. Общественныя проявленія государственной власти клонились скорѣе къ тому, чтобы скрыть истинное положеніе дѣлъ. Никто изъ участниковъ или сообщниковъ преступленія не былъ преданъ суду. Поэтому мы не имѣемъ судебныхъ актовъ, которые въ аналогичныхъ случаяхъ могутъ служить историческими источниками. Лица, составившія планъ устраненія Павла, Паленъ, Панинъ, Александръ, стояли во главѣ государственныхъ дѣлъ. Они были нравственно отвѣтственны за то, что произошло, но не были привлечены ни къ какой другой отвѣтственности. Удаленіе Палена и Панина со службы и изъ столицы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переворота хотя и связанное съ кончиной Павла, не вызвало изслѣдованія, которое сохранилось бы хотя бы въ архивахъ.

Если поэтому по русскимъ государственнымъ документамъ нельзя хорошо ознакомиться съ этими событіями, то не много новаго найдемъ мы и въ депешахъ иностранныхъ посланниковъ, находившихся въ то время въ Петербургѣ. О происхожденіи кризиса дипломаты разумѣется не могли ничего знать. Во всякомъ случаѣ лучше другихъ долженъ былъ бы быть освѣдомленъ англійскій посланникъ Уитвортъ, находившійся въ интимныхъ отношеніяхъ съ Жеребцовой, сестрою Зубовыхъ. Но подобно многимъ другимъ послан-

никамъ, Уитвортъ за нѣсколько мѣсяцевъ до катастрофы сдѣлался жертвою деспотическаго каприза Павла и долженъ былъ внезапно покинуть Петербургъ. Такъ какъ многіе другіе дипломаты встрѣчали къ себѣ со стороны Павла такое же отношеніе, то дипломатическій корпусъ вообще сильно сократился. Изъ дипломатовъ, находившихся во время катастрофы въ Петербургѣ, шведскій посолъ Стедингкъ въ первый моментъ повѣрилъ тому, что Павла хватилъ ударъ, и лишь впослѣдствіи получилъ возможность узнать о томъ, какъ дѣйствительно обстояло дѣло. Упоминаемая далѣе записка саксонскаго резидента Розенцвейга показываетъ впрочемъ, что многое, несмотря ни на что, становилось извѣстнымъ.

Для выясненія событія особенно важно было бы выслушать лицъ, принимавшихъ въ немъ непосредственное участіе. Историкъ можетъ произвести нѣчто вродѣ допроса виновныхъ. При этомъ выступаютъ также свидѣтели, подробно повѣтствующіе о слышанномъ и видѣнномъ. Такимъ образомъ можно собрать богатый матерьялъ *quasi* судебно-уголовныхъ документовъ. То, что говорилось въ интимныхъ бесѣдахъ Паленомъ, Беннигсеномъ и самимъ императоромъ Александромъ по поводу трагическаго происшествія, мало по малу вышло наружу въ исторической литературѣ. Собраніе и группировка этихъ разговоровъ даетъ возможность заглянуть глубоко въ самый ходъ событій. Тутъ происходитъ то же самое, какъ при допросѣ свидѣтелей на судѣ, въ концѣ концовъ дающемъ возможность судьямъ и присяжнымъ произнести приговоръ.

Укажемъ на важнѣйшія сочиненія, стараясь держаться порядка ихъ обнародованія.

Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ знаменитый трудъ Тьера «Histoire du consulat et de l'empire», появившійся полстолѣтія тому назадъ. Тьеръ повѣствуетъ о смерти Павла по двумъ источникамъ: одинъ изъ нихъ—это сообщеніе «очень хорошо освѣдомленной личности», въ свое время составленное для берлинскаго двора и переданное затѣмъ первому консулу Наполеону; другой источникъ—это разсказъ одного французскаго эмигранта, лично знавшаго Беннигсена и Палена и узнавшаго отъ нихъ весьма важныя детали событія. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій

не было извѣстно, кто былъ этотъ эмигрантъ, и только въ послѣднее время выяснилось, что это былъ никто иной, какъ извѣстный графъ Ланжеронъ, десятки лѣтъ (1790—1831 г.) находившійся на русской службѣ, и сообщенія котораго о Россіи, большею частью касающіяся военной исторіи, въ шести красивыхъ фоліантахъ, хранятся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Тьеръ имѣлъ въ виду именно этотъ источникъ.

Въ моментъ катастрофы Ланжерона не было въ Петербургѣ; но впослѣдствіи онъ имѣлъ случай подробно слышать о ней. Тотчасъ послѣ убійства Павла, Ланжеронъ, находившійся въ своемъ полку въ мѣстечкѣ Кобринъ, Гродненской губерніи, узналъ о вступленіи на престолъ новаго императора, не подозрѣвая, какъ это совершилось [1]). Въ 1804 г. Ланжеронъ посѣтилъ графа Палена, жившаго въ Митавѣ, и разспросилъ его обо всемъ происшедшемъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Ланжеронъ видѣлся съ генераломъ Беннигсеномъ, который близко зналъ Ланжерона и высоко цѣнилъ его способности. Беннигсенъ также весьма подробно разсказалъ ему о катастрофѣ. Въ 1826 г. Ланжеронъ встрѣтился съ великимъ княземъ Константиномъ, и этотъ послѣдній также подробно сообщилъ ему о томъ, какъ произошелъ переворотъ 1801 г. и о томъ, что́ самъ онъ, великій князь, пережилъ при этомъ. Ланжеронъ, записавшій разсказы Палена и Беннигсена въ самые дни свиданій съ этими двумя главными заговорщиками, записалъ также разсказъ великаго князя Константина. Такимъ образомъ возникло сочиненіе Ланжерона «De la mort de Paul I» (О смерти Павла I), рукопись котораго находится между бумагами Ланжерона въ парижскомъ архивѣ, и которымъ воспользовался Тьеръ. Сочиненіе это недавно въ довольно полномъ видѣ было обнародовано виконтомъ де-Груши въ «Revue Britannique» (Іюль, 1895 г.).

Беннигсенъ и въ другой разъ разсказывалъ о событіи 1801 г. Въ 1860 г., въ журналѣ, издаваемомъ Зибелемъ (томъ III),

---

[1]) Ланжеронъ пишетъ въ 1826 г., вспоминая эти событія: „Föster, Miloradowitch et moi, nous sommes peut-être en Russie les seuls individus, qui aient sincérement pleuré.“ Парижскій архивъ.

появилась статья подъ заглавіемъ «Умерщвленіе императора Павла»; авторъ ея, не подписавшій своего имени подъ статьею, говоритъ въ своемъ введеніи слѣдующее: «Назвать отдѣльные источники, изъ которыхъ почерпнуты излагаемыя свѣдѣнія о событіяхъ, мы считали пока еще неудобнымъ, полагая, что это слѣдуетъ предоставить болѣе отдаленному будущему; здѣсь же мы должны ограничиться указаніемъ, что въ основу нашей статьи положенъ отрывокъ рукописныхъ мемуаровъ генерала Беннигсена, и что весь нашъ разсказъ основанъ на непосредственныхъ сообщеніяхъ лицъ, стоявшихъ въ то время близко къ русскому двору и къ событіямъ». Авторомъ этой статьи, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ никто иной, какъ Теодоръ фонъ Бернгарди, который воспроизвелъ сущность этой монографіи въ своей «Исторіи Россіи» («Geschichte Russlands», II, 2, стр. 431 ff.): Къ сожалѣнію, рукопись мемуаровъ Беннигсена съ тѣхъ поръ не появлялась на свѣтъ Божій. О мѣстонахожденіи ея существуютъ анекдотическіе разсказы, достовѣрность которыхъ ничѣмъ не доказана [1]). Тѣмъ болѣе приходится сожалѣть о томъ, что Бернгарди довольствуется однимъ перечисленіемъ своихъ источниковъ, такъ что остается неизвѣстнымъ, какія данныя почерпнуты имъ у Беннигсена и какія изъ другихъ, по всей вѣроятности устныхъ источниковъ.

Въ 1865 г., въ англійскомъ журналѣ «Fraser's Magazine for Town and Country» (августъ и сентябрь) появились записки русскаго генерала Саблукова, подъ заглавіемъ: «Remembrances of the Court and Times of the Emperor Paul I of Russia» (Воспоминанія о дворѣ и временахъ русскаго императора Павла I). Авторъ этихъ записокъ въ сравнительно молодые годы, главнымъ образомъ въ царствованіе Павла, сдѣлалъ быструю военную карьеру, и въ 1801 г. былъ полковникомъ кавалерійскаго полка, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ императора Павла и его супруги; шефъ полка, великій князь Константинъ, съ особеннымъ расположеніемъ относился къ составителю упомянутыхъ мемуаровъ. Наканунѣ ка-

---

[1]) См. соч. Иды фонъ Штеумбургъ-Барфельде: „Wer war der Dieb?“ въ журналѣ „Ueber Land und Meer,“ 1875, № 23, и замѣчанія къ ней Семевскаго въ „Русской Старинѣ“, 1876, II, 385 ff.

тастрофы Саблуковъ былъ свидѣтелемъ того, что̀ происходило въ Михайловскомъ дворцѣ; онъ нерѣдко имѣлъ случай бесѣдовать съ императоромъ Павломъ незадолго до его кончины, тотчасъ послѣ катастрофы, ночью, явился на мѣсто дѣйствія, имѣлъ разговоры съ великимъ княземъ, съ Паленомъ и др., и такимъ образомъ можетъ сообщить много новыхъ и интересныхъ подробностей о событіяхъ. Правда, разсказъ Саблукова составленъ очень поздно, въ 1840—1847 г.г. въ Англіи, въ Карлсруэ и въ Петербургѣ; но вѣроятно авторъ пользовался замѣтками, сдѣланными раньше. Такъ, напр., къ разсказу приложены планы расположенія императорскихъ покоевъ въ Михайловскомъ дворцѣ, что̀ весьма помогаетъ оріентироваться относительно многихъ деталей происшествія. Благодаря той роли, какую Саблуковъ игралъ при дворѣ, ему извѣстно было весьма многое о положеніи Павла и лицъ, близкихъ къ государю. Отецъ Саблукова принадлежалъ къ числу жертвъ, пострадавшихъ отъ раздраженія душевно-больного монарха. Тѣмъ не менѣе Саблуковъ оставался вѣренъ императору и осуждалъ образъ дѣйствія заговорщиковъ. Мемуары свои Саблуковъ, человѣкъ высоко-образованный и часто живавшій въ западной Европѣ, писалъ по англійски. Лишь часть этихъ записокъ напечатана по русски въ историческомъ журналѣ «Русскій Архивъ».

Главный виновникъ катастрофы, графъ Паленъ, дѣлавшій, какъ было упомянуто выше, подробныя сообщенія Ланжерону въ 1804 г., высказывался и въ другой разъ, очень скоро послѣ катастрофы и притомъ крайне откровенно и беззастѣнчиво. Это произошло въ разговорѣ съ барономъ Гейкингомъ (Heyking), мемуары котораго, написанные по французски, обнародованы были въ извлеченіяхъ на нѣмецкомъ языкѣ Бинеманномъ [1]). Большое значеніе имѣютъ воспроизведенные въ этихъ мемуарахъ разсказы Палена и мнѣніе его о неизбѣжности катастрофы и о заслугахъ ея зачинщиковъ.

Гораздо менѣе склоненъ былъ говорить о событіи и о своемъ участіи въ немъ графъ Никита Петровичъ Панинъ. Въ 1800 г., занимая постъ вице-канцлера, онъ составилъ

1) Fr. Bienemann. „Aus den Tagen Kaiser Pauls“. Leipzig, 1886.

планъ регентства, имѣвшій въ виду устраненіе несчастій, неизбѣжныхъ въ злополучное царствованіе Павла; при этомъ Панинъ дѣйствовалъ съ согласія великаго князя Александра. Такъ какъ въ концѣ 1800 г. Панинъ, подобно многимъ другимъ сановникамъ, былъ изгнанъ императоромъ изъ столицы, то во время самой катастрофы его не было въ Петербургѣ. Онъ очень рѣшительно и горячо порицалъ насиліе, совершенное заговорщиками, и непосредственно не былъ причастенъ къ преступленію. Тѣмъ не менѣе императоръ Александръ впослѣдствіи удалилъ его, поступивъ съ нимъ также, какъ съ Паленомъ и съ Зубовыми. Въ многотомномъ трудѣ А. Брикнера на русскомъ языкѣ «Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина» (СПб., 1888—1892) по причинамъ, независящимъ отъ издателя, лишь неполно говорится о событіяхъ, относящихся къ концу царствованія Павла. Однако и изъ этого сочиненія можно кое-что узнать о катастрофѣ, причемъ особенно интересно сообщеніе о томъ, что проекты Панина и Александра относительно регентства совсѣмъ не были похожи на осуществленіе этого плана Паленомъ, Беннигсеномъ и др., положившими конецъ царствованію и жизни Павла. Уже Бернгарди придавалъ этому обстоятельству большое значеніе. Въ настоящее время, благодаря сочиненію, изданному по порученію внучки Панина, княгини Мещерской, мы имѣемъ возможность значительно расширить наши свѣдѣнія.

Впрочемъ, Панинъ имѣлъ случай уже раньше высказаться относительно катастрофы съ Павломъ. Въ сочиненіи, носящемъ названіе «Geheime Geschichten und rätselhafte Menschen». Sammlung verborgener oder vergessener Merkwürdigkeiten, herausgegeben von Friedrich Bülau, Leipzig, 1850, I, стр. 58 ff. («Таинственныя исторіи и загадочные люди») мы находимъ изображеніе переворота 1801 г., причемъ приводимыя тамъ весьма важныя анекдотическія подробности сопровождаются слѣдующей цитатой: «Подробности эти сообщены автору этихъ записокъ самимъ графомъ Панинымъ, умершимъ въ началѣ 1837 г.».

Авторомъ записокъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ «Geheime Geschichten, etc.» оказался саксонскій резидентъ Розенцвейгъ, мемуары котораго, хранящіеся въ рукописи въ дрезденскомъ архивѣ, недавно были напечатаны въ жур-

налѣ «Aus allen Zeiten und Landen» (Braunschweig, 1882, Oktober). Такъ какъ главное содержаніе этихъ записей Розенцвейга уже помѣщено въ сборникѣ «Geheime Geschichten, etc.», что ускользнуло отъ вниманія новаго издателя, то слѣдуетъ считать неправильнымъ обозначеніе напечатанныхъ въ журналѣ мемуаровъ «впервые издаваемыми подлинными записками саксонскаго посланника Карла Фридриха Розенцвейга». Замѣтимъ, что сообщенія этого дипломата своими интересными деталями, своею подробностью и основательностью не уступаютъ разсказамъ Ланжерона.

Узнавъ, какъ высказывались о событіи 1801 г. Паленъ, Беннигсенъ, Панинъ и др., намъ особенно интересно было бы выслушать наслѣдника престола Павла, императора Александра, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этой трагедіи. Этотъ интересъ съ избыткомъ удовлетворяется въ запискахъ близкаго друга Александра, князя Адама Чарторыскаго, изданныхъ въ 1887 г. въ Парижѣ, въ двухъ томахъ. Во время самой катастрофы, Чарторыскаго не было въ Россіи, но тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, Александръ вызвалъ его въ Петербургъ. Чарторыскій засталъ молодого монарха въ крайне возбужденномъ настроеніи; Александра мучили угрызенія совѣсти, и въ своихъ разговорахъ онъ склоненъ былъ постоянно возвращаться къ катастрофѣ. Изъ передаваемыхъ Чарторыскимъ—правда, весьма кратко, — разсказовъ Александра видно, что великій князь не ожидалъ такого насильственнаго исхода дѣла и былъ глубоко потрясенъ тѣмъ, какъ выполненъ былъ проектъ регентства, составленный имъ вмѣстѣ съ Панинымъ и Паленомъ. Записки Чарторыскаго, какъ источникъ, имѣютъ весьма важное значеніе. Они потверждаютъ въ сущности то, что мы узнаемъ объ образѣ дѣйствія Панина изъ бумагъ послѣдняго. Выдающійся интересъ въ запискахъ Чарторыскаго имѣютъ сообщенія объ удаленіи Палена и Панина отъ двора. Записки многое выясняютъ изъ душевной жизни Александра, указываютъ между прочимъ на его подозрительность.

Таковы главные источники, которые, по истеченіи цѣлаго столѣтія послѣ катастрофы, даютъ возможность воспроизвести событіе 1801 г. во многихъ деталяхъ. На постоянно возбуждавшійся въ прежнее время вопросъ о ви-

новности Александра очень легко дать отвѣтъ на основаніи того, что̀ высказано участниками этого дѣла, принявъ при этомъ въ соображеніе смягчающія обстоятельства. Вина его особенно уменьшается, когда мы узнаёмъ изъ сообщеній самихъ заговорщиковъ о томъ, насколько нестерпимо было положеніе дѣлъ, и какъ необхомимо было во что бы то ни стало положить ему конецъ. Опасность, угрожавшая подданнымъ и государству, возрасла до такой степени, что приходилось дѣйствовать противъ Павла въ видахъ самосохраненія. Принятіе рѣшительныхъ мѣръ становилось дѣломъ патріотическимъ. Если можно считать какой нибудь государственный переворотъ спасительнымъ, то это именно переворотъ 1801 г. въ Россіи. Отношеніе къ совершившемуся факту во всѣхъ слояхъ общества, извѣстное намъ изъ другихъ источниковъ, оправдываетъ рѣшеніе, принятое главными зачинщиками переворота—Панинымъ, Паленомъ, Александромъ. Лишь грубая жестокость, съ какою выполнены были ихъ планы, тяжелымъ бременемъ ложится на Палена, Беннигсена, Зубовыхъ и др.; надо впрочемъ замѣтить, что двое первыхъ не принимали непосредственнаго участія въ кровавой сценѣ.

Изъ другихъ источниковъ, выясняющихъ общее положеніе дѣлъ, самый цѣнный—это «Архивъ князя Воронцова». Въ 38-ми томахъ этого изданія помѣщена главнымъ образомъ частная переписка высшихъ сановниковъ и другихъ лицъ, игравшихъ извѣстную роль при русскомъ дворѣ въ царствованія Елизаветы, Екатерины, Павла и Александра. Такого рода письма изображаютъ событія болѣе непосредственно, чѣмъ мемуары или подобные имъ записи. Откровенныя сообщенія друзей друзьямъ даютъ возможность заглянуть глубоко въ положеніе вещей, и содержатъ въ себѣ сужденія о фактахъ и людяхъ. Самое изобиліе такихъ приговоровъ, доходящихъ до насъ съ разныхъ сторонъ, даетъ намъ возможность провѣрить ихъ. Даже если личные интересы, субъективность сужденій, минутное настроеніе или недовольство, оказываютъ сильное вліяніе на такіе приговоры, то самое количество ихъ представляетъ собою отличный критическій регуляторъ источниковъ. Если люди самыхъ разнообразныхъ характеровъ и лица, не желавшія знать другъ друга, въ своихъ интимныхъ изліяніяхъ

къ друзьямъ единогласно находятъ положеніе дѣлъ въ послѣднее время царствованія Павла совершенно невыносимымъ, то это до нѣкоторой степени снимаетъ тягость вины съ зачинщиковъ катастрофы. Если будетъ когда-нибудь написана исторія царствованія императора Павла, то главнымъ источникомъ для нея долженъ служить «Архивъ князя Воронцова». Въ немъ высказываются министры, посланники, придворные, отвѣтственные чиновники. Ихъ откровенныя письма, значительное количество которыхъ было написано лимоннымъ сокомъ или химическими чернилами, доказываютъ, что на престолѣ находился душевно-больной монархъ, и что въ интересахъ всего государства неотложною необходимостью было устранить его и сдѣлать его безвреднымъ. Если такіе сановники, какъ Панинъ, Кочубей, Воронцовъ, Завадовскій, Бутурлинъ, такіе наблюдатели, какъ Николаи, Роджерсонъ, Гриммъ, Алексѣй Орловъ, Татищевъ и др. сходятся въ этомъ пунктѣ, то это дѣйствуетъ уничтожающимъ образомъ на жертву катастрофы и смягчаетъ вину ее зачинщиковъ. Патологическому состоянію, въ которомъ находились императорская фамилія, дворъ, правительственная машина и все государство, долженъ былъ быть положенъ конецъ. Печально то, что, вслѣдствіе отсутствія предохранительныхъ клапановъ, нельзя было избѣжать насильственнаго кризиса, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ подобныя же психическія болѣзни приводили самое большее къ мирному назначенію регентовъ.

Для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ царствованіе Павла важны также, хоть и не столь поучительны, вышеупомянутые «Матеріалы къ біографіи графа Н. П. Панина», затѣмъ недавно изданная на французскомъ языкѣ біографія графа Алексѣя Разумовскаго съ приложеніями и другіе источники, о которыхъ въ нашемъ изслѣдованіи будетъ указано въ своемъ мѣстѣ [1]).

---

[1]) Меньшій интересъ представляютъ: „Anekdoten aus dem Leben Katharinas und Pauls", Hamburg, 1797; памфлетъ „Charakteristik von Russlands und Englands despotischer Regierungsverfassung unter dem eisernen Scepter Pauls und Pitts" (1798); „Mémoires secrets sur la Russie" par Masson (1801); „Notice sur la mort de Paul I" (Paris, 1810); Neilly, „Morts royales", Paris, 1867 г. и др.

I

О положеніи дѣлъ передъ переворотомъ 1801 г.

I. Жалобы государственныхъ дѣятелей

Будучи великимъ княземъ, Павелъ, склонный порицать свою мать, писалъ въ 1773 г. своему близкому другу, Андрею Разумовскому, что императрица желаетъ, чтобы ее постоянно забавляли; она требуетъ, чтобы все подчинялось ея волѣ [1]; къ этому Павелъ прибавляетъ слѣдующее обобщеніе: «Это несчастіе очень часто постигаетъ монарховъ въ ихъ частной жизни; возвышенные надъ той сферой, гдѣ нужно считаться съ другими людьми, они воображаютъ, что имѣютъ право постоянно думать о своихъ удовольствіяхъ и дѣлать все, что̀ угодно, причемъ не сдерживаютъ своихъ желаній и прихотей и заставляютъ другихъ подчиняться имъ; но эти другіе, имѣющіе съ своей стороны глаза, чтобы видѣть, имѣющіе къ тому же свою собственную волю, никогда не могутъ изъ чувства послушанія сдѣлаться настолько слѣпыми, чтобы утратить способность различать, что воля есть воля, а прихоть есть прихоть [2]; что̀ пріятно одному, то не нравится другому» [3].

Поразительно, что тотъ самый человѣкъ, который гораздо сильнѣе многихъ другихъ испыталъ на себѣ деморализующее вліяніе неограниченной власти, въ юношескомъ возрастѣ такъ здраво и просто толкуетъ объ опасностяхъ, угрожающихъ характеру монарха. Замѣчательно также, что это сужденіе Павла относится именно къ его матери. Сравненіе между матерью и сыномъ говоритъ сильно въ пользу Екатерины. Оба они—и мать, и сынъ—сравнительно поздно добились престола; оба до вступленія на тронъ находились въ тяжелыхъ обстоятельствахъ; но невольно бросается въ глаза различіе въ развитіи характеровъ матери и сына. Не-

---

[1]) „Elle vent tout conduire à sa guise“.

[2]) „Que les volontés sont des volontés et que les caprices sont toujors caprices“.

[3]) См. изданное А. Брикнеромъ на французскомъ языкѣ сочиненіе Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ“ („Les Razoumowski“ Halle, 1893, II, 1 отдѣлъ, стр. 14). Русскій подлинникъ изд. въ Петерб. въ 1882 г. (т. III и IV).

ограниченная власть, обладаніемъ которой тѣмъ болѣе наслаждалась Екатерина, что пріобрѣла ее послѣ цѣлаго ряда униженій и горькихъ испытаній, не возбудила у императрицы деспотическихъ инстинктовъ—и это свидѣтельствуетъ о хорошемъ качествѣ ея темперамента; сынъ же ея, въ теченіе долгихъ лѣтъ отстраняемый отъ власти, достигнувъ престола, потерялъ всякую мѣру и своими прихотями, достойными султана, своимъ произволомъ въ управленіи государствомъ, самъ вызвалъ постигшую его катастрофу. Успѣхъ и благопріятныя внѣшнія обстоятельства смягчили, облагородили темпераментъ Екатерины; у Павла же дурныя свойства усилились благодаря полученной имъ власти; неограниченность этой власти испортила его окончательно [1]).

Сохранилось не мало разсказовъ о томъ, что̀ высказывалъ Павелъ въ моментъ своего вступленія на престолъ. Получивъ въ Гатчинѣ извѣстіе о смертельной болѣзни императрицы и направляясь оттуда въ Петербургъ, Павелъ казался сильно взволнованнымъ и растроганнымъ до слезъ. Ростопчинъ, пользовавшійся его довѣріемъ, взялъ его руку и сказалъ: «Какая это минута для Васъ, государь!» Павелъ отвѣтилъ, сжимая руку Ростопчина: «Подождите, другъ мой. Мнѣ уже стукнуло 42 года. Богъ хранилъ меня; быть можетъ, онъ дастъ мнѣ силу и разумъ, чтобы достойно занимать мѣсто, опредѣленное Имъ для меня. Положимся всецѣло на Его благость» [2]). Совершенно иначе выражался Павелъ въ прежніе годы о своей миссіи въ Россіи: бесѣдуя въ 1782 г., въ Вѣнѣ, съ графиней Розенбергъ, онъ, говорятъ, сказалъ: «Не знаю, попаду ли я на престолъ; но если судьба возведетъ меня въ тронъ, не удивляйтесь тому, что̀ я буду дѣлать. Вы знаете мое сердце; но вы не знаете этихъ людей (русскихъ). Я же знаю, какъ нужно управлять ими» [3]). Точно также, во Флоренціи, въ разговорѣ съ Леопольдомъ Тосканскимъ, Павелъ обнаружилъ свою мстительность, говоря, что вступивъ на престолъ «высѣчетъ» Потемкина,

---

[1]) Подробности см. у А. Брикнера, Екатерина II, стр. 699.

[2]) См. записки Ростопчина о вступленіи на престолъ Павла въ архивѣ князя Воронцова, т. VIII, стр. 164.

[3]) Мемуары Розенцвейга въ „Aus allen Zeiten und Landen“, 1882, октябрь, стр. 3.

Безбородко, Воронцова и др. [1]). Когда, черезъ нѣсколько недѣль послѣ вступленія Павла на престолъ, въ Петербургъ пріѣхалъ въ качествѣ чрезвычайнаго дипломата графъ Клингспоръ, государь началъ свой разговоръ съ нимъ съ заявленія, что видѣлъ горе въ теченіе 34-хъ лѣтъ [2]). Весьма странно звучали въ устахъ Павла слѣдующія слова, сказанныя имъ шведскому посланнику Стедингку въ 1800 г., когда усилился терроризмъ: «Меня считаютъ ужаснымъ, нестерпимымъ человѣкомъ. Я же никому не хочу внушать страха» [3]).

Но Павелъ не только внушалъ всѣмъ страхъ, но и самъ боялся всѣхъ и каждаго. Подозрительность была основною чертою его натуры, въ чемъ онъ самъ сознавался еще юношей въ письмахъ къ своему близкому другу, графу Разумовскому. [4]) Недовѣріе къ окружавшимъ его лицамъ, заслуживавшимъ его довѣрія, вѣроятно способствовало тому, что въ концѣ своей жизни онъ самъ изгналъ такихъ вѣрныхъ своихъ приверженцевъ, какъ Ростопчинъ и Аракчеевъ, которые могли бы защитить его отъ замысловъ Палена. Такъ какъ Павелъ совершенно неосновательно полагалъ, что супруга его замышляетъ противъ него что-то недоброе, то приказалъ задѣлать дверь въ ея покои, черезъ которые онъ могъ бы еще пожалуй спастись въ свой послѣдній часъ.

Характеръ Павла представлялъ собою странную смѣсь противоположныхъ качествъ, и иногда у него проявлялось какое то поразительное добродушіе, склонность къ шуткѣ и желаніе поострить. Объ этомъ много разсказываетъ Саблуковъ. Однажды, узнавъ случайно, что Саблуковъ, хорошо рисовавшій, набросалъ его портретъ, государь, смѣясь, посмотрѣлъ въ зеркало и замѣтилъ: «хороша рожа.» Потомъ, добродушно потрепавъ рисовальщика-диллетанта по

---

[1]) Arneth. Joseph II und Leopold von Toskana. Ihr Briefwechsel, I, 120.

[2]) „J'ai eu des chagrins 34 ans." Клингспоръ къ Густаву IV. Стокгольмскій архивъ.

[3]) Письмо Стедингка къ Густаву IV отъ 30-го апрѣля (11 мая) 1800 г. Стокгольмскій архивъ.

[4]) См. „Les Razoumowski", II, 1, стр, 8, 9 и 16.

плечу, онъ вышелъ изъ комнаты [1]). Саблуковъ хвалитъ глубокое чувство справедливости государя, его стремленіе исправить случайно совершенную несправедливость [2]); другіе же, наоборотъ, указываютъ на то, что Павелъ никогда не думаетъ раскаиваться въ своихъ ошибкахъ и продолжаетъ оскорблять людей, уже оскорбленныхъ имъ ничѣмъ не мотивированными взрывами гнѣва [3]).

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины въ характерѣ Павла стало какъ будто замѣчаться ухудшеніе. Его отличительными свойствами сдѣлались недовѣрчивость и раздражительность; малѣйшее противорѣчіе вызывало его гнѣвъ; такъ подготовлялся длинный рядъ насилій и ошибокъ, характерныхъ для его царствованія. Послѣ своего разговора съ великимъ княземъ Павломъ знаменитый полководецъ Суворовъ съострилъ: «Prince adorable, despote implacable» (обожаемый государь, неумолимый деспотъ). Ростопчинъ, любимецъ Павла, писалъ Воронцову въ 1793 г.: «Великій князь рѣшился принять систему деспотизма и управленія при помощи желѣзной розги и дѣйствуетъ сообразно съ этимъ. Каждый день мы слышимъ о насиліяхъ, о проявленіяхъ такой мелочности, какихъ долженъ былъ бы стыдиться частный человѣкъ». Ростопчинъ сѣтуетъ на «жалкій образъ дѣйствій» Павла. Въ одномъ письмѣ Ростопчина отъ 1793 г. говорится слѣдующее: «Здѣсь слѣдятъ за образомъ дѣйствій великаго князя не безъ чувства горести и отвращенія; онъ словно всячески старается сдѣлаться ненавистнымъ. Ежедневно онъ присутствуетъ на парадѣ и на экзекуціяхъ. При малѣйшемъ противорѣчіи онъ выходитъ изъ себя» [4]). Въ другихъ письмахъ Ростопчинъ пишетъ: «Великій князь дѣлаетъ невѣроятныя вещи; онъ самъ готовитъ себѣ погибель и становится все болѣе ненавистнымъ». Безчисленное множество

---

[1]) Извѣстно, что Павелъ отличался удивительно некрасивою внѣшностью.

[2]) Fraser's Magazine a. a. O., стр. 304, 305.

[3]) Напр. Ростопчина, преданнаго государю. Архивъ кн. Воронцова, VIII, 76. „Ce qu'il y a de singulier, c'est qu'il ne répare jamais sa faute et continue à se fâcher contre celui à qui il a manqué". Письмо Ростопчина кн. Воронцову, написанное въ 1793 г.

[4]) Архивъ князя Воронцова, VIII, 67 и 76.

разсказовъ о грубыхъ выходкахъ Павла по отношенію къ чиновникамъ и военнымъ подтверждаютъ подобныя сужденія его любимца [1]). Незадолго до своего вступленія на престолъ, на придворномъ балу, Павелъ велъ себя настолько непристойно съ находившимся тогда въ Петербургѣ шведскимъ королемъ, что «всѣ присутствующіе готовы были провалиться сквозь землю», какъ писалъ лейбъ-медикъ Екатерины Роджерсонъ своему другу графу Воронцову въ Лондонъ [2]).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Екатерина подумывала о перенесеніи права престолонаслѣдія съ своего сына на внука. Павелъ не подозрѣвалъ этого и страстно стремился къ престолу. Въ сентябрѣ 1796 г. Ростопчинъ писалъ о немъ: «Онъ готовъ лопнуть отъ нетерпѣнія и только и думаетъ что о моментѣ своего воцаренія» [3]).

Моментъ этотъ наступилъ; царствованіе Павла началось безъ всякаго сопротивленія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появились мемуары Тургенева [4]), который, какъ очевидецъ, разсказываетъ о первыхъ часахъ и дняхъ царствованія Павла. Въ запискахъ этихъ содержится много неутѣшительныхъ свѣдѣній о недостойномъ поведеніи императора, который съ недовѣріемъ, относился къ великому князю Александру, грубо обращался съ генералами и офицерами, приказывалъ пачкать французскій костюмъ петербургскихъ егерей и проявлялъ свою ненависть къ только что умершей матери, преслѣдуя созданныя ею учрежденія и отмѣняя ея распоряженія. Судя по разсказамъ Тургенева, деспотическія замашки Павла уже въ первое время его царствованія носили характеръ безумія цезарей, которое затѣмъ непомѣрно усилилось.

Уже въ послѣдніе часы жизни Екатерины, въ ту пору,

---

[1]) См. напр.; архив. кн. Воронцова, VIII, 83 — 84, 104 — 105 XXIV, 257.

[2]) „Tout le monde était prêt à tomber en terre". Архивъ кн. Воро..ова, XXX, 68.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 145.

[4]) Родственника знаменитаго писателя. Эти мемуары напечатаны въ „Русской Старинѣ". См. статью „Zur Geschichte der Regierung des Kaisers Paul I" въ журналѣ „Vom Fels zum Meer", 1887, № 2, стр. 446 ff.

когда она боролась со смертью, вѣроятно всѣ, по словамъ Тургенева, тревожно сознавали, что наступаетъ время, когда уже нельзя будетъ свободно дышать. Первымъ геройскимъ подвигомъ новаго правительства, разсказываетъ Тургеневъ: была непримиримая, безпощадная борьба съ самыми страшными врагами русскаго государства — съ круглыми шляпами, съ фраками и жилетами. На другой же день 200 полицейскихъ и драгуновъ бѣгали по улицамъ и, по особому распоряженію, срывали со всѣхъ прохожихъ круглыя шляпы, которыя тутъ же уничтожались; у всѣхъ фраковъ обрѣзывались торчащіе воротники, а жилеты, по приказанію капраловъ и унтеръ-офицеровъ, разрывались на куски. Походъ этотъ очень быстро окончился. Въ 12 часовъ на улицахъ уже не видно было круглыхъ шляпъ; фраки и жилеты сдѣланы были безвредными, и тысяча жителей Петрополя спѣшила въ свои жилища съ непокрытыми головами, въ изорванномъ платьѣ, полунагіе. Иные оказали сопротивленіе и за это были избиты кулаками и палками. Жалобы и просьбы были напрасны; никакія оправданія, никакое уваженіе къ тому или другому лицу не принимались во вниманіе; палачамъ было усердно внушено, чтобы они дѣйствовали какъ можно болѣе беззастѣнчиво; солдатамъ, которые стали бы стѣсняться, грозило наказаніе палками. Поэтому несчастные исполнили свою печальную обязанность съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Въ первый день своего царствованія Павелъ проѣзжалъ верхомъ мимо деревяннаго театра, выстроеннаго по приказанію Екатерины. «Это должно быть уничтожено», сказалъ Павелъ одному генералу, находившемуся въ его свитѣ. Нѣсколько часовъ спустя—Тургеневъ разсказываетъ объ этомъ, какъ очевидецъ—не осталось и слѣда отъ большого зданія; 500 рабочихъ трудилось надъ тѣмъ, чтобы сравнять мѣсто съ землею, работая при фонаряхъ. «Это событіе», замѣчаетъ Тургеневъ, котораго раздражило подобное разрушеніе, «дало мнѣ полное понятіе о силѣ власти и ея могуществѣ въ Россіи».

Но не всѣ вынесли столь же тяжелое впечатлѣніе отъ первыхъ дѣйствій императора Павла. Всѣ чувствовали, что послѣдніе годы царствованія Екатерины были временемъ упадка, что въ администраціи, въ арміи, при дворѣ завелось множество злоупотребленій Въ разговорахъ съ швед-

скимъ посланникомъ Стедингкомъ и съ Клингспоромъ, Павелъ столь же откровенно, сколь неосторожно и неуважительно отзывался о дурномъ управленіи своей матери и говорилъ о необходимости реформъ. Саблуковъ хвалитъ государя за то, что въ самомъ началѣ своего царствованія онъ приказалъ устроить у наружнаго окна своихъ покоевъ ящикъ, въ который каждый могъ опускать прошенія или жалобы, разсмотрѣніемъ которыхъ Павелъ занимался или желалъ заниматься лично [1]). Такимъ путемъ, какъ говорятъ, были устранены многіе непорядки, заглажены многія несправедливости, но эти отношенія подданныхъ къ монарху не могли развиться въ постояное учрежденіе.

Депеши Стедингка къ шведскому королю въ первое время царствованія Павла полны похвалъ императору. Императоръ, по словамъ посланника, имѣетъ много достоинствъ и держитъ себя до странности непринужденно [2]); часто въ поступкахъ и его проявляется справедливость и доброжелательство [3]). Трудолюбіе монарха казалось поразительнымъ и вліяло на другихъ, заставляя ихъ слѣдовать его примѣру [4]). На первыхъ порахъ возстановленіе дисциплины среди распустившихся чиновниковъ должно было казаться благодѣтельнымъ. Такимъ образомъ нѣкоторыя черты дѣлали честь императору [5]).

Русскіе сановники, не находившіеся въ то время въ Петербургѣ, вынесли изъ получаемыхъ оттуда сообщеній впечатлѣніе, что, судя по началу, новое царствованіе обѣщаетъ быть хорошимъ. Это высказывалъ графъ Кочубей въ

---

[1]) Подробности см. въ Frasers Magazine, a. a. O. 230.

[2]) „Il me paraissait n'avoir rien de la contrainte, qui lui donnait un air de singularité autrefois".

[3]) „L'empereur met á profit chaque instant de son règne pour quelque acte de justice, d'ordre et de bienfaisance".

[4]) „On est devenu extrêmement matineux ici depuis le nouveau règne".

[5]) Такъ, напр., въ депешѣ Стедингка отъ 2 января 1797 г. читаемъ: „Les évènements du nouveau régne sont presque tous de nature de faire le plus grand honneur à l'empereur". Всѣ эти записи хранятся въ Стокгольмскомъ архивѣ.—Но не были ли эти благопріятные отзывы разсчитаны на то, что подобнаго рода депеши вскрывались на почтѣ или, какъ выражались тогда, подвергались перлюстраціи?

своемъ письмѣ изъ Константинополя [1]), а также русскій посланникъ въ Лондонѣ, Воронцовъ [2]). Противники революціонной Франціи ожидали, что Павелъ энергически выступитъ противъ республики и пѣли гимны новому монарху [3]). Такіе люди, какъ Ростопчинъ, Измайловъ, Кутайсовъ и др., пользовавшіеся въ тотъ моментъ довѣріемъ Павла, могли разсчитывать на милости государя, на награды и почести и смотрѣли на положеніе вещей оптимистически.

Но именно лица, пользовавшіеся довѣріемъ Павла, къ тому же занимавшія положеніе любимцевъ государя, и получавшія отъ него огромныя суммы, на подобіе фаворитовъ Екатерины въ ея царствованіе [4]),—именно эти люди способствовали гибели Павла. Ихъ ненавидѣли и презирали. Ростопчинъ, руководитель внѣшней политики, былъ эгоистъ и отличался неблагороднымъ характеромъ; генеральный прокуроръ Обольяниновъ былъ извѣстенъ подкупностью и жадностью, хотя, по мѣткому замѣчанію Розенцвейга, въ этомъ отношеніи въ Россіи чувства не отличались особенной тонкостью. Кутайсовъ и Нарышкинъ, взявшіе на себя заботу о развлеченіяхъ государя, истощая его физическія силы, еще болѣе пагубно вліяли на его душевное спокойствіе [5]).

Тургеневъ въ своихъ мемуарахъ, хотя лишь въ связи съ извѣстнымъ случаемъ и вскользь, замѣчаетъ, что не было недостатка въ людяхъ, готовыхъ исполнять и обострять деспотическія распоряженія и приговоры Павла. Такія личности, какъ Ростопчинъ, Аракчеевъ и Кутайсовъ несутъ на себѣ тяжкую вину сообщничества въ нелѣпыхъ насиліяхъ, происходившихъ въ царствованіе Павла. Не мало было военныхъ, долгое время до 1796 г. принадлежавшихъ къ числу приближенныхъ великаго князя Павла, которые

---

1) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 126.

2) Архивъ кн. Воронцова, XXII, 490.

3) Такъ напр. Гриммъ. Архивъ кн. Воронцова, XX, 351.

4) Стедингкъ неосновательно хвалилъ государя за то, что при немъ исчезаютъ любимцы. Безумная раздача имѣній и крестьянъ лицамъ, пользовавшимся особеннымъ расположеніемъ Павла, поглотила баснословныя суммы. Бородинъ посвятилъ этому безобразію статью въ „Историческомъ Вѣстникѣ“.

5) Розенцвейгъ въ журналѣ „Aus allen Zeiten und Landen“, S. a. a. O., стр. 3.

теперь, когда онъ сдѣлался императоромъ, съ готовностью исполняли роль палачей душевно-больного злодѣя, вѣроятно нерѣдко находя для себя выгоднымъ навлекать несчастія на другихъ. Такимъ образомъ отвѣтственность за совершенныя злодѣянія падаетъ не на одного Павла, но также и на нѣкоторыхъ его современниковъ и помощниковъ. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія. Злодѣянія Ивана IV въ XVI-омъ столѣтіи, который приказывалъ замучивать до смерти тысячи людей, представляютъ собою не только индивидуальныя преступленія одного лица, но и коллективныя злодѣянія элементовъ, окружавшихъ кровожаднаго тирана. То, что Иванъ IV такъ легко находилъ палачей, смягчаетъ его виновность въ глазахъ исторіи. Точно также рядъ ошибокъ и грубыхъ выходокъ правительства, послѣдовавшаго за Екатериной, въ значительной долѣ объясняются тѣмъ, что находилось много субъектовъ не менѣе ограниченныхъ, деспотичныхъ, грубыхъ, несдержанныхъ, а можетъ быть и не менѣе невмѣняемыхъ, чѣмъ самъ императоръ.

Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ вступленія Павла на престолъ, лица, сначала хвалившія императора, стали отзываться о немъ неодобрительно. Стедингкъ былъ совершенно ошеломленъ тѣмъ способомъ, какъ проводились полицейскія мѣры относительно одежды. Въ дипломатическихъ кругахъ производили тяжелое впечатлѣніе такія явленія какъ напр., приказаніе, полученное сардинскимъ посланникомъ въ 24 часа выѣхать изъ столицы за то, что онъ въ своихъ депешахъ употреблялъ смѣлыя выраженія объ императорѣ. Считалось еще счастіемъ, что Росси уѣхалъ совсѣмъ тихо, не прибѣгая къ вмѣшательству дипломатическаго корпуса въ это дѣло [1]). Безуміе, съ какимъ дарились разнымъ лицамъ большія дворцовыя имѣнія, должно было поражать разумныхъ людей [2]). Посланники, которые должны были быть посредниками сношеній другихъ государствъ съ Рос-

---

[1]) Депеша Стедингка отъ 13/24 декабря 1796 г., въ Стокгольмскомъ архивѣ.

[2]) Секретарь шведскаго посольства Іеннингсъ разсказываетъ анекдотъ о томъ, какъ въ числѣ другихъ эмигрантъ Шуазёль получилъ въ даръ 2.000 крестьянъ въ Литвѣ. См. депешу отъ 8/19 іюня 1797 г. въ Стокгольмскомъ архивѣ.

сіей, крайне изумлялись такимъ распоряженіямъ Павла, какъ напр., внезапное запрещеніе всѣмъ иностранцамъ въѣзда въ предѣлы Россіи; запрещеніе это проводилось такъ строго, что казалось, будто Павелъ хочетъ совершенно изолировать Россію [1]).

Въ высшихъ чиновныхъ сферахъ поражались тѣмъ, какъ необдуманно и по диллетантски Павелъ обыкновенно разрѣшалъ самые важные вопросы внѣшней политики, руководясь минутнымъ капризомъ или преходящимъ настроеніемъ. О томъ, какъ создавались такія рѣшенія, мы можемъ узнать изъ крайне странныхъ записокъ Ростопчина, которыя Павелъ снабдилъ на поляхъ въ высшей степени безвкусными замѣчаніями, свидѣтельствующими о его несдержанности и невѣжествѣ. Въ нихъ высказываются стремленія не менѣе смѣлыя, чѣмъ раздѣлъ Турціи, взятіе Константинополя и т. п [2]). Не даромъ лейбъ-медикъ Роджерсонъ сѣтовалъ на то, что государь понимаетъ только детали военной службы и не обнаруживаетъ никакого пониманія политическихъ вопросовъ и никакихъ интересовъ [3]). Кочубей не ожидалъ добра отъ порывистаго, слишкомъ торопливаго способа государя рѣшать важныя политическія дѣла, уничтожать существующія учрежденія, приводить въ исполненіе несозрѣвшія идеи и составлять съ помощью своихъ секретарей важные указы, не увѣдомивъ предварительно о своихъ намѣреніяхъ высшихъ государственныхъ учрежденій [4]). Кочубей писалъ графу Разумовскому въ Вѣну, что при дворѣ вошло въ обычай бранить высшихъ сановниковъ, какъ школьниковъ; быть прогнанными, потомъ опять принятыми и обласканными — дѣло самое обыкновенное. Трудно повѣрить, насколько измѣнились взгляды на подобныя вещи. Нельзя быть слишкомъ чувствительнымъ, въ этомъ случаѣ рискуешь сдѣлаться достойнымъ сожалѣнія и т. д. [5]).

---

[1]) См. депеши Стедингка отъ 25-го іюня (6 іюля) и отъ 2/13 іюля 1798. г.

[2]) См. „Памятники новой исторіи Россіи“, Кашпирева, СПБ. 1871, I, 102—111.

[3]) Архивъ князя Воронцова, XXX, 97.

[4]) Архивъ князя. Воронцова, XVIII, 131 и 142.

[5]) См. „Les Razoumowski,“ II, 1, 314. „Il s'est établi une manière de voir les choses si nouvelle, si extraordinaire, qu'il faut avoir passé quelque temps ici pour en avoir une idée juste“.

Высшіе сановники принуждены были съ невозмутимымъ спокойствіемъ выносить самыя страшныя униженія. Когда вицеканцлеръ графъ Панинъ, не испросивъ на то разрѣшенія императора, приказалъ изготовить паспортъ для курьера австрійскаго посланника, Павелъ послалъ къ графу своего адъютанта сказать ему, что онъ «не болѣе, не менѣе какъ дуракъ»; объ этомъ сообщаетъ Роджерсонъ, присовокупляя при этомъ для краснаго словца: «Такія вещи у насъ теперь словно хлѣбъ насущный» [1]). Въ мартѣ 1799 г. Стедингкъ писалъ королю Густаву IV: «Я никогда не кончилъ бы, если бы сталъ составлять списокъ лицъ, которые на моихъ глазахъ появлялись при дворѣ, блистали и исчезали. Министры, любимцы, генералы мѣняются постоянно, чуть ли не ежедневно» и т. д. [2]). Письма, открытаго на почтѣ и содержащаго выраженія, не понравившіяся государю, было достаточно, чтобы адресата, если это былъ иностранецъ, насильно выпроводить за границу. Это случилось напр., съ наслѣднымъ принцемъ Гессенъ-Рейнфельскимъ, такъ какъ отецъ его выразилъ нѣкоторое неудовольствіе по поводу пріема, оказаннаго его сыну [3]). Случаи удаленія отъ двора, изгнанія изъ столицы, ссылки за границу или въ Сибирь, стали такъ часты, что наконецъ перестали обращать на себя вниманіе [4]). Когда сукно для мундировъ различныхъ полковъ было взято не совсѣмъ одинаковаго цвѣта, такъ какъ невозможно было преодолѣть нѣкоторыхъ техническихъ затрудненій, то вице-директоръ коммиссаріатскаго департамента, Саблуковъ, указавшій на эти трудности, внезапно былъ изгнанъ изъ столицы. Хотя онъ въ это время былъ чуть не при смерти болѣнъ инфлюэнцой, однако его немедленно увезли изъ города въ каретѣ, значительно усиливая этимъ смертельную опасность его болѣзни [5]).

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XXX, 16.

[2]) Стокгольмскій архивъ.

[3]) Письмо Стедингка отъ 18/29 марта 1799 г. Стокгольмскій архивъ.

[4]) „Ces évènements sont devenus si fréquents qu'ils ne produisent que peu de sensation". Письмо Стедингка отъ 18 февраля (1 марта) 1800 г. въ Стокгольмскомъ архивѣ.

[5]) См: крайне интересный разсказъ сына Саблукова въ Fraser's Magazine a. a. O., стр. 238—239. Ни Паленъ, ни полицмейстеръ не смѣли сказать государю о болѣзни Саблукова. Впослѣдствіи Павелъ на этотъ разъ раскаялся въ своей опрометчивости.

Только потому, что самыя нелѣпыя мѣры не встрѣчали сопротивленія, а исполнялись съ слѣпымъ повиновеніемъ, — онѣ вообще были хотя бы временно возможны. Воронцовъ покачалъ головою, когда онъ, будучи русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, получилъ приказаніе не давать паспорта ни одному иностранцу, который пожелалъ бы отправиться въ Россію [1]). Бутурлинъ внѣ себя отъ ужаса объявилъ своему другу, что запрещенъ ввозъ какихъ бы то ни было книгъ изъ за границы [2]). Николаи, секретарь императрицы Маріи Ѳеодоровны, предсѣдатель Академіи Наукъ, замѣтилъ въ одномъ частномъ письмѣ, что ему пришлось бы «закрыть лавочку», если бы не было исключеній изъ этого цензурнаго распоряженія [3]).

Положеніе дѣлъ замѣтно ухудшалось. Отъ 1799 и 1800 г.г. мы имѣемъ особенно много сообщеній о насильственныхъ дѣйствіяхъ, грубыхъ приговорахъ, жестокихъ наказаніяхъ. Весьма часто издавались приказы о томъ, чтобы то или другое лицо въ теченіе сутокъ покинуло столицу. Такая судьба постигала и женщинъ. Отказъ одной молодой особы заключить бракъ по желанію императора повлекъ за собою изгнаніе всей ея семьи [4]). Княгиня Дашкова подробно разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, какъ вслѣдствіе каприза деспота ей пришлось прожить значительную часть его царствованія въ одномъ изъ своихъ наиболѣе бѣдныхъ имѣній. Коцебу очень занятно повѣствуетъ о томъ, какъ онъ, желая посѣтить родственниковъ своей жены въ Эстляндіи, на пути туда, въ Митавѣ, подвергся грубому нападенію, и какъ его затѣмъ потащили въ Сибирь. Причиной этого, какъ онъ узнавъ отъ Кутайсова послѣ своего «помилованія», было то, что Коцебу былъ писатель. Госпожа Загряжская, которая обошлась недостаточно учтиво съ матерью любовницы государя, княгиней Лопухиной, получила приказаніе выѣхать изъ Петербурга въ 24 часа. Наказаніе это, правда, было смягчено: ей позволено было прожить въ Петербургѣ еще нѣсколько мѣся-

---

1) Архивъ князя. Воронцова, X, 56.
2) Тамъ же, XXXII, 273.
3) Тамъ же, XXII, 105.
4) Тамъ же, XIX, 27—30. Письмо Чичагова.

цевъ, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла [1]). Изъ за ничтожныхъ дисциплинарныхъ провинностей у дворянъ отбирались имѣнія, и сами они ссылались на каторгу; однажды изъ Петербурга были высланы всѣ извощики за то, что у одного изъ нихъ во время парада найдено было два пистолета и кинжалъ. Господство терроризма и неувѣренность всѣхъ въ своихъ правахъ давали широкій просторъ произволу полицейскихъ и таможенныхъ чиновниковъ [2]).

Даже Ростопчинъ, ожидавшій добра отъ царствованія Павла, писалъ Воронцову въ мартѣ 1800 г.: «Вы должны разъ навсегда имѣть въ виду, что государь ни съ кѣмъ не говоритъ ни о себѣ, ни о дѣлахъ; онъ терпѣть не можетъ, когда съ нимъ разговариваютъ; онъ приказываетъ и требуетъ безпрекословнаго исполненія своихъ приказаній. Врядъ ли онъ въ состояніи скрыть отъ себя, какъ онъ далекъ отъ того, чтобы быть любимымъ. Вы называете меня министромъ; я же не болѣе, какъ секретарь» [3]). Если даже съ такими людьми, какъ Ростопчинъ, Гудовичъ, Николаи и др., пользовавшимися довѣріемъ Павла и близко стоявшими ко двору, государь начиналъ внезапно, безъ всякаго повода обходиться подозрительно и холодно, причемъ имъ грозила опасность впасть въ немилость или быть изгнанными, то понятно, почему русскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Воронцовъ, рѣшительно отказался пріѣхать въ Россію, когда Павелъ предложилъ ему занять мѣсто канцлера [4]), и что другіе, какъ напр., Аркадій Морковъ и Александръ Воронцовъ, считали себя счастливыми, живя вдали отъ столицы, въ тиши частной жизни, и не рискуя подвергнуться произволу центральной власти [5]).

Для такихъ людей, какъ Панинъ, который былъ человѣкомъ съ высокимъ образованіемъ и тонкими чувствами,

---

1) „Les Razoumowski“, III, 119—120.

2) Письмо Бутурлина въ архивѣ князя Воронцова, XXXII, 255—278.

3) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 276.

4) См. сильныя выраженія Симона Воронцова въ его письмахъ къ Панину въ „Матеріалахъ къ біографіи графа Н. П. Нанина“, IV, стр. 299—304.

5) Архивъ князя Воронцова, XIV, 266.

который привыкъ къ обычаямъ западно-европейской дипломатіи, было въ высшей степени тяжело исполнять приказанія Павла, отданныя подъ вліяніемъ дурного настроенія и несдержанной горячности, напр., когда онъ потребовалъ удаленія изъ Петербурга англійскаго посла Уитворта, только потому, что англійскій дипломатъ Гайльсъ въ Стокгольмѣ не сдѣлалъ прощальнаго визита русскому посланнику Будбергу [1]), или когда на всѣ суда, стоявшія въ русскихъ гаваняхъ, приказано было наложить *Embargo* и арестовать ихъ экипажи, и т. п. Доведенный до отчаянія, Панинъ писалъ Воронцову въ іюнѣ 1800 г.: «Дурное настроеніе и меланхолія нашего государя дѣлаютъ самые быстрые успѣхи; все какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, такъ и внѣшней политики, рѣшается подъ вліяніемъ минутнаго расположенія духа или неудовольствія [2]). Панинъ жалуется, что ему ежедневно приходится быть свидѣтелемъ новыхъ насильственныхъ дѣйствій и терпѣть, чтобы за его, вице-канцлера, спиною, писались въ Вѣну громовыя посланія. «Я погибаю отъ горя», пишетъ Панинъ Крюденеру: «да и вы также дорогой баронъ, слишкомъ хорошій русскій подданный, чтобы не чувствовать, что мы оба носимся безъ компаса по бурному морю» и т. д. [3]). Всѣ старанія Панина внести что-либо похожее на планъ или систему во внѣшнюю политику Россіи, разбивались о случайность и непослѣдовательность дѣйствій Павла [4]). Адамъ Чарторыскій вполнѣ вѣрно замѣчаетъ, что вице-канцлеръ и коллегія иностранныхъ дѣлъ не имѣютъ никагого значенія по сравненію съ вліяніемъ приближенныхъ къ государю адъютантовъ, что минутные припадки ярости и неожиданные скачки мыслей Павла мѣшаютъ всякой правильной функціи правительственной машины [5]). Ростопчинъ, который при Павлѣ принималъ дѣятельное участіе въ руководствѣ иностранными дѣлами, писалъ тотчасъ послѣ катастрофы: «Что касается моей политической системы, то таковой у меня не могло быть, такъ какъ государь же-

---

[1]) См. „Матеріалы для жизнеописанія Панина“, V, 160.
[2]) См. „Матеріалы для жизнеописанія Панина“, V, 170.
[3]) Тамъ же, 190—191.
[4]) Записки Панина въ „Матеріалахъ“, V, 582.
[5]) Mémoires du prince Adam Czartoryski, Paris, 1887, I, 312.

лалъ все дѣлать самъ, не терпѣлъ ни малѣйшаго отлагательства въ исполненіи своихъ приказаній и не выносилъ ни малѣйшаго противорѣчія» [1]). Панинъ жаловался въ письмѣ къ Крюденеру: «Мы здѣсь точно рабы на галерахъ. Я стараюсь держаться противъ теченія, но силы мнѣ измѣняютъ, и стремительный потокъ вѣроятно скоро унесетъ меня въ какую нибудь отдаленную деревню» [2]), чтó дѣйствительно не преминуло случиться. «Счастливъ тотъ», говоритъ Панинъ далѣе, «кто подобно вамъ живетъ въ 2000 верстъ отсюда. Каждый день намъ преподносится новое запрещеніе. Оно касается то шляпъ, то брюкъ; не знаешь больше, что и надѣть» [3]). Роджерсонъ въ своихъ письмахъ къ Воронцову приводитъ множество примѣровъ, какъ высшіе сановники государства принуждены были выслушивать отъ Павла самую грубую брань; Безбородко, по словамъ Роджерсона, не могъ пережить такихъ оскорбленій; съ Ростопчинымъ государь часто обращался подобнымъ же образомъ; Суворовъ, уже смертельно больной, долженъ былъ выслушивать самыя рѣзкія вещи; публика сдѣлалась совершенно равнодушной къ милости или немилости императора. Въ томъ же духѣ высказывались Орловъ, Чичаговъ и др. [4]). Ко всему этому присоединялась грубость полицейской системы, процвѣтаніе доносовъ, нарушеніе тайны переписки. Разумовскій писалъ своей женѣ въ Вѣну изъ Батурина, мѣста своего изгнанія (въ Малороссіи), въ январѣ 1800 г., посылая письмо съ особенно надежной оказіей: «Будь такъ осторожна, какъ только можешь. Отъ шпіоновъ ничто не можетъ укрыться; чиновники относятся съ недовѣріемъ другъ къ другу. Начальники каждую минуту могутъ ожидать, что ихъ подчиненные имъ измѣнятъ; все вращается въ заколдованномъ кругу терроризма, инквизиціи и истязаній пытками [5]).

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 287.

[2]) См. „Матеріалы для жизнеописанія Панина“, V, 282 и 424.

[3]) „On ne sait plus que faire de sa figure et de son temps.“

[4]) Архивъ кн. Воронцова, XIX, 27; XXVII, 27; XXX, 114–121.

[5]) „Les Razoumowski“, II, 1, 389. Въ другой разъ графъ писалъ химическими чернилами; сначала онъ уже отправилъ точныя инструкціи, какъ графинѣ слѣдуетъ поступить, чтобы прочесть письмо, и умолялъ ее обойтись при этомъ безъ посторонней помощи. Тамъ же, стр. 400.

По истинѣ, это было страшное царствованіе. Письменныя сношенія между друзьями были связаны съ такими опасностями, что напр., графъ А. Р. Воронцовъ, боясь «перлюстраціи», прекратилъ переписку съ Николаи [1]). Безчисленное множество писемъ изъ той эпохи заканчиваются просьбой сжечь письмо тотчасъ послѣ его полученія.

За годъ до катастрофы съ Павломъ, Роджерсонъ писалъ: «Всѣ окружающіе государя сбиты съ толку. Говоря между нами: всѣ надѣются на великаго князя». Тутъ Роджерсонъ употребляетъ непереводимое выраженіе: «Tous veulent se repatrier vers le grand duc.» [2]). Смыслъ этихъ словъ тотъ, что всѣ надѣялись вновь пріобрѣсти тяжело пострадавшее отечество посредствомъ перемѣны царствованія. Приходилось думать о средствахъ спасенія.

2. Военные

Паленъ и Панинъ, въ союзѣ съ великимъ княземъ Александромъ, замышляли произвести переворотъ законнымъ путемъ, посредствомъ установленія регентства. Выполненіе ихъ плана не совпало съ первоначальнымъ проектомъ. Произошло возмущеніе военныхъ. Извѣстное число офицеровъ рѣшилось сыграть роль палачей. Это въ достаточной степени объясняется образомъ дѣйствій Павла относительно военныхъ. Злополучное воцареніе Павла въ 1796 г. болѣе непосредственно и болѣе чувствительно отозвалось на офицерскихъ кругахъ, чѣмъ на другихъ группахъ населенія. Тѣмъ охотнѣе военные сдѣлались орудіемъ для устраненія деспота.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины замѣчалось ослабленіе военной дисциплины. Ланжеронъ, который, какъ военный, могъ самъ судить объ этомъ и посвятилъ этому предмету обстоятельное сочиненіе [3]), склоненъ объяснять эти непорядки вліяніемъ Потемкина, долгое время занимавшаго положеніе своего рода военнаго министра. Но если даже мѣры знаменитаго любимца импера-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XXII, 107.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XXX, 122.

[3]) Рукопись отъ 1796 г. съ прибавленіями, сдѣланными 1824 г., находится въ Парижскомъ архивѣ.

трицы, исходившія отчасти изъ гуманныхъ побужденій, оказывали вредное вліяніе на армію, то реформы, введенныя Потемкинымъ и касавшіяся обмундированія и вооруженія войска были всѣми признаны цѣлесообразными. Офицеры и особенно солдаты радовались избавленію отъ ношенія косъ и гамашъ на прусскій образецъ.

Но Павелъ какъ разъ признавалъ принципы, преобладавшіе въ прусской арміи. Въ 1793 г. Ростопчинъ, въ негодованіи на экстравагантности гатчинской игры въ солдаты, писалъ: „У великаго князя 1600 солдатъ и 3 эскадрона кавалеріи, что не мѣшаетъ ему воображать себя покойнымъ прусскимъ королемъ»[1]). Солдаты подвергались самыми жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ; каждая, даже самая ничтожная ошибка офицеровъ строго наказывалась. Всѣ парады и маневры въ Гатчинѣ были неразлучны съ экзекуціями. Съ момента вступленія Павла на престолъ эти правила должны были распространиться на всю страну. «Гатчинцы», т. е. офицеры, лучше всѣхъ умѣвшіе расправляться палкой, большею частью люди темнаго происхожденія, пользовавшіеся довѣріемъ Павла, должны были теперь служить образцомъ для всей арміи. Павелъ цѣнилъ такихъ злодѣевъ, какъ Линденеръ и Аракчеевъ, не несмотря на ихъ грубость, а именно за ихъ грубость. У такихъ людей теперь всѣ должны были учиться[2]).

Уже одно введеніе вновь только что отмѣненныхъ мундировъ, косъ и пудры, должно было возбудить крайнее неудоволствіе въ военныхъ кругахъ. Ланжеронъ, самъ переживщій эту метаморфозу, пишетъ: «Павелъ привелъ этимъ въ отчаяніе всю армію, и Александръ I тотчасъ же вернулся къ костюму, принятому въ послѣдніе годы царствованія Екатерины. Павелъ же отмѣнилъ этотъ костюмъ и обратилъ военныхъ въ смѣшныя каррикатуры»[3]). Тургеневъ разсказываетъ, какъ въ первые же дни царствованія Павла онъ долженъ былъ подвергнуться мучительной и комичной процедурѣ склеиванья волосъ, и какъ его обратили въ «огородное чучело», напяливъ на него гатчинскій мундиръ.

---

1) Архивъ князя Воронцова, VIII, 76.

2) Тутъ мы видимъ точное повтореніе тѣхъ же явленій, какія происходили во время краткаго царствованія Петра III.

3) Парижскій архивъ.

Какую роль вообще играли «гатчинцы» въ царствованіе Павла, мы узнаемъ между прочимъ изъ записокъ Тургенева, изъ записокъ Ланжерона, изъ разсказовъ Саблукова и ихъ другихъ источниковъ того времени. Тургеневъ разражается крикомъ негодованія на революціонный характеръ этого капральскаго режима. Онъ пишетъ: «Въ нѣсколько часовъ весь государственный и правовой порядокъ былъ перевернутъ вверхъ дномъ; всѣ пружины государственной машины были поломаны и сдвинуты съ мѣстъ; все перепуталось: что̀ было внизу, оказалось наверху, и такъ и оставалось въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ. Высшія назначенія получали люди еле-грамотные, совершенно необразованные, никогда не имѣвшіе случая видѣть что-нибудь, способствующее общему благу; они знали только Гатчину и тамошнія казармы; они ничего не дѣлали, кромѣ военныхъ упражненій, ничего не слышали, кромѣ барабаннаго боя и сигнальныхъ свистковъ. Лакею генерала Апраксина, Клейнмихелю, поручено было обучать военному искусству фельдмаршаловъ. Шесть или семь фельдмаршаловъ, находившихся въ то время въ Петербургѣ, сидѣли за столомъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго лакея, который на ломанномъ русскомъ языкѣ обучалъ такъ называемой «тактикѣ» полководцевъ, посѣдѣвшихъ въ походахъ! Вся премудрость Клейнмихеля состояла въ знаніи фронтовой службы, въ умѣніи стоять на часахъ, въ знакомствѣ съ разными внѣшними пріемами и въ подобнаго рода мелочахъ» [1]).

Ланжеронъ также самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ это напираніе на внѣшнюю сторону военной службы, эти «pirouettes d'esplanade», эту гарнизонную службу совершенно ненужную въ серьезныхъ случаяхъ, это засѣканіе до смерти безчисленнаго множества солдатъ за ничтожные проступки. Типичнымъ «гатчинцемъ» былъ Аракчеевъ, о которомъ Ланжеронъ сообщаетъ слѣдующій фактъ. Когда, однажды, на парадѣ въ 1797 г. Павелъ остался недоволенъ полкомъ, находившимся подъ командой Аракчеева, то этотъ послѣдній приказалъ такъ жестоко высѣчь трехъ примѣрныхъ солдатъ этого полка, что они умерли тотчасъ

---

1) Vom Fels zum Meer a. a. O., стр. 450.

по доставленіи ихъ въ больницу. Адъютантъ великаго князя Александра, Дятлевъ, нарочно повелъ наслѣдника въ лазаретъ, гдѣ находились жертвы этой варварской и безсмысленной системы, надѣясь, что Александръ откроетъ своему отцу глаза на преступленіе Аракчеева, но Александръ вздохнулъ и . . . промолчалъ [1]).

Въ томъ, что на всякія мелочи военной службы обращалось такъ много вниманія, и что придавалось такое значеніе внѣшней сторонѣ военнаго дѣла, сказалась невѣроятная узость горизонта Павла. До вступленія на престолъ занятія Павла состояли главнымъ образомъ въ разводахъ и маневрахъ, устраиваемыхъ въ Гатчинѣ. Игра въ солдаты превратилась у него въ страсть. Все его вниманіе поглощалось мелкими особенностями казармы. Эту сторону жизни государя Тургеневъ изобразилъ въ своихъ мемуарахъ тѣмъ ярче, что самъ онъ, будучи въ то время молодымъ офицеромъ, весьма часто приходилъ въ соприкосновеніе съ императоромъ и имѣлъ возможность наблюдать односторонность и извращенность интереса Павла къ военному дѣлу. Кирассирскій полкъ, въ которомъ служилъ Тургеневъ, подвергался особенно яростнымъ нападкамъ Павла. Когда однажды командиръ полка, генералъ князь Волконскій, и его адъютантъ Тургеневъ въ торжественномъ случаѣ появились въ мундирѣ, не вполнѣ соотвѣтствовавшемъ предписанію, то Павелъ приказалъ дежурному камергеру вывести «обоихъ дураковъ» [2]). Нѣкоторые офицеры этого полка были раскассированы самымъ произвольнымъ, несправедливымъ образомъ, при чемъ у этихъ несчастныхъ отобраны были ихъ ордена, и они были даже «выгнаны» изъ столицы. Всѣ офицеры полка были крайне обижены во время коронаціи тѣмъ, что имъ было запрещено участвовать въ процессіяхъ и т. п. Вѣроятно по этой причинѣ всѣ 231 офицера полка были заперты въ одну изъ башенъ Кремля на два часа — на то время, пока длилось торжество. Каждый парадъ, на которомъ присутствовалъ государь, неизбѣжно оканчивался арестомъ и наказаніемъ офицеровъ именно этого полка.

---

1) Парижскій архивъ.
2) Онъ закричалъ: „Дураковъ вонъ“.

Наконецъ загадка особенной ненависти государя именно къ этой части арміи разрѣшилась слѣдующимъ образомъ. Послушаемъ, что говоритъ Тургеневъ:

Однажды всѣ дежурные штабъ-офицеры и адъютанты получили приказаніе собраться передъ кабинетомъ государя. Когда это было исполнено, Павелъ вышелъ и закричалъ громкимъ, сиповатымъ голосомъ: «Екатеринославскаго адъютанта сюда!» Я выступилъ впередъ и остановился передъ императоромъ. Онъ близко подошелъ ко мнѣ и началъ меня щипать; направо отъ меня стоялъ, весь блѣдный, великій князь Александръ, налѣво—Аракчеевъ. Щипки повторились нѣсколько разъ: отъ боли у меня брызгали изъ глазъ слезы. Глаза Павла Петровича метали искры. Наконецъ онъ сказалъ: «Скажите въ полку, а тамъ скажутъ далѣе, что я изъ васъ Потемкинскій духъ вышибу, я васъ туда зашлю, куда воронъ костей вашихъ не занесетъ». Продолжая щипать меня, его величество пять-шесть разъ повторилъ эти слова, послѣ чего велѣлъ мнѣ идти. И все это только потому, что екатеринославскій полкъ прежде носилъ названіе Потемкинскаго!

Пристрастіе императора къ парадамъ и маневрамъ, а также къ самымъ безцѣльнымъ перемѣщеніямъ войскъ и т. п., обходились очень дорого, какъ самимъ военнымъ, такъ и всей странѣ. Нелѣпыя предписанія иногда вызывали пагубную смуту. Такъ, напр., однажды было предписано, что такъ называемый сибирскій драгунскій полкъ, только что вернувшійся изъ персидскаго похода и находившійся въ Дербентѣ, на Кавказѣ, долженъ стоять въ Тобольскѣ. Переходъ туда (около 4,000 верстъ) продолжался два года; за это время погибли всѣ лошади, и солдаты страдали невыразимо. Маневры этой эпохи, поглотившіе безчисленное множество человѣческихъ жертвъ, изображаются Тургеневымъ, какъ безцѣльныя забавы, «скудны въ стратегіи, жалки въ тактикѣ и никуда годны въ практикѣ».

Такое безразсудство въ отношеніи къ военному дѣлу не можетъ быть объяснено исключительно душевнымъ разстройствомъ Павла. Для этого необходимо было сотрудничество «гатчинцевъ», которыхъ графъ Панинъ называетъ

отбросами человѣчества и выскочками самаго низкаго сорта[1]). Шведскій посланникъ Стедингкъ, сначала хвалившій болѣе строгій военный режимъ при Павлѣ, изобразилъ деморализующее вліяніе грубаго обращенія съ военными въ письмѣ къ королю Густаву IV: «Павелъ обыкновенно прогоняетъ офицеровъ такъ, какъ будто имѣетъ дѣло съ лакеями. Благодаря этому послѣдніе остатки *esprit de corps* (уваженія къ мундиру) теряются у этого сословія. Кто имѣетъ еще хоть какое нибудь чувство чести, тотъ будетъ избѣгать двора и арміи. Всякое слишкомъ сильное напряженіе, какое мы переживаемъ въ настоящее время, должно окончиться разслабленіемъ; несчастный преемникъ Павла почувствуетъ это»[2]). Можно себѣ представить, каково должно быть военнымъ, которымъ кромѣ унизительнаго обращенія, приходится еще выносить проклятіе быть смѣшными. Саблуковъ подробно описываетъ, сколько насмѣшекъ вызывали прусскіе мундиры и ребяческая дрессировка. Еще до вступленія Павла на престолъ надъ гатчинскими затѣями много смѣялись, и Саблуковъ, побывавшій въ 1795—1796 гг. за границей, къ общему удовольствію своихъ товарищей, передразнивалъ прусскіе военные обычаи. И вдругъ всѣ должны были надѣть на себя нецѣлесообразные и безвкусные мундиры и выслушивать приказанія, отдаваемыя «гатчинцами». Этихъ послѣднихъ поднимали на смѣхъ, рискуя, что объ этихъ насмѣшкахъ будетъ донесено государю. Весь имѣвшійся у офицеровъ при Екатеринѣ *point d'honneur* былъ поставленъ на карту. Наказанія сдѣлались столь часты, что перестали оказывать дѣйствіе. Всѣ полицейскіе участки и гауптвахты были переполнены арестантами. Не удивительно, что множество офицеровъ вышло въ отставку, оставивъ всякую службу или перейдя на гражданскую службу. Тѣ-же, ко-

---

[1]) По случаю одного столкновенія съ Ростопчинымъ въ 1814 г. Н. П. Панинъ говоритъ: „Le fatal jour du 6 Novembre 1796 vint plonger dans le deuil et dans la consternation tous les hommes de bien et fit tout à coup paraître autour du trône cet essaim de parvenus désignés sous le sobriquet de *Gatchinois*". Ростопчинъ взялся исполнять „Le métier de bourreau" и т. д. „Матеріалы къ біографіи Панина", VII, стр. 180—181.

[2]) Стокгольмскій архивъ.

торые продолжали военную службу, постоянно находились въ величайшей опасности, а родственники офицеровъ испытывали крайнее безпокойство. Все государство казалось точно заколдованнымъ [1]). Саблуковъ впрочемъ замѣчаетъ, что Павелъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгалъ къ «дѣйствіямъ» противъ офицеровъ; по словамъ Саблукова, было лишь три такихъ случая, и за эту грубость несчастному монарху пришлось страшно поплатиться въ его смертный часъ. Саблуковъ говоритъ, что никогда не слышалъ ругательствъ изъ устъ Павла, что однако не совпадаетъ со словами другихъ современниковъ, Тургенева, Роджерсона и пр. [2]).

Очень характерно для опасности, которой подвергались офицеры, замѣчаніе Саблукова, что на парады они всегда брали съ собою по нѣскольку сотъ рублей, чтобы въ случаѣ внезапнаго изгнанія не оказаться безъ денегъ; самому Саблукову пришлось три раза помогать товарищамъ, не принявшимъ этой предосторожности [3]). Вѣдь долженъ же былъ цѣлый кавалерійскій полкъ, не услышавшій или не понявшій команды императора, прямо съ мѣста парада скакать въ чемъ былъ въ Сибирь, хотя впослѣдствіи за нимъ и было послано въ догонку помилованіе.

Насколько все зависѣло отъ минутной прихоти Павла, показываетъ слѣдующій случай. Однажды, на маневрахъ подъ Москвой, государь выразилъ большую похвалу войскамъ; все обошлось согласно съ его желаніями; онъ не замѣтилъ ни малѣйшаго промаха. Но по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ, проѣхавъ 172 версты, Павелъ вдругъ подъ вліяніемъ минутнаго настроенія, рѣшилъ удалить со службы 32-хъ штабныхъ и высшихъ офицеровъ въ наказаніе за то, что они во время маневровъ заболѣли и въ послѣдніе два дня

---

[1]) Саблуковъ въ Fraser's Magazine a. a. O., 226, 237. „This system kept the families to which officers belonged in a state of perpetual fear and anxiety, and one may almost say that St. Petersburg, Moscow and indeed all Russia were in a state of constant mourning".

[2]) Fraser's Magazine a. a. O., 306, 310. Очень цѣнны свѣдѣнія, сообщаемыя Саблуковымъ о томъ, какъ дурно обходился великій князь Константинъ съ полкомъ, въ которомъ служилъ Саблуковъ.

[3]). „This kind of treatment made officers very nervous and uncomfortable".

не могли въ нихъ участвовать. «Какъ назвать такой образъ дѣйствія?» спрашиваетъ Тургеневъ, у котораго мы заимствуемъ этотъ разсказъ. Мы отвѣтимъ вопросомъ же: былъ ли деспотъ вмѣняемъ?

Какъ далѣе показываетъ Тургеневъ, для военныхъ особенно велика была опасность ссылки въ Сибирь или исчезновенія на всю жизнь въ темницѣ. Ничтожнѣйшая оплошность при военныхъ упражненіяхъ легко могла повлечь за собою самыя ужасныя послѣдствія. По словамъ Тургенева, каждое утро всѣ, начиная отъ генерала и кончая прапорщикомъ, отправлялись на разводъ словно на эшафотъ. Никто не зналъ, какая судьба его тамъ постигнетъ. Тургеневъ насчитываетъ до 12,000 жертвъ такой строгости среди офицеровъ и чиновниковъ, сосланныхъ въ Сибирь и возвращенныхъ тотчасъ послѣ вступленія на престолъ Александра. Тургеневъ прибавляетъ: такимъ образомъ ежегодно число жертвъ доходило до 3.000, ежемѣсячно до 250, ежедневно до 8. Въ одной Петропавловской крѣпости томилось 900 узниковъ, которымъ устраненіе Павла и воцареніе Александра принесло освобожденіе. Не даромъ скупой вообще на слова начальникъ Тургенева, фельдмаршалъ Салтыковъ, сказалъ однажды въ разговорѣ съ авторомъ мемуаровъ: «Эта кутерьма долго существовать не можетъ». За нѣсколько недѣль до катастрофы фельдмаршалъ получилъ собственноручный рескриптъ государя такого содержанія: «Господинъ фельдмаршалъ; дѣлаю вамъ послѣдній выговоръ». Коротко и ясно. Знаменательно было обозначеніе выговора «послѣднимъ» [1]).

Такія обстоятельства привели къ тому, что военные оказались склонными принять участіе въ произведеніи переворота; они взяли на себя главныя роли въ трагедіи, постигшей Павла.

3. Императорская семья

Для предстоящаго переворота нужно было согласіе или содѣйствіе какого нибудь одного члена императорскаго семейства. Прежде всѣхъ въ соображеніе могли быть приняты

[1]) См. Vom Fels zum Meer. a. a. O, стр. 456.

только супруга Павла, Марія Θеодоровна, и великій князь Александръ. Поводомъ для заговора противъ императора послужило то обстоятельство, что къ концу царствованія Павла оба великіе князья, Александръ и Константинъ [1]), находились въ величайшей опасности. То обстоятельство, что Петръ III собирался оттолкнуть мать Павла, дало поводъ къ низложенію императора въ 1762 г.; тогда дѣло шло не только о спасеніи ближайшихъ къ государю лицъ. Совершенно такъ же обстояло дѣло и въ послѣднее время царствованія Павла.

Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ томъ, что бракъ Павла съ Вюртембергской принцессой, получившей послѣ принятія ею православія имя Маріи Θеодоровны, болѣе десяти лѣтъ былъ сравнительно счастливымъ. Затѣмъ положеніе измѣнилось вслѣдствіе увлеченія Павла Нелидовой. Если даже отношеніе Павла къ Нелидовой было, какъ многіе утверждаютъ, платоническимъ, то все таки особенное вниманіе, оказываемое ей, заключало въ себѣ пренебреженіе къ супругѣ Павла. Всѣ лица, непосредственно окружавшія великаго князя Павла, преклонялись передъ Нелидовой. Такъ какъ камеръ-юнкеръ графъ Н. П. Панинъ не захотѣлъ подчиниться лозунгу «respect pour la Nélidow., mépris pour la grande duchesse» (почтеніе къ Нелидовой, презрѣніе къ великой княгинѣ), то впалъ въ немилость, и въ августѣ 1791 г. имѣлъ съ Павломъ разговоръ, во время котораго великій князь сказалъ: «Путь, которымъ вы идете, приведетъ васъ къ двери или къ окну»; на это Панинъ возразилъ, что ни въ какомъ случаѣ не сойдетъ съ пути чести, и вышелъ, не дожидаясь знака, означающагося у государей «Allez vous-en» (убирайтесь) [2]). Придворному садовнику въ Царскомъ

[1]) Николай родился лишь въ 1796 г., Михаилъ былъ еще моложе.

[2]) См. въ высшей степени интересный разсказъ Панина въ его письмѣ къ Воронцову, содержащемъ автобіографію, въ „Матеріалахъ для жизнеописанія Панина“, I, стр. 106. Тамъ о событіяхъ 1791 г. говорится между прочимъ слѣдующее: „La Nelidow, régnait déjà; la grande-duchesse, aujoud' hui impératrice, était abandonnée, maltraitée, méprisée par tous ceux qui voulaient faire la cour. Je ne suivais pas cet exemple. Ma conduite devait déplaire. Le grand-duc employa d'abord les caresses, ensuite la froideur, puis les menaces pour me mettre dans le nombre des adorateurs de son idole“ и т. д.

Селѣ Павелъ грозилъ палкою только за то, что онъ доставилъ великой княгинѣ фрукты [1]). Ростопчинъ писалъ въ 1793 г.: «Великая княгиня безсильна, она покорилась своей судьбѣ, безмолвно страдаетъ и живетъ для своихъ дѣтей» [2]). Павелъ удалилъ отъ двора библіотекаря и чтеца Лафермьера потому, что Марія Θеодоровна любила его общество [3]).

Послѣ вступленія Павла на престолъ, отношенія измѣнились къ худшему. Во время коронаціи, когда дворъ пребывалъ въ Москвѣ, Павелъ влюбился въ дочь оберъ-прокурора Лопухина. Если императоръ уже раньше преслѣдовалъ и ссылалъ людей, преданныхъ его супругѣ, то теперь подобныя мѣры приняли еще худшій характеръ; Лопухина же, разумѣется противъ желанія императрицы, была назначена фрейлиной. Благодаря этому, вліяніе Маріи Θеодоровны все уменьшалось, и шведскій посланникъ Стедингкъ былъ склоненъ приписывать этому обстоятельству возраставшую неурядицу во всѣхъ дѣлахъ [4]).

---

[1]). См. письмо Ростопчина къ Воронцову отъ 1793 г. въ Архивѣ кн. Воронцова, XXIV, 257.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 67.

[3]) Тамъ же, XV, 83.

[4]) Такъ, напр., Стедингкъ писалъ 20/31 августа 1798: „La disgrace qui avait frappé plusieurs individus de la cour et en place, la plupart attachés à l'impératrice ou protégés par elle, se manifeste encore fréquemment par le renvoi et le déplacement de personnes, que l'on croyait les plus avancées dans la faveur du souverain. L'impératrice en doit être fort malheureuse, d'autant plus que la cause en est attribuée assez généralement à la jalousie de cette princesse d'une jeune mademoiselle, fille du procureur, à laquelle l'empereur a temoigné des préférences et qui a reçu le chiffre malgré ce que l'impératrice a pu faire au contraire“. И далѣе въ другой депешѣ отъ 1/12 октября 1798 г.: „Tant que l'impératrice avait quelque crédit sur l'esprit de l'empereur et quelque influence dans les affaires, elle s'occupait à éloigner les dangers de sa famille et de l'état. Les ministres et employés choisis parmi ses amis ou ses protégés partageaient ces sentiments, et l'intérêt de leur repos et leur fortune incompatibles avec la dépense et les embarras qu'entraînent les grandes affaires était la règle de leur conduite; mais ces temps sont passés; chaque jour voit éclore une nouvelle disgrâce, qui tombe sur quelques personnes, connues par leur attachement à l'impératrice ou placées par son crédit. L'esprit de l'empereur esta igri contre elle et contre tout ce qui lui appartient en quelque manière. Dans cette disgrâce sont compris les amis communs de l'empereur et de l'impératrice; mademoiselle Nélidow, les Buxhöwden, les Kurakin, Nic. Roumjantzew,

Стедингкъ въ письмѣ къ шведскому королю говоритъ, что отношенія Павла къ Лопухиной, которыя онъ считалъ только платоническими [1]), не будутъ продолжителны, и что Павелъ опять вернетъ свое расположеніе императрицѣ. Другіе современники также представляли это отношеніе какъ сравнительно невинное [2]); но изъ достовѣрнаго источника мы знаемъ, что Лопухина, выйдя замужъ за князя Гагарина [3]), покинула своего мужа, чтобы всецѣло принад-

---

e prince Repnin et bien d'autres sont exilés ou éloignés de la cour. De nouveaux acteurs ont amené un changement de scène, et le bon accord étant rompu dans le ministerè (?) l'empereur cherche des distractions et devient plus susceptible à des influences étrangères. Le résultat de ce changement n'est pas aisé à prévoir; mais les sentiments de vertu et de religion étant profondément gravés dans le coeur de l'empereur et de sa famille on peut espérer un retour, qui tirera de l'état d'anxiété ou tant de disgrâces imprévues et l'inquiétude que chacun a pour son propre sort, ont plongé tout le monde". Стокгольмскій архивъ.

[1]) Письмо Стедингка отъ 18/29 марта 1799: „On dit qu'il n'y a rien de sensuel dans cette liaison, et je serais tenté de le croire, puisqu'il est très religieux et qu'il vit toujours avec l'imperatrice". По словамъ Стедингка, Кутайсовъ сильно содѣйствовалъ этой любовной исторіи, о которой шведскій посланникъ далѣе разсказываетъ слѣдующее: „L'impératrice en a été fort affligée dans les commencements et a fait des efforts inutiles pour s'y opposer. Elle a fini par s'y accoutumer, et présentement elle caresse beaucoup sa rivale, ce qui lui attire de grandes attentions de son époux. Si elle avait tenu cette conduite plus tôt, ses amis seraient encore en place".

[2]) См. статью Андріанова о княгинѣ Гагариной, рожденной Лопухиной, въ Историческомъ Вѣстникѣ (январь, 1895, стр. 182); это цѣлый рядъ разсказовъ, въ которыхъ между прочимъ изображается сильное вліяніе Гагариной на личную судьбу высокихъ сановниковъ.

[3]) Стедингкъ замѣчаетъ въ своемъ письмѣ отъ 18 февраля (1 марта) 1800 г., гдѣ идетъ рѣчь о бракѣ Лопухиной, что эта свадьба доказываетъ, „que le goût de l'empereur pour la princesse a été aussi pur qu'irréprochable." При этомъ шведскій дипломатъ разсказываетъ о щедрости государя по этому случаю: молодая женщина получила 100,000 рублей чистыми деньгами, великолѣпно устроенный домъ, который оцѣнивался въ 300,000 рублей; отецъ Лопухиной получилъ 100,000 рублей. Кромѣ того, ей было дано огромное количество бриллiантовъ, серебра и т. д. Далѣе, отецъ Лопухиной получилъ 7000 крестьянъ съ тѣмъ условіемъ, что половину отдастъ дочери и т. д. Въ день свадьбы императрица Марія Ѳеодоровна причесала невѣсту, какъ того требовалъ обычай относительно фрейлинъ, выходящихъ замужъ. Стокгольмскій архивъ.

лежать государю [1]). Она имѣла значительное вліяніе, которымъ впрочемъ нерѣдко пользовалась для смягченія участи несчастныхъ изгнанниковъ [2]).

Не удивительно, что Павелъ охладѣлъ къ своей супругѣ. Но и нѣсколько раньше въ семейной жизни императорской фамиліи наступилъ полный разладъ. Въ 1798 г. императрица въ теченіе недолгаго времени повидимому имѣла еще извѣстное вліяніе; но, какъ полагали, ей не хватило ловкости и такта, чтобы удержать его за собою [3]). Письмо Ростопчина къ Воронцову отъ 2 ноября 1798 г. даетъ возможность глубоко заглянуть въ эти печальныя отношенія: «Хотя государь истратилъ милліоны на благодѣянія, но все таки не имѣетъ вѣрныхъ слугъ. Его ненавидятъ; собственныя дѣти его терпѣть не могутъ; великій князь Александръ относится съ ненавистью къ своему отцу; великій князь Константинъ боится его. Его дочери, какъ и всѣ, находящіеся подъ вліяніемъ матери, питаютъ къ отцу антипатію. Всѣ улыбаются ему, а между тѣмъ ничего не желаютъ такъ сильно, какъ видѣть его обратившимся въ прахъ. Какой однако ужасный характеръ у императрицы! [4]) Прежде

---

[1]) Саблуковъ, а. а. О., 308, разсказываетъ, какъ завязалось интимное отношеніе между ними; онъ говоритъ, что Кутайсовъ и отецъ Лопухиной довели до этого дѣло, и что этому способствовалъ также Гагаринъ. Павелъ купилъ три дома, велѣлъ ихъ соединить и устроить для своей „maîtresse en titre“. Рядомъ съ нею жилъ Кутайсовъ съ актрисой Шевалье. Саблуковъ разсказываетъ: „I have frequenly seen the Emperor leave him there and fetch him away again on his return from his own mistress“.

[2]) См. только что упомянутую статью Адріанова. Даже графъ Панинъ, будучи изгнанъ, прибѣгъ къ посредничеству Гагариной. См. „Матеріалы для жизнеописанія Панина“, V, 622, 633—634. Воронцовъ писалъ Панину въ іюнѣ 1801 г., бичуя безнравственность русскагѣ общества: „Nous avons vu un perè assez infâme que de prostituer sa propre fille“. Безъ сомнѣнія, здѣсь подразумѣвался Лопухинъ. См. „Матеріалы для жизнеописанія Панина“, VI, 476—477. Розенцвейгъ (а. а. О, стр. 11) упоминаетъ о томъ, что Михайловскій дворецъ, гдѣ Павелъ поселился незадолго до своей смерти, выкрашенъ былъ въ розовую краску, по цвѣту перчатокъ Гагариной: „Дворецъ носилъ названіе архангела, а цвѣтъ—любовницы“. Объ этомъ упоминаетъ также Коцебу въ соч. „Das merkwürdigste Jahr meines Lebens“.

[3]) См. слова Кочубея въ архивѣ кн. Воронцова, XVIII, 149—150.

[4]) Вмѣсто послѣднихъ словъ въ изданіи Воронцовскаго архива (XXIV, 274) стоитъ многоточіе. Быть можетъ это объясняется цен-

ея кумиромъ было общественное мнѣніе [1]), теперь это деспотизмъ и желаніе царствовать. Она унизила себя, вступивъ въ союзъ съ шельмой (coquine), со своимъ заклятымъ врагомъ [2]), чтобы господствовать надъ своимъ супругомъ; теперь она обнаруживаетъ полное подчиненіе его волѣ».

Что оба супруга незадолго до катастрофы замышляли недоброе другъ противъ друга—объ этомъ говорили, этому вѣрили; провѣрить этого мы не въ состояніи. Поэтому приводимъ нижеслѣдующее, не ручаясь за его достовѣрность.

Бернгарди пишетъ безъ указанія источниковъ: «Марія Ѳеодоровна знала о томъ, что готовится [3]), и имѣла свой собственный небольшой кружокъ, интриги котораго были довольно безсильны по сравненію съ замышляемымъ большимъ заговоромъ. Главную роль въ этомъ второстепенномъ кружкѣ играла семья Куракиныхъ [4]), съ которыми императрица была очень дружна, и которые льстили своей высокой покровительницѣ, говоря ей, что она можетъ сама царствовать, быть самодержицей Россіи и съиграть роль Екатерины [5]). Ей говорили, что великій князь Александръ слишкомъ молодъ, неопытенъ, слабъ и легко поддается чужому вліянію; онъ вѣроятно самъ устрашится тяжести короны. Зато всѣмъ памятно блестящее царствованіе Екатерины; старики помнятъ еще царствованіе императрицы Елизаветы и считаютъ это время прекраснымъ и счастливымъ; Россія даже привыкла къ управленію женщинъ, подъ ихъ властью чувствовала себя всего лучше, и народъ желаетъ мягкаго господства царицы. Сама же она чрезвычайно любима, и любовь народа, въ связи съ свѣтлыми воспоминаніями поможетъ ей вступить на престолъ.—Разумѣется,

---

зурными условіями, хотя контекстъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ о Маріи Ѳеодоровнѣ.

[1]) Вѣроятно страсть къ популярности.

[2]) Не имѣется ли здѣсь въ виду Нелидова?

[3]) Отъ Панина, Палена и ихъ сообщниковъ.

[4]) Объ отношеніяхъ Куракиныхъ къ императрицѣ есть цѣнныя свѣдѣнія въ часто упоминавшихся „Матеріалахъ къ біографіи Панина“.

[5]) Т. е. значитъ свергнуть Павла, какъ Екатерина свергла своего супруга?

императрица Марія Θеодоровна охотно слушала такія рѣчи; особенно легко было убѣдить ее въ томъ, что она очень любима, такъ какъ вся ея жизнь, всѣ ея дѣйствія какъ прежде, такъ и послѣ были почти-что боязливымъ исканіемъ популярности. Она стояла во главѣ нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденій и завѣдывала ихъ дѣлами, если безъ надлежащаго пониманія, то съ большимъ рвеніемъ и стараніемъ обратить на себя вниманіе. Она не предпринимала ни одной прогулки безъ разсчета на то, что случится какое нибудь маленькое происшествіе, что создастся анекдотъ, который выставитъ ее передъ народомъ въ свѣтѣ сердечной доброты и снисхожденія, полнаго сознанія своего достоинства. Она никогда,—развѣ только въ рѣдкія минуты,—не выходила изъ своей роли, благодаря чему все ея существо стало носить характеръ театральности и дѣланности» [1]).

Однако, честолюбивые планы императрицы и ея намѣренія предпринять что-нибудь рѣшительное противъ своего супруга гораздо сомнительнѣе, чѣмъ недовѣріе, какое питалъ къ своей женѣ Павелъ. Доказательствомъ этого служитъ роковое рѣшеніе государя задѣлать двери изъ своей спальни въ покои императрицы. Разсказы современниковъ объ этомъ не вполнѣ согласуются.

Розенцвейгъ сообщаетъ: «Изъ спальни императрицы былъ только одинъ выходъ. Архитекторъ Бренна, строившій Михайловскій дворецъ, оставилъ еще одну соединительную дверь съ покоями императрицы. Но такъ какъ Павелъ въ то время совершенно разошелся со своей супругой, то приказалъ задѣлать эту дверь, и когда архитекторъ недостаточно быстро исполнилъ его желаніе, наказалъ его арестомъ на нѣсколько часовъ. Послѣ этого приказаніе было исполнено» [2]).

По словамъ Ланжерона, дверь не была задѣлана а была лишь заперта на ключъ со стороны спальни Павла, такъ что Марія Θеодоровна очень скоро послѣ совершенія преступленія—дверь тѣмъ временемъ неизвѣстно какимъ образомъ была открыта—могла появиться на мѣстѣ

---

[1]) Histor. Zeitschrift, III, 149.
[2]) Aus Allen Zeiten und Landen, a. a. O., стр. 12.

катастрофы [1]). Источники, изъ которыхъ почерпалъ свѣдѣнія Бернгарди, гласятъ, что непосредственно передъ убійствомъ Павла Беннигсенъ заперъ двери, ведущія въ помѣщеніе императрицы [2]). Саблуковъ замѣчаетъ, что дверь въ покои императрицы была уже раньше заперта изнутри [3]).

Итакъ, дверь повидимому не была задѣлана, а была лишь заперта изнутри. Это было выраженіемъ отчужденія, недовѣрія между обоими супругами.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что императрица и великіе князья имѣли полное основаніе бояться Павла. Трудно было предугадать, куда его можетъ завлечь его страстность, его душевное разстройство, и каково будетъ его обхожденіе съ близкими ему людьми. Какъ силенъ былъ страхъ передъ нимъ въ его же семьѣ, вполнѣ ясно изъ писемъ такихъ царедворцевъ, какъ Ростопчинъ, Роджерсонъ, и изъ мемуаровъ современниковъ, какъ Саблуковъ и др.

На основаніи неизвѣстныхъ, но въ данномъ случаѣ вѣроятно очень важныхъ источниковъ, Бернгарди разсказываетъ, что Павлу въ послѣднее время его жизни такъ понравился племянникъ императрицы, четырнадцатилѣтній принцъ Евгеній Вюртембергскій, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ, что онъ задумалъ назначить его своимъ наслѣдникомъ. Бернгарди пишетъ: «Вскорѣ его расположеніе къ красивому и умному мальчику усилилось до безпредѣльной и страстной экзальтаціи, которая, какъ всѣ проявленія Павла, граничила съ безуміемъ. Этотъ мальчикъ казался Павлу какъ бы ниспосланнымъ съ небесъ; планъ его былъ готовъ, и съ семьей своей государь рѣшилъ покончить насильственно; онъ хотѣлъ сначала посадить подъ строгій арестъ императрицу, сославъ ее на далекій сѣверъ,

---

1) Revue Britannique, a. a. O, стр. 74. Elle accourut bientot, la porte avait „été ouverte, on ne sait par qui ni comment". Примѣчаніе Ланжерона, относящееся къ тому же: „Il est à présumer que Bennigsen l'avait fait ouvrir car elle n'était fermée que du côte de l'empereur; mais il ne m'a rien dit, et j'ai oublié de le lui demander".

2) Histor. Zeitschrift, III, 159.

3) „The door c (см. планъ), leading to the Empress's bedroom, was also locked on the side of the cabinet". Fraser's Magazine 1865, September, стр. 318.

въ Холмогоры [1]), великаго князя Александра заточить въ Шлиссельбургъ, Константина—въ Петербургскую крѣпость и т. д. [2]).

Очень интересенъ слѣдующій разсказъ Бернгарди: «Уже не разъ у государя вырывались намеки относительно «grand coup» который онъ собирается сдѣлать; теперь онъ грозно заявлялъ своей возлюбленной, красивой княгинѣ Гагариной, и Кутайсову, что онъ уже хочетъ выполнить свой grand coup; при этомъ онъ сказалъ даже слѣдующія знаменательныя слова: «Sous peu je me verrai forcé de faire tomber des têtes qui jadis m'étaient chères!» (скоро я буду вынужденъ снять когда-то дорогія мнѣ головы) [3]). Сходный разсказъ мы находимъ у Розенцвейга: «Паленъ до такой степени возбуждалъ недовѣріе Павла къ сыновьямъ, что государь далъ ему, какъ военному губернатору, письменное полномочіе арестовать великихъ князей, чтобы священная особа царя была въ безопасности. Паленъ показалъ этотъ приказъ великому князю и вырвалъ у него согласіе [4]). Впрочемъ, этотъ послѣдній уже изъ другого источника зналъ объ участи, какую готовилъ ему отецъ. Дѣло въ томъ, что генералъ-лейтенантъ Уваровъ, начальникъ кавалергардовъ, былъ любовникомъ княгини Лопухиной, дочь которой, княгиня Гагарина, была въ то время любовницей государя. Павелъ посѣтилъ Гагарину однажды вечеромъ и горько жаловался ей на то, что окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, и что даже сыновья составляютъ противъ него заговоръ. Затѣмъ онъ подъ большимъ секретомъ сообщилъ, что намѣренъ посадить сыновей въ тюрьму. Гагарина сказала объ этомъ матери, эта послѣдняя — графу Уварову, который въ

---

[1]) Въ Холмогорахъ, находящихся верстахъ въ 70-ти отъ Архангельска, цѣлыя десятилѣтія находились въ заточеніи брауншвейгцы, родственники бывшаго императора Ивана Антоновича.

[2]) По нѣкоторымъ даннымъ, говоритъ Бернгарди, можно было предположить, что Павелъ хочетъ женить герцога Евгенія Вюртембергскаго на своей дочери Екатеринѣ. Павелъ всячески отличалъ его и осыпалъ почестями, орденами и т. д. Дѣло дошло до того, что однажды на парадѣ Павелъ самъ отдалъ ему честь и лично провелъ передъ нимъ парадирующій батальонъ,—честь, какой Павелъ никому еще не оказывалъ. Histor. Zeitschrift, III, 152—153.

[3]) Histor. Zeitschrift, III, 153.

[4]) На рѣшительное дѣйствіе противъ государя.

свою очередь передалъ это Палену [1]). Паленъ совѣтовалъ прямо сказать объ этомъ великому князю, и когда послѣ этого Александръ сообщилъ это извѣстіе генералъ-губернатору, оказалось, что Паленъ уже получилъ приказъ объ арестѣ и настаивалъ на необходимости низложить императора. Утверждаютъ также, что государь намѣревался посадить въ тюрьму и свою супругу, а преемникомъ своимъ назначить своего третьяго сына Николая, котораго самъ хотѣлъ воспитывать [2]). Все складывалось такъ, что катастрофа становилась неизбѣжной [3]).

Понятно, что всѣ подобные разсказы на основаніи того, что «говорятъ», легко могутъ содержать въ себѣ если не прямые вымыслы, то сильныя преувеличенія. Принимать ихъ за чистую монету нельзя. Зато вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова Ланжерона въ его сочиненіи о смерти Павла I: «Въ Европѣ распространился слухъ (и шелъ онъ ни отъ кого иного, какъ отъ Палена), что Павелъ намѣревается оттолкнуть свою жену, жениться на княгинѣ Гагариной послѣ ея развода съ мужемъ, заточить своихъ старшихъ сыновей и назначить своимъ наслѣдникомъ великаго князя Михаила, родившагося уже въ царствованіе Павла. Слухъ этотъ—отвратительная клевета; его опровергаетъ Коцебу въ своемъ сочиненіи: «Самый замѣчательный годъ моей жизни» [4]), и я слышалъ изъ устъ генерала Кутузова, жившаго въ то время въ Петербургѣ, что о такихъ нелѣпыхъ намѣреніяхъ не было и рѣчи, и что Павелъ еще наканунѣ своей смерти былъ очень сердеченъ съ женой и съ дѣтьми. Извѣстно, что уже въ силу своего характера Павелъ совершенно не могъ хоть сколько нибудь притворяться» [5]).

---

[1]) Бернгарди говоритъ: „Угроза Павла была тотчасъ же сообщена графу Палену—кѣмъ?—прежнимъ ли слугой, котораго Павелъ, какъ друга, возвысилъ до ступеней трона (Кутайсовъ), или его возлюбленной,—этого мы опредѣлить не можемъ; врядъ ли это могъ сдѣлать кто нибудь, кромѣ этихъ двухъ лицъ". Объясненіе Розенцвейга кажется весьма вѣроятнымъ.

[2]) Николай родился въ 1796 г., значитъ ему было четыре года, когда былъ убитъ отецъ.

[3]) Aus allen Zeiten und Landen, a. a. O, стр. 8.

[4]) Мы изучили этотъ источникъ, но этого мѣста найти не могли.

[5]) Revue Britannique, 1895, іюль, 77.

Истина очевидно находится посерединѣ. Если даже Павелъ не замышлялъ оттолкнуть свою супругу и заключить въ тюрьму сыновей, то все таки не могло быть и рѣчи о сердечномъ, доброжелательномъ обращеніи его съ его близкими. Саблуковъ, какъ очевидецъ, разсказываетъ о натянутыхъ отношеніяхъ между Павломъ и его сыновьями. «Александръ», пишетъ Саблуковъ, «будучи близорукъ и и тугъ на ухо, тѣмъ болѣе опасался сдѣлать ошибку, и не спалъ изъ за этого ночей. Оба великіе князья ужасно боялись отца, и если послѣдній казался сколько-нибудь сердитымъ, блѣднѣли, какъ мертвецы, и дрожали, какъ осиновые листья» [1]). Въ другомъ мѣстѣ мемуаровъ Саблукова мы читаемъ слѣдующее, написанное по поводу разсказа о безчисленныхъ дисциплинарныхъ наказаніяхъ военныхъ: «Оба великіе князя всегда опасались всего худшаго и для самихъ себя. Они оба были шефами полковъ и, какъ таковые, ежедневно должны были выслушивать сильнѣйшіе упреки за самое ничтожныя провинности на парадахъ, за недочеты въ дрессировкѣ» и т. д. [2]). Такое положеніе дѣлъ тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ роковой день смерти Павла какъ Александръ такъ и Константинъ находились подъ арестомъ. Недовѣріе отца къ своимъ сыновьямъ явствуетъ изъ того факта, что оба великіе князя въ этотъ день, за нѣсколько часовъ до убійства Павла, были отведены генеральнымъ прокуроромъ Обольяниновымъ въ дворцовую церковь для возобновленія присяги [3]). Присяга была принесена, хотя по крайней мѣрѣ старшій изъ великихъ князей зналъ и долженъ былъ знать, что дни царствованія Павла сочтены. Въ интимныхъ кружкахъ поведеніе Александра относительно отца считалось не безупречнымъ. Уже въ концѣ 1798 г. Ростопчинъ писалъ графу Воронцову: «Le grand duc Alexandre a de grands torts vis à vis de son pére» (великій князь Александръ во многомъ виноватъ передъ своимъ отцомъ) [4]).

[1]) Fraser's Magazine, Августъ, 1865, стр. 324.

[2]) Саблуковъ въ Fraser's Magazine, Сентябрь, 1865 г., стр. 310.

[3]) Александръ разсказалъ Саблукову въ 8 часовъ вечера 11-го марта, т. е. за нѣсколько часовъ до катастрофы: „We are both under arrest... we have been both of us brought up by Obolianinow to the chapel, to take an oath of allegiance“. Fraser's Magazine, стр. 314.

[4]) Архивъ князя Воронцова, XXIV, 277.

Казалось, что въ такія времена всеобщаго угнетенія, смятенія, крайней опасности можно упразднить обычныя понятія о нравственности и лояльности. Злоупотребленіе монархическою властью со стороны Павла, повидимому, совершенно отмѣняло господствовавшія правила законности. Поэтому обычныя обязанности подданныхъ, родственниковъ государя и слугъ государства стали невыполнимыми. Психіатрамъ и сторожамъ въ психіатрическихъ больницахъ не вмѣняется въ преступленіе нарушеніе истины по отношенію къ опаснымъ больнымъ. Экстравагантность характера Павла и необычайность его положенія требовали, чтобы при изысканіи средствъ для спасенія не стѣсняться обычными соображеніями. Общее настроеніе и недовольство дѣлаетъ понятной диктатуру Паниныхъ и Паленовъ, которые въ интересахъ государства рѣшили прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, чтобы положить конецъ безобразнымъ явленіямъ этого царствованія.

4. Ухудшеніе положенія вещей

Современникамъ казалось, что въ теченіе четырехлѣтняго царствованія Павла стало замѣтно ухудшеніе характера государя. Усиленіе цезарскаго безумія до крайнихъ предѣловъ увеличивало опасность, грозившую государству подданнымъ и лицамъ, окружавшимъ императора. Самъ собою возникалъ вопросъ: слѣдуетъ ли еще далѣе и еще болѣе страдать или же слѣдуетъ подумать объ избавленіи отъ бѣды?

Розенцвейгъ говоритъ въ своихъ запискахъ: «Страшно подумать, какъ быстро развились недостатки Павла послѣ его вступленія на престолъ. Всякій неудачный опытъ усиливалъ его строгость. Къ тому же окружающіе Павла, которымъ была выгодна всякая перемѣна, такъ какъ за нею слѣдовали повышенія, потакали страннымъ прихотямъ государя. Давнымъ давно уже возникли бы сомнѣнія въ умственной нормальности Павла, если бы отъ поры до времени не наступали такіе періоды, когда онъ становился проницательнымъ и начиналъ судить обо всемъ правильно и справедливо. Но въ послѣдніе годы его царствованія эти свѣтлыя минуты становились рѣже; Павелъ дѣлался еще

строже, чѣмъ прежде. Онъ былъ исключительно окруженъ людьми, не знавшими иного закона, кромѣ своей личной выгоды, и вліяніе императрицы, его супруги, совершенно исчезло [1]).

Въ разговорѣ съ Ланжерономъ въ 1804 г. Паленъ изобразилъ положеніе дѣлъ слѣдующимъ образомъ: «Я ничего новаго не могу сообщить вамъ, любезный Ланжеронъ, о характерѣ Павла и о его безразсудствахъ; вы сами страдали отъ нихъ также, какъ и мы. Но такъ какъ въ послѣднее время его царствованія васъ не было въ Петербургѣ, и вы въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ не видѣли его, то не можете знать, до чего дошло его сумасшествіе, развивавшееся все *crescendo*; оно сдѣлалось бы кровожаднымъ, и уже было таковымъ [2]). Никто изъ насъ не былъ увѣренъ хотя бы за одинъ день своей жизни; скоро вездѣ стали бы воздвигаться плахи, и вся Сибирь была бы населена несчастными» [3]). Въ такомъ же духѣ высказывался Паленъ тотчасъ послѣ катастрофы въ разговорѣ съ Гейкингомъ, который, подобно Ланжерону и другимъ, подвергся изгнанію: «Я знаю, что вамъ пришлось вытерпѣть; но все это пустяки по сравненіюсъ тѣми ужасами, какіе совершались надъ множествомъ людей, преступленія кототорыхъ часто были только воображаемыми или были простою оплошностью. Мы устали быть орудіями подобной тираніи, и такъ какъ мы видѣли, что безуміе его день ото дня усиливалось и обращалось въ жажду жестокости, то намъ оставалось только одна альтернатива — или избавить міръ отъ чудовища, или же вскорѣ увидѣть себя, а можетъ быть и часть императорской семьи, жертвами слѣдующей ступени его злобы. Изъ одного чувства патріотизма можно мужественно подвергнуть себя, свою жену и дѣтей риску самой страшной смерти, съ цѣлью вернуть счастье 20 милліонамъ людей угнетенныхъ, измученныхъ, сосланныхъ, избитыхъ и искалѣченныхъ» и т. д. [4]).

---

1) Aus allen Zeiten und Landen, a. a. O., стр. 4.

2) „La démence allant toujours *crescendo* aurait fini par devenir sanguinaire et l'était même déjà".

3) Revue Britannique, 1895, іюль, стр, 63.

4) Bienemann, „Aus den Tagen Kaiser Pauls", 228.

Такъ какъ можно предположить, что Паленъ, для оправданія своего участія въ переворотѣ, можетъ быть слишкомъ сгустилъ краски, то выслушаемъ же заявленія и крики отчаянія такихъ людей, которые стояли совершенно въ сторонѣ отъ преступленія и порицали его. Когда русскій посланникъ въ Лондонѣ изъ за минутной прихоти Павла былъ удаленъ съ своего поста и лишенъ своихъ имѣній въ Россіи, то Ростопчинъ писалъ ему: «Вы видите, что̀ мнѣ пришлось подписать, и могу ли я послѣ этого оставаться? Если такъ обращаются съ вами, то какая судьба можетъ ожидать меня? Сердце мое обливается кровью; я жалѣю васъ. Обливаю ваши руки моими слезами. Будемъ плакать вмѣстѣ! Сдѣлать ничего нельзя»[1]. Нѣсколько недѣль спустя, Ростопчинъ писалъ Воронцову: «Богъ знаетъ, къ чему это приведетъ; ничего нельзя предсказать навѣрное. Живите счастливо тамъ, гдѣ вы находитесь и, если вы плачете, то будьте увѣрены, что плачете не одни. Разорвите это письмо»[2]. Въ письмѣ Кочубея къ Воронцову, написанномъ въ то же время, читаемъ: «Страхъ, въ которомъ всѣ мы живемъ, неописуемъ. Люди боятся своей собственной тѣни. Всѣ дрожатъ. Доносы — дѣло обычное: вѣрны они или невѣрны, но вѣрятъ всему. Всѣ крѣпости переполнены арестантами. Всѣми овладѣла глубокая тоска. Люди уже не знаютъ, что̀ такое удовольствіе...[3]. Получая новую должность, всякій готовится черезъ три или четыре дня быть высланнымъ и говоритъ себѣ: мнѣ нужно постараться получить завтра въ подарокъ крестьянъ... Въ настоящее время имѣется распоряженіе, по которому ни одного письма не дозволяется отправлять черезъ курьера, путешественника или слугу; все должно быть отправляемо по почтѣ. Государь считаетъ, что каждый почтмейстеръ можетъ вскрывать и прочитывать всѣ письма. Стараются открыть заговоръ, котораго не су-

---

1) Архивъ князя Воронцова, VIII, 338.

2) Архивъ князя Воронцова, XXIX, 279.

3) Въ такомъ же родѣ Стедингкъ писалъ 18 февраля (1 марта) 1800 г.; La société diminue tous les jours (вслѣдствіе ссылокъ); le peu de maisons, qui restent encore, sont fermées hermétiquement surtout aux etrangers, de crainte, dit-on, de s'exposer à des soupçons qui pourraient avoir des suites fâcheuses". Стокгольмскій архивъ.

ществуетъ[1]). Ради Бога, будьте осторожны во всемъ, что̀ вы пишете. Я не храню ни одного письма, а все сжигаю. Не знаю, къ чему все это приведетъ. Всѣхъ насъ мучаютъ невѣроятнымъ образомъ. Надобно опасаться, что приближенныя къ государю лица, которымъ приходится хуже всего, выкинутъ что-нибудь отчаянное. Никто не рѣшается дѣлать какихъ-либо возраженій. Для меня, какъ и для другихъ, не исключая Ростопчина, во всякое время готовъ экипажъ, чтобы бѣжать при первомъ знакѣ... Не думайте, что я преувеличиваю, напротивъ, я о многомъ умалчиваю, что̀ вамъ показалось бы невѣроятнымъ... Если вамъ нужно сообщить мнѣ что нибудь тайно, то пользуйтесь англійскими курьерами и пишите лимоннымъ сокомъ»[2]).

Весьма часто государственные люди, частная корреспонденція которыхъ сохранилась въ «Архивѣ князя Воронцова», вспоминали уже послѣ катастрофы ужасы этого четырехлѣтняго царствованія. По степени негодованія, выражаемаго въ такого рода воспоминаніяхъ, можно судить о политическомъ бѣдствіи, въ какомъ находилась Россія, и о всеобщей деморализаціи.

Адмиралъ Чичаговъ писалъ Воронцову, что за эти четыре года Россія прожила точно четыре столѣтія варварства[3]). Кочубей писа̀лъ: «Кто не пережилъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Павла и не видѣлъ, какимъ источникомъ безпорядка, дезорганизаціи, хаоса было это время, тотъ никогда не будетъ въ состояніи судить о томъ, какія нужны усилія для того, чтобы все это распутать. Думая объ этомъ, я прихожу къ заключенію, что другая страна навѣрное должна была бы погибнуть при такихъ обстоятельствахъ». Въ другомъ письмѣ Кочубей говоритъ о «глупостяхъ» какихъ надѣлалъ Павелъ въ дѣлѣ отношеній съ Англіей, и которыя теперь нужно исправить. «Мы нуждаемся въ спокойствіи, чтобы залечить страшныя раны, нанесенныя странѣ», замѣчаетъ графъ, а въ другомъ мѣстѣ

---

1) Кочубей и позднѣе не былъ посвященъ въ планы Панина и Палена. Впрочемъ, въ aпрѣлѣ 1799 г., когда писалъ Кочубей, никакого заговора еще не было.

2) Архивъ князя Воронцова, XVIII, 202—205.

3) Архивъ князя Воронцова, XIX, 63.

пишетъ: «Здѣсь уже больше нѣтъ съумасшедшихъ домовъ» [1]). и т. д. Гриммъ писалъ Воронцову, что слѣдуетъ постараться забыть страшные годы царствованія Павла; воспоминаніе о нихъ казалось тяжелымъ сномъ, страшнымъ призракомъ; не проходило дня, чтобы къ прежнимъ несчастіямъ не прибавлялось новаго; не говоря уже о безчисленныхъ печальныхъ послѣдствіяхъ неправильныхъ политическихъ мѣръ, изъ за которыхъ самое существованіе государства становилось вопросомъ, одни преслѣдованія частныхъ лицъ дѣйствовали уже угнетающимъ образомъ; было отчего сойти съ ума и т. д. [2]). Бутурлинъ писалъ своему дядѣ, графу Воронцову: «Непрерывный рядъ ошибокъ и глупостей, который въ исторіи будетъ носить имя только что окончившагося царствованія, пустилъ такіе глубокіе корни, что я не знаю, сколько времени еще придется ихъ расхлебывать... Духъ общества еще носитъ въ себѣ заразу (gangréné). Публика, которая при Павлѣ все время находилась между крѣпостью и орденомъ св. Анны, между Сибирью и подаркомъ въ 1000 душъ, должна лишь постепенно привыкнуть къ спокойствію и порядку». А въ 1803 г.: «Минувшее царствованіе такъ потрясло всѣ основы государства, что едва ли найдется десять человѣкъ, пригодныхъ для занятія высокихъ постовъ». Бутурлинъ то и дѣло сѣтуетъ на дурныя послѣдствія царствованія «de feu Paul de turbulente mémoire» (покойнаго Павла, оставившаго по себѣ бурную память) и на «folies du règne de Paul» (безумства царствованія Павла), которыя показали всему міру, на что способны русскіе и т. д. [3]).

О царствованіи Павла всего рѣзче и обстоятельнѣе высказался С. Р. Воронцовъ. Такъ, напр., онъ писалъ Панину тотчасъ послѣ катастрофы, говоря о конфискаціи своихъ имѣній: «Подобные поступки были совершенно въ духѣ Павла, который былъ человѣкъ душевно больной и бралъ себѣ за образецъ марокскихъ царей и персидскихъ софіевъ» [1]). Пока живъ былъ Павелъ, Воронцовъ не могъ и

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XVIII, 235, 241.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XX, 386—387. Точно также Николаи замѣчаетъ, что все время пришлось проводить въ ужасномъ страхѣ и т, п. Тамъ же, XXII, 108.

[3]) Архивъ князя Воронцова, XXXII, 325, 360, 364, 368.

помышлять о томъ, чтобы послать въ Россію своего сына, желавшаго поступить на военную службу; это стало возможнымъ тотчасъ послѣ вступленія на престолъ Александра. Во время «отвратительнаго» царствованія Павла, какъ писалъ Воронцовъ своему сыну, всѣ люди чести, уважающіе сами себя, принуждены были оставить военную службу; теперь можно служить, не подвергаясь сумасброднымъ оскорбленіямъ, униженіямъ, ссылкамъ и всякимъ другимъ бѣдамъ[2]). Воронцовъ жалуется въ своихъ письмахъ на опустошительную косу Павла[3]), на безпримѣрную тиранію, память о которой никогда не исчезнетъ въ русскомъ народѣ, пока онъ будетъ существовать[4]), на слѣпую ярость и несправедливость Павла, которая его, Воронцова, лишила всего его состоянія[5]), на пагубное вліяніе «деспота Павла» и на его «règne atroce» (ужасное царствованіе[6]) и т. д.

Хотя Воронцовъ былъ склоненъ приписывать нѣкоторыя ошибки Павла въ области внѣшней политики вліянію Безбородко, Кутайсова и Ростопчина[7]), но все таки не находилъ словъ для порицанія безразсудства самого государя. Въ одномъ манифестѣ Александра, составленномъ Панинымъ было въ обычной формѣ упомянуто о «славной памяти» царствованіи Павла. Въ рѣзкой критикѣ этого манифеста, составленной для императора Александра, Воронцовъ, приведенный въ сильнѣйшее негодованіе, пишетъ между прочимъ: «Какъ можетъ Александръ I, не будучи уже ребенкомъ, обладая умомъ и высоко цѣня добродѣтель, все таки не сознавать, что отецъ его исказилъ законъ, обративъ его въ его противоположность, разстроилъ финансы, уничтожилъ торговлю и завелъ безпримѣрный деспотизмъ въ своей несчастной странѣ? Есть ли хоть что нибудь славное въ такомъ образѣ правленія? И не признаётъ ли принциповъ этого правленія государь, называющій его «славнымъ? – Не говоритъ ли онъ этимъ, что думаетъ идти та-

---

1) „Матеріалы къ біографіи Панина“, VI, 434.
2) Архивъ князя Воронцова, XVII, 69, 106.
3) „La faux dévastatrice de Paul“.
4) Архивъ князя Воронцова, X, 152, 157.
5) Тамъ же, XVII, 297.
6) Тамъ же, XIX, 283 и XVII, 29.
7) Тамъ же, VIII, 288 и X, 132.

кими же путями? Если же такой образъ правленія составляетъ противоположность «славной памяти», то употреблять подобный эпитетъ, — лицемѣріе!» и т. д.[1]). Такъ же строги сужденія брата Воронцова, канцлера, въ запискѣ о царствованіи Павла, составленной для Александра: «Многое покойною императрицей сдѣланное, разными указами уничтожено, подати и всѣ налоги больше прежняго умножены, торговля... стѣснена, всѣ внутренніе обороты... немало остановлены. Вообще сказать можно, былъ хаосъ совершеный, отъ коего мы избавились вступленіемъ на престолъ Александра»[2]).

Указывая на печальныя стороны царствованія Павла и сѣтуя на то, что Россія «изнывала отъ самаго грубаго и насильственнаго варварства»[3]), Воронцовы находили также объясненіе этому несчастію. Николаи писалъ С. Р. Воронцову, что характеръ Павла представляетъ собою самую странную смѣсь хорошихъ качествъ съ величайшимъ деспотизмомъ, и что его грубость съ теченіемъ времени пріобрѣла перевѣсъ надъ другими его свойствами[4]). На это графъ Воронцовъ отвѣчаетъ: «Это правда, но вы должны были прибавить, что эти грубые инстинкты усилились въ полномъ смыслѣ слова до душевной болѣзни. Съумасшествіе Павла въ послѣдніе восемь или десять мѣсяцевъ его жизни бросается въ глаза. Образъ дѣйствій его относительно другихъ государей и государствъ доказываетъ, что духъ его былъ помраченъ. Поэтому я не склоненъ приписывать дурному сердцу его деспотическіе и жестокіе поступки, омрачающіе послѣднѣе время его царствованія. Я больше жалѣю его, чѣмъ порицаю» и т. д.[5]). Точно также въ письмѣ С. Р. Воронцова къ брату читаемъ слѣдующее: «Я убѣжденъ, что покойный государь имѣлъ несчастіе быть душевно-больнымъ; я считаю его столь же мало вмѣняемымъ, какъ маленькаго ребенка, который себя и другихъ ранитъ бритвой, такъ какъ никогда раньше не видѣлъ бритвы и не знаетъ ея употребленія. У меня есть письма Панина отъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, X, 280. То, что это было написано для сына Павла, придаетъ запискамъ тѣмъ бо́льшее значеніе.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XXIX, 460—461.

[3]) См. письмо Воронцова къ Николаи, архивъ, XXII, 531.

[4]) Тамъ же, XX, 108.

[5]) Архивъ кн. Воронцова, XXII, 532.

того времени, когда Павелъ еще былъ живъ и въ нихъ говорится о тираніи Павла, о его отвратительныхъ выходкахъ и съумасшествіи [1]). «Панинъ», говорится въ другомъ письмѣ, «считалъ этого тирана помѣшаннымъ» [2]).

Если же сложилось убѣжденіе, что приходится имѣть дѣло съ душевно-больнымъ человѣкомъ, то раньше или позже должна была возникнуть мысль о его устраненіи отъ престола, такъ какъ неограниченная власть подобнаго больного безпредѣльно увеличивала опасность, угрожавшую всѣмъ. Нельзя было знать, до чего могутъ дойти патологическія выходки деспота. Опасность надвигалась. Приходилось имѣть дѣло съ темной стихійной силой, и необходимо было обезопасить себя отъ нея, сдѣлавъ больного безвреднымъ. Чтобы предпринять нѣчто противъ Павла, не нужно было никакой политической партіи съ убѣжденіями, противоположными господствующимъ въ Россіи взглядамъ. Не было также врача, авторитетомъ котораго могла бы быть констатирована неспособность императора къ управленію. Да и психіатрія въ ту пору была вѣроятно еще недостаточно развита для того, чтобы опредѣлить, насколько ненормальны и болѣзненны были безразсудныя дѣйствія Павла. Русское государственное право, и безъ того слабо развитое, не предусматривало душевной болѣзни государя и не указывало, какъ слѣдуетъ быть въ такомъ случаѣ. Высшіе органы государственнаго управленія или не имѣли никакого значенія, или имѣли недостаточно значенія для того, чтобы въ такомъ дѣлѣ взять на себя иниціативу. Одно сомнѣніе, хотя бы самое ничтожное, въ томъ, что императоръ вмѣняемъ, было бы сочтено за государственную измѣну, и уже вслѣдствіе этого никто изъ состоявшихъ на государственной службѣ не заикался о необходимости переворота. Такимъ образомъ оставался лишь путь конспираціи отдѣльныхъ лицъ. Чрезвычайныя обстоятельства требовали чрезвычайныхъ мѣръ. Чтобы противопоставить силу силѣ, нужно было красться во мракѣ.

---

[1]) Тамъ же, X, 110.

[2]). Тамъ же, X, 280. Роджерсонъ говорилъ, что Павелъ свихнулся, не можетъ отличить хорошаго отъ дурного, что онъ соображаетъ неправильно и т. д.

Каково было положеніе дѣлъ, показываетъ уже то обстоятельство, что люди возвышеннаго и къ тому же консервативнаго образа мыслей, не имѣвшіе ничего общаго съ господствовавшимъ въ ту пору либерализмомъ, порожденнымъ французской революціей, что такіе дальновидные, осторожные политики, какъ графы Воронцовъ и Панинъ и другіе ихъ современники, были проникнуты убѣжденіемъ, что необходимо предпринять что-нибудь для спасенія Россіи.

Въ февралѣ 1801 г., т. е. за нѣсколько дней до катастрофы, графъ С. Р. Воронцовъ писалъ симпатическими чернилами изъ Саутгамптона Новосильцову, также находившемуся въ ту пору въ Англіи: «Вы говорите, что не слѣдуетъ слишкомъ строго судить одно лицо, въ высшей степени насъ интересующее, такъ какъ гнетъ, подъ которымъ оно жило, испортилъ его характеръ; вы полагаете, что не слѣдуетъ терять надежды, которая закаляетъ нашу энергію въ несчастіи. Это можетъ быть до извѣстной степени справедливо, если бы были какія нибудь основанія для того, чтобы ожидать перемѣны; перемѣна, говорите вы, неизбѣжна и естественна. Если же, несмотря на такую необходимость и естественность, перемѣны не наступаетъ, то должно существовать какое нибудь радикальное зло, служащее помѣхой.—Что касается гнета, испортившаго извѣстный характеръ, то я скажу вамъ, мой милый другъ, что силу или слабость душъ можно сравнить съ физическими тѣлами. Есть мягкія тѣла, лишенныя упругости, которыя, будучи сжаты, не принимаютъ прежняго положенія, напр., бумага, воскъ, свинецъ, олово и т. п.; слоновая кость и сталь, будучи согнуты или сжаты, или ломаются, или же возвращаются въ прежнее положеніе. Что же до упругости воздуха и пара, то вы лучше меня знаете, что она разрушаетъ все, производящее слишкомъ сильное давленіе. Послѣднее мы къ несчастію имѣемъ въ нашемъ случаѣ. Мы имѣли возможность видѣть воскъ и олово [1]). Такимъ образомъ все потеряно. Сколько я ни стараюсь искать утѣше-

[1]) Вѣроятно, это слѣдуетъ понимать такъ, что отъ тираніи Павла, какъ отъ пара, произошла стихійная сила, подданные же его играли лишь страдательную роль и терпѣли все.

нія въ мысли о будущемъ, но не нахожу его. Мнѣ кажется, что мы съ вами находимся на кораблѣ, капитанъ и экипажъ котораго говорятъ на непонятномъ намъ языкѣ. Я болѣнъ морской болѣзнью и не могу подняться съ своего ложа. Вы сообщаете мнѣ, что поднялась буря, и что корабль долженъ пойти ко дну, потому что капитанъ, сошедшій съ ума, угощаетъ экипажъ побоями. Экипажъ, состоящій изъ тридцати съ лишкомъ человѣкъ, не рѣшается сопротивляться дурному обращенію, такъ какъ капитанъ уже выбросилъ одного матроса за бортъ, а другого убилъ. Эти люди говорятъ, однако, что еще есть надежда на спасеніе, потому что есть другой руководитель судна, разумный и кроткій юноша, пользующійся довѣріемъ экипажа. Поэтому я заклинаю васъ вернуться на палубу и убѣдить молодого человѣка и экипажъ въ томъ, что они должны спасти корабль, который вмѣстѣ со своимъ грузомъ, составляетъ отчасти собственность молодого человѣка; ихъ вѣдь тридцать человѣкъ противъ одного, и смѣшно бояться быть убитыми помѣшаннымъ капитаномъ, ибо тогда всѣ матросы вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ будутъ утоплены съумасшедшимъ. Вы говорите мнѣ, что не понимаете языка, не можете говорить съ людьми, но что вы все таки пойдете на палубу и будите наблюдать за тѣмъ, что тамъ происходитъ. Вы возвращаетесь ко мнѣ и говорите, что опасность возрастаетъ, такъ какъ съумашедшій все еще стоитъ у руля; однако вы все еще не теряете надежды. Будьте здоровы! Другъ мой, вы счастливѣе меня; я больше ни на что не надѣюсь» [1]).

Эта аллегорія, какъ она не продумана, не заключаетъ въ себѣ никакого указанія, что̀ слѣдуетъ предпринять противъ «помѣшаннаго капитана», стоящаго у руля. Во всякомъ случаѣ предполагалось, что молодой кормчій долженъ смѣнить его. Для этого было два пути: или запереть капитана въ его каюту и передать команду молодому кормчему, или же выбросить капитана за бортъ. Очень знаменательно замѣчаніе, что второй капитанъ, подобно остальному экипажу, находился въ крайней опасности и могъ быть брошенъ въ море помѣшаннымъ. Значитъ Новосильцевъ, недавно пріѣхавшій въ Англію, въ бесѣдѣ съ Воронцовымъ упоминалъ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XI, 380—381.

о слухахъ относительно намѣренія Павла лишить Александра правъ на престолъ и заточить въ его темницу.

Почему Воронцовъ выставляетъ себя страдающимъ морскою болѣзнью и считаетъ для себя невозможнымъ выйти на палубу и переговорить съ молодымъ кормчимъ— непонятно. Онъ уже не былъ русскимъ посланникомъ, а потому могъ свободно явиться въ Россію и настаивать на томъ, чтобы Александръ началъ рѣшительно дѣйствовать противъ отца. Вмѣсто этого, Воронцовъ требуетъ, чтобы Новосильцовъ сдѣлалъ необходимые шаги для спасенія молодого кормчаго, экипажа и груза. Отказъ Новосильцова, мотивированный незнаніемъ языка, привелъ Воронцова въ отчаяніе.

Тѣмъ временемъ двое другихъ лицъ экипажа вошли въ соглашеніе съ молодымъ кормчимъ и рѣшили устранить помѣшаннаго капитана, заперевъ его въ его каюту.

II

Происхожденіе кризиса

I. Планъ регенства

Уже въ концѣ 1797 г. въ Швеціи распространился слухъ о заговорѣ, замышляемомъ противъ императора Павла. По этому поводу посланникъ Стедингкъ писалъ королю Густаву IV: «Слухи о яко бы готовящемся здѣсь заговорѣ не заслуживаютъ вѣры. Революція въ Россіи можетъ ставить себѣ цѣлью только перемѣну личности. Но Вашему Величеству слишкомъ хорошо извѣстны расположеніе покоевъ во дворцѣ и характеръ членовъ императорской семьи, чтобы имѣть какое либо основаніе для безпокойства [1]). Можно было бы, несмотря ни на что, опасаться руки какого нибудь преступнаго якобинца, но здѣшній народъ, со-

---

[1]) „Une révolution en Russie ne peut être qu'un changement de Souverain, et elle connaît trop bien la carte du palais de l'empereur el les dispositions naturelles et acquises de tous les individus de la famille impériale pour avoir la moindre appréhension à cet égard.“ Стокгольмскій архивъ. Густавъ осенью 1796 г. былъ въ Петербургѣ и цѣлыя недѣли почти ежедневно пребывалъ въ зимнемъ дворцѣ. Въ Михайловскій дворецъ Павелъ переѣхалъ позднѣе.

зданъ для слѣпого повиновенія и безусловной покорности, а потому свободенъ и отъ деморализаціи, порождаемой подобными взрывами негодованія. Къ тому же, хотя императоръ своею строгостью и внезапностью своихъ наказаній создалъ недовольныхъ, за то онъ привлекъ къ себѣ сердца многихъ подданныхъ своею щедростью и любовью къ порядку и справедливости. Внушая всѣмъ страхъ, онъ тѣмъ самымъ защищаетъ народъ отъ несправедливостей, подъ бременемъ которыхъ онъ изнывалъ раньше» [1]).

Стедингкъ заблуждался. Павелъ всего менѣе могъ опасаться якобинцевъ. Въ словахъ шведскаго посла заключается упрекъ императрицѣ Екатеринѣ и неправильная оцѣнка мнимой популярности Павла. «Народъ» вообще не принимался въ соображеніе. Зато при Павлѣ существовали «оскорбленія» (vexations), какихъ раньше не знали. Даже Безбородко, самый осторожный и боязливый изъ русскихъ сановниковъ этого времени, жаловался въ своемъ письмѣ къ С. Р. Воронцову, въ ноябрѣ 1798 г., на нравственныя оскорбленія, какія онъ принужденъ былъ выносить отъ государя и которыя казались ему тѣмъ болѣе нестерпимы, что при Екатеринѣ онъ въ теченіе двадцати лѣтъ привыкъ видѣть только счастливыхъ и довольныхъ людей [2]).

По поводу словъ Стедингка слѣдуетъ еще замѣтить, что общее положеніе, какъ уже было сказано выше, значительно ухудшилось въ послѣдніе годы передъ катастрофой. По намекамъ шведскаго посла можно заключить, что ожидали дворцовой революціи въ узкомъ смыслѣ, и что поговаривали о заговорѣ въ самой императорской семьѣ. Со времени депеши Стедингка, отношенія обитателей дворца между собою испортились [3]). Главнымъ образомъ, какъ

---

[1]) L'empereur, s'il fait quelques mécontents par sa sévérifé et sa promptitude à punir, ne laisse pas de gagner le coeur de beaucoup de ses sujets, de quelques uns par sa libéralité et du grand nombre par son amour de l'ordre et de la justice, qui, inspirant de la crainte à tous, met le peuple à l'abri des vexations, sous lesquelles il gémissait précédemment.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XIII, 365 ff. Вскорѣ послѣ этого Безбородко умеръ.

[3]) Интересно въ этомъ отношеніи слѣдующее: Павелъ купилъ три дома, чтобы поселить тамъ княгиню Гагарину. Но при переѣздѣ

видно изъ мемуаровъ Саблукова, значительно ухудшилось положеніе Александра. Онъ выставляется удрученнымъ, боязливымъ, нерѣшительнымъ. Если бы кто-нибудь сталъ добиваться его согласія на дѣйствіе противъ Павла, то можно было ожидать, что великій князь и наслѣдникъ не совсѣмъ отрицательно отнесется къ подобнымъ совѣтамъ и увѣщаніямъ. Насколько отчаянно было положеніе, можно видѣть изъ слѣдующихъ замѣчаній Ланжерона, записанныхъ имъ въ 1826 г. послѣ бесѣды съ великимъ княземъ Константиномъ въ Варшавѣ о событіи 1801 г. Ланжеронъ пишетъ: «Есть положенія, налагающія тяжкія обязанности, исполненіе которыхъ было бы ужасно для частныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе для принца, рожденнаго на ступеняхъ престола. Александръ былъ поставленъ между необходимостью лишить престола своего отца и между увѣренностью, что послѣдній погубитъ свою страну безразсудствомъ своихъ плановъ и непослѣдовательностью своихъ дѣйствій. Сумасшествіе несчастнаго государя — ибо нельзя скрывать отъ себя, что умъ его былъ помраченъ — зашло такъ далеко, что уже больше нельзя было терпѣть, и что необходимо было пожертвовать имъ ради счастія сорока милліоновъ людей» [1]).

въ Михайловскій дворецъ любовница государя поселилась подъ спальней Павла. См. планъ Саблукова. а. а. О., 316. „A staircase, which led to the apartments of the princess Gagarin and also to those of count Kutaizoff“.

[1]) Ланжеронъ такъ начинаетъ эти замѣтки, написанныя послѣ разсказа второго сына Павла: „Dans les notes que j'ai ajoutées au récit de la conversation que j'ai eue en 1826 à Varsovie avec monseigneur le grand duc Constantin, j'ai avancé une assertion, que je suis même peut être affligé de penser, mais qui ne parait que trop vraie. J'ai dit: „Il est des positions qui imposent des obligations bien pénibles des devoirs même affreux à des particuliers, à plus forte raison à un prince né sur les marches d'un trône. Alexandre s'est trouvé entre la necessité de détrôner son père et la certitude de lui voir bientôt opérer la ruine de son empire par l'extravagance de ses proiets et par l'inconséquence de ses actions. La folie de ce malheureutx prince (car on ne peut se dissimuler qu'il avait l'esprit égaré) était parvenue à un tel degré qu'il n'y avait plus moyen de le souffrir et qu'on devait le sacrifier au bonheur de quarante millions d'hommes“. Revue Britannique, 1895, іюль, 61.—Въ разговорѣ съ Гейкингомъ Паленъ упоминалъ о двадцати милліонахъ, которымъ необходимо было устраненіе Павла;

Въ исторіи устраненія Павла слѣдуетъ различать двѣ фазы. Сначала задумано было, въ виду душевной болѣзни императора, ввести регентство, причемъ для роли регента разумѣется предназначался весьма юный, но совершеннолѣтній великій князь Александръ. Въ этой первой фазѣ главную роль игралъ графъ Панинъ. Мысль, что въ этой формѣ можно найти исходъ, тѣмъ понятнѣе, что какъ разъ въ то же время въ западной Европѣ было два совершенно аналогичныхъ случая. Въ Англіи во время болѣзни короля Георга III, управленіе дѣлами неоднократно поручалось принцу уэлльскому; въ Даніи при Христіанѣ VII съ 1784 г. регентомъ былъ будущій король Фридрихъ VI. Въ обоихъ случаяхъ это устроилось безъ препятствій и безъ насилій и оказалось полезнымъ для государства. Нужно было найти подобный же исходъ для Россіи, имѣвшей менѣе развитыя государственныя учрежденія, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, о которыхъ не могъ ни въ какомъ случаѣ думать человѣкъ такого возвышеннаго образа мыслей, какъ графъ Н. П. Панинъ. Само собою разумѣется, что рѣшеніе этой задачи въ Россіи представляло собою величайшія трудности и требовало чрезвычайной умѣлости. Весьма многое при этомъ зависѣло отъ благородства и рѣшительности наслѣдника. Не только опасность, грозившая отъ темперамента душевно-больного самодержца, но вообще весь складъ политическихъ отношеній, а также тотъ фактъ, что цѣлая группа лицъ находила для себя выгоднымъ поддерживать власть Павла, — все это привело къ тому, что планъ регентства обсуждался весьма немногими лицами въ глубокой тайнѣ и независимо отъ какихъ бы то ни было политическихъ учрежденій, такъ что пріобрѣлъ характеръ заговора. Уже потому, что во время ужаснаго царствованія Павла, всѣ, не исключая сановниковъ и членовъ императорской фамиліи, были окружены шпіонами и въ каждый данный моментъ могли быть объявлены политическими преступниками и подвергнуться соотвѣтствующей участи, такой государственный переворотъ, какой имѣлся въ виду, долженъ былъ получить характеръ интриги, из-

---

но правильна послѣдняя цыфра въ 40 милліоновъ. Народная перепись въ 1796 г. въ Россіи дала въ общемъ результатѣ 36 милліоновъ жителей

мѣны и клятвопреступленія, хотя непосвященные и не имѣли права обвинять замѣшанныхъ въ это дѣло въ подобныхъ преступленіяхъ. Дѣйствовать открыто и благородно значило бы портить все дѣло и обрекать себя на безполезное мученичество. Такимъ образомъ, никто изъ друзей и товарищей Панина по службѣ, министровъ и посланниковъ, впослѣдствіи узнавшихъ о той роли, какую онъ игралъ, нисколько не осудили его, за исключеніемъ одного только Ростопчина. Отношеніе же Александра, Маріи Өеодоровны и даже императора Николая къ Панину приводило въ крайнее негодованіе всѣхъ друзей справедливости. Въ виду этихъ обстоятельствъ и въ виду того, что при недостаточномъ знакомствѣ съ ними, Панина нерѣдко считали участникомъ убійства государя, необходимо подчеркнуть, что этотъ государственный человѣкъ, которымъ Россія можетъ гордиться, какъ однимъ изъ своихъ лучшихъ патріотовъ, не принималъ участія въ кровавомъ дѣлѣ, совершенномъ въ мартѣ 1801 г.

Дѣло приняло иной оборотъ благодаря тому, что Панинъ къ концу года былъ изгнанъ изъ столицы, и что исполненіе плана должно было быть передано въ другія руки. Если впослѣдствіи передъ великимъ княземъ Александромъ и выставлялся планъ регентства, то съ теченіемъ времени все яснѣе становилась необходимость полнаго и насильственнаго устраненія Павла, и катастрофа совершилась. Въ этой фазѣ главную роль игралъ Паленъ. На немъ тяготѣла самая тяжелая отвѣтственность за то, что произошло.

Называютъ трехъ лицъ, которые первые высказали мысль о необходимости перемѣны на престолѣ: Рибаса, Палена и Панина.

Адмиралъ Рибасъ, родомъ съ о. Мальты, доблестный офицеръ, выдвинувшійся въ послѣднюю турецкую войну при штурмѣ Измаила и участникъ основанія и постройки Одессы, находился въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ какъ съ Паленомъ, такъ и съ Панинымъ. Говорятъ, что Рибасъ первый подалъ мысль о заговорѣ противъ Павла и предлагалъ прибѣгнуть къ яду, какъ къ средству для устраненія монарха (?) [1]. Но Рибасъ умеръ раньше, чѣмъ было

---

[1]) Саблуковъ, a. a. O., 236. „Ribas first laid the foundations of the conspiracy“. Ланжеронъ въ Revue Britannique, стр. 62 говоритъ: „Ribas

приступлено къ дѣйствію. Исходила ли инидіатива, кромѣ него, отъ Палена или отъ Панина, останется вѣроятно неизвѣстнымъ. Самъ Паленъ не разъ приписывалъ себѣ первенство въ этомъ смыслѣ. Источники же Бернгарди свидѣтельствуютъ объ инициативѣ Панина. Можетъ быть есть указанія насчетъ этого въ мемуарахъ Беннигсена, которыми пользовался Бернгарди. Въ разговорѣ съ Ланжерономъ Беннигсенъ не касался этого вопроса.

Въ этомъ случаѣ данныя такъ расходятся, что мы считаемъ умѣстнымъ воспроизвести здѣсь существующіе разсказы.

Розенцвейгъ пишетъ: «Можно съ величайшей опредѣленностью сказать, что Паленъ, адмиралъ Рибасъ, графъ Панинъ и генералъ-лейтенантъ Талызинъ, командиръ преображенскихъ гвардейцевъ, уже осенью 1800 г. составили планъ свергнуть императора и возвести на престолъ великаго князя Александра. Необходимо было заручиться сочувствіемъ послѣдняго этому плану. Полагаютъ, что графъ Панинъ былъ уполномоченъ вести переговоры, и что онъ достигъ своей цѣли. Характеры молодого великаго князя и Панина служатъ ручательствомъ за то, что они не помышляли о лишеніи Павла жизни. Графъ Панинъ руководствовался чистымъ патріотизмомъ; въ продолженіи царствованія Павла онъ видѣлъ гибель Россіи и ожидалъ всего лучшаго отъ Александра. Но Панинъ попалъ въ немилость, и такимъ образомъ осуществленіе плана, еще не созрѣвшаго, было отложено. Прочіе участники заговора считали не особенно удобнымъ дѣйствовать на свой страхъ, и составитель этой записки упомянулъ объ этомъ планѣ только съ тою цѣлью, чтобы пролить свѣтъ на важный вопросъ, зналъ ли нынѣ царствующій императоръ, что затѣвалось противъ его отца. Чтобы снова вызвать заговоръ къ жизни, потребовались новыя обстоятельства» [1]). Мы видимъ, что Розенцвейгъ рѣзко разграничиваетъ двѣ фазы предпріятія противъ Павла, и въ составленіи плана регенства приписываетъ главную роль Палену.

---

avait opiné pour le poison“ (!?). То, что Панинъ былъ въ дружбѣ съ Рибасомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ „Матеріалы къ біографіи Панина“, сильно говоритъ въ пользу Рибаса.

[1]) Aus allen Zeiten und Landen, стр. 6.

Очень скоро послѣ переворота, Паленъ въ разговорѣ съ барономъ Гейкингомъ замѣтилъ, что никогда не приметъ отъ императора Александра подарка въ благодарность за это дѣло, за эту «услугу, оказанную государству и всему человѣчеству», и прибавилъ: «Графъ Панинъ, который дѣйствовалъ за одно со мною, раздѣляетъ также мои взгляды на это дѣло. Мы хотѣли заставить государя отречься отъ престола, и графъ Панинъ одобрилъ этотъ планъ. Первою нашею мыслью было воспользоваться для этой цѣли сенатомъ, но большинство сенаторовъ болваны, безъ души, безъ воодушевленія. Они теперь радуются общему благополучію, чувствуютъ его съ восторгомъ, но никогда не имѣли бы мужества и самоотверженія для совершенія добраго дѣла. Мы были можетъ быть на краю дѣйствительнаго и несравненно бо̀льшаго несчастія, а великія страданія требуютъ сильныхъ средствъ. И я горжусь этимъ дѣйствіемъ, какъ своей величайшей заслугой передъ государствомъ» и т. д. [1]).

Ясно, что, судя по словамъ Палена, самъ онъ игралъ первую, а Панинъ вторую роль. Замѣтимъ кстати, что не лишено интереса упоминаніе о сенатѣ: видно, что подымался вопросъ о произведеніи переворота на основаніи государственнаго права. Отъ содѣйствія сената вѣроятно отказались тѣмъ скорѣе, что было опасно довѣряться столь значительному количеству лицъ.

Еще больше Паленъ подчеркивалъ свою иниціативу въ 1804 г., въ Митавѣ, разсказывая о событіи 1801 г. Ланжерону. Паленъ говорилъ такъ:

«Занимая высокое положеніе и отвѣтственные посты, я находился въ числѣ лицъ, которыя всего легче могли подвергнуться грозной молніи немилости; я долженъ былъ думать о томъ, чтобы избѣжать этой опасности и освободить Россію, а можетъ быть и Европу отъ ужасовъ кроваваго и неизбѣжнаго пожара. Шесть мѣсяцевъ занимала меня мысль о необходимости свергнуть Павла съ престола; между тѣмъ эта цѣль казалась и дѣйствительно была недостижима безъ согласія и даже больше, безъ содѣйствія великаго князя Александра. Необходимо было по крайней мѣрѣ сообщить ему объ этомъ планѣ. Поэтому я зондиро-

---

[1]) Bienemann. „Aus den Tagen Kaiser Pauls“, 228.

валъ его относительно этого вопроса, сначала какъ бы невзначай и въ общихъ выраженіяхъ, довольствуясь тѣмъ, что сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о характерѣ его отца. Александръ слушалъ меня, вздыхалъ и молчалъ. Но я хотѣлъ не этого. Тогда я рѣшился сломать ледъ и открыто и прямо сообщить ему о томъ, что я считалъ необходимымъ совершить. Сначала мой проектъ какъ будто возмутилъ Александра. Онъ сказалъ мнѣ, что не обманывается относительно опасности, грозящей государству и ему самому, но что готовъ терпѣть все и не хочетъ ничего предпринимать противъ отца. Это меня не испугало, и я возобновилъ свои доводы, желая доказать великому князю неизбѣжность перемѣны. Новыя безумства, совершавшіяся ежедневно, заставляли его все яснѣе сознавать эту необходимость. Я старался возбудить самолюбіе Александра и пугалъ его альтернативой престола съ одной стороны и тюрьмы или даже смерти съ другой. Такимъ образомъ мнѣ удалось пошатнуть сыновнюю преданность Александра и добиться того, что онъ сталъ обсуждать со мной и съ Панинымъ средства для осуществленія перемѣны, неотложность которой онъ самъ не могъ скрыть отъ себя» и т. д. [1])

Этимъ даннымъ противорѣчитъ разсказъ Бернгарди, основанный на запискахъ Беннигсена и другихъ неизвѣстныхъ источникахъ. У Бернгарди читаемъ: «Вѣрно то, что заговоръ былъ затѣянъ выдающимся человѣкомъ, а именно: вицеканцлеромъ графомъ Панинымъ. Первымъ его помощникомъ былъ адмиралъ Рибасъ. Съ ранней своей юности Панинъ постоянно приходилъ въ соприкосновеніе съ государемъ. По правдѣ сказать, только такой человѣкъ, который, какъ Панинъ, съ давнихъ поръ близко стоялъ къ императорской фамиліи, могъ составить подобный планъ, для проведенія котораго необходимо было заручиться сочувствіемъ наслѣдника, великаго князя Александра; да и могъ ли осмѣлиться кто-нибудь дѣлать наслѣднику подобныя разоблаченія, кромѣ человѣка, который давно находился въ близкихъ отношеніяхъ къ семьѣ императора? Какъ могъ другому даже представиться случай для этого? Дѣйствительно, однимъ изъ первыхъ шаговъ Панина было сдѣлать

---

[1]) Revue Britannique, 1985, іюль, стр. 63—64.

разоблаченія молодому великому князю Александру; повидимому, онъ открывалъ Александру глаза еще раньше, чѣмъ соединился и сговорился съ Паленомъ. Панинъ старался привлечь на свою сторону великаго князя, говоря ему слѣдующее: благосостояніе государства и народа требуетъ, чтобы онъ, Александръ, сдѣлался соправителемъ своего отца; что народъ рѣшительно желаетъ видѣть великаго князя возведеннымъ такимъ образомъ на престолъ, и что сенатъ, какъ представитель народа (sic?), принудитъ государя, безъ вмѣшательства великаго князя въ это дѣло, признать Александра своимъ соправителемъ. Великій князь, ежедневно подвергавшійся оскорбленіямъ отца и постоянно, подобно прочимъ, находившійся въ страхѣ, сначала ничего и слышать не хотѣлъ ни о чемъ подобномъ и отвѣчалъ отрицательно, хотя и не настолько рѣшительно, чтобы разъ на всегда прекратить разговоръ на эту тему; и такъ какъ во время многочисленныхъ бесѣдъ объ этомъ предметѣ, Александръ весьма скоро сознавалъ необходимость перемѣны, то можно было разсчитывать и на его окончательное согласіе» [1]).

Въ позднѣйшемъ своемъ историческомъ сочиненіи Бернгарди еще опредѣленнѣе говоритъ объ участіи Панина и Палена въ заговорѣ. Тамъ мы находимъ слѣдующее мѣсто: «Разумѣется, Панинъ не могъ говорить съ Александромъ ни о чемъ иномъ, какъ о необходимости устранить сумасшедшаго государя отъ управленія страною, о необходимости заставить его отречься отъ престола или же назначить наслѣдника своимъ соправителемъ и отказаться отъ власти въ прежней формѣ. Великій князь Александръ, видя, что расширяется кругъ заговорщиковъ, какъ ихъ скоро пришлось называть, постоянно требовалъ повторенія обѣщанія, что съ отцомъ его ничего дурного не случится... Совершенно правильно графъ Панинъ понялъ, что прежде всего и прежде, чѣмъ вербовать другихъ сторонниковъ, нужно привлечь на свою сторону и вовлечь въ союзъ министра полиціи, петербургскаго генералъ-губернатора графа Палена. Подъ его покровительствомъ союзъ могъ развиваться сравнительно безопасно и готовиться къ дѣлу. Мнѣніе Панина,

---

[1]) Historische Zeitschrift, 146—147.—Bernhardi. „Geschichte Russlands“, II, 2, 423.

что можно разсчитывать на Палена очень характерно для тогдашняго положенія вещей въ Россіи. Ибо Паленъ, возведенный Павломъ въ графское достоинство и богато надѣленный имѣніями, находился въ то время въ особенной милости у государя и пользовался его особеннымъ довѣріемъ. Но именно поэтому онъ считалъ положеніе свое невѣрнымъ, такъ какъ долженъ былъ непосредственно подвергаться невмѣняемымъ настроеніямъ Павла, и онъ сознавалъ, что бѣда можетъ стрястись надъ нимъ ежедневно. На Палена часто указывали, какъ на зачинщика заговора противъ Павла, но онъ не былъ и не могъ быть таковымъ, такъ какъ не находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ Александромъ, безъ чего подобная роль была совершенно немыслима. Но Панинъ не ошибся въ Паленѣ; послѣдній тотчасъ же согласился на предложенный планъ и, такъ какъ онъ превосходилъ энергіей и умомъ всѣхъ союзниковъ, и благодаря своему служебному положенію, могъ привести въ исполненіе планъ или погубить заговорщиковъ, то ему удалось захватить все дѣло въ свои руки, такъ что даже Панинъ оказался отодвинутымъ на задній планъ, а всѣ прочіе были лишь орудіями въ рукахъ Палена» [1]).

Вопросъ о томъ, кто первый составилъ планъ государственнаго переворота, въ сущности не важенъ. Важнѣе выяснить, Панинъ или Паленъ пытались воздѣйствовать на великаго князя Александра. По мнѣнію хорошо освѣдомленныхъ современниковъ, это былъ Панинъ. Такъ, напр., послѣ паденія Панина при Александрѣ I, графъ Кочубей писалъ графу Воронцову: «Какъ вамъ извѣстно, Панинъ первый говорилъ съ нынѣшнимъ императоромъ о необходимости регентства» [2]). На основаніи устныхъ разсказовъ императора Александра, Чарторыскій сообщаетъ въ своихъ запискахъ: «Графы Панинъ и Паленъ, иниціаторы заговора, были въ то время самыми сильными головами въ странѣ,

---

[1]) „Geschichte Russlands", II, 2, 424—425. Бернгарди не принимаетъ во вниманіе того важнаго обстоятельства, что за три-четыре мѣсяца до катастрофы, Панинъ былъ высланъ изъ Петербурга, и уже по этой причинѣ не могъ имѣть вліянія на дѣло.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 245—246.

въ правительствѣ и при дворѣ. Они были болѣе дальновидны, чѣмъ другіе совѣтники Павла. Они сговорились между собою и взялись привлечь великаго князя Александра къ участію въ ихъ планѣ. Въ самомъ дѣлѣ, люди разсудительные, понимавшіе послѣдствія столь опаснаго предпріятія и заботившіеся о своей собственной безопасности не могли ни на что рѣшиться безъ предварительнаго согласія наслѣдника. Опрометчивые и отважные энтузіасты можетъ быть поступили бы иначе. Если бы они не впутывали сына въ дѣло сверженія отца съ престола, а принесли бы себя въ жертву, обрекая себя на вѣрную смерть, то оказали бы Россіи и ея новому властелину большую услугу; на послѣдняго тогда не пало бы и тѣни преступленія, столь часто совершаемаго въ Россіи; зато, конечно, выполненіе плана въ такомъ случаѣ [1]) было бы почти невозможно. Для этого нужна была бы безумная смѣлость и добродѣтель, доведенная до апогея, а это встрѣчается рѣдко. Генералъ Паленъ, который, какъ петербургскій губернаторъ, легко могъ приходить въ соприкосновеніе съ великимъ княземъ, добился у него для графа Панина тайной аудіенціи. Первая встрѣча произошла въ банѣ. Панинъ въ этотъ разъ нарисовалъ великому князю картину общаго злополучія и изобразилъ тѣ еще большія несчастія, какихъ можно ожидать въ томъ случаѣ, если будетъ продолжаться царствованіе Павла. Онъ указалъ великому князю на то, что его священная обязанность передъ родиной—воспрепятствовать тому, чтобы милліоны подданныхъ приносились въ жертву прихотямъ и безумію одного человѣка, хотя бы человѣкъ этотъ былъ его отецъ. Онъ указалъ и на то, что жизнь или по крайней мѣрѣ свобода императрицы, матери Александра, а также жизнь и свобода самого Александра и всей семьи, находятся въ опасности, вслѣдствіе необъяснимаго отвращенія государя къ своей супругѣ, съ которой онъ совершенно разошелся. Панинъ не скрылъ отъ Александра, что опасность возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и что въ каждый данный моментъ дѣло можетъ дойти до самыхъ неслыханныхъ и жестокихъ насилій, и что поэтому необходимо низложить государя (le déposer), воспрепятствовать ему творить еще худшее зло

[1]) Т. е. вѣроятно, безъ согласія Александра.

надъ страной и надъ своими близкими; затѣмъ необходимо позаботиться о томъ, чтобы создать государю спокойную и счастливую жизнь, которая дастъ ему возможность пользоваться всѣми удовольствіями и всѣми преимуществами, какія только возможны, безъ тѣхъ опасностей, какимъ онъ теперь подвергается; Панинъ заключилъ увѣреніемъ, что счастье Россіи находится въ рукахъ великаго князя, и что нужно рѣшить, окажетъ-ли онъ, наслѣдникъ, свое содѣйствіе тѣмъ людямъ, которые во что бы то ни стало хотятъ спасти государство и династію.—Эта первая бесѣда потрясла великаго князя, не вынудивъ у него рѣшенія. Потребовалось болѣе шести мѣсяцевъ настойчивыхъ стараній, чтобы вырвать у великаго князя согласіе на дѣло, предпринимаемое противъ его отца. Паленъ весьма ловко заставилъ дѣйствовать сначала графа Панина, какъ самаго осторожнаго и въ то же время самаго талантливаго оратора; были пущены въ ходъ всѣ доводы, которые могли подѣйствовать на душу молодого великаго князя, чтобы вынудить у него рѣшеніе принять участіе въ дѣлѣ, столь сильно идущемъ въ разрѣзъ съ его чувствами. Когда Панинъ впослѣдствіи былъ высланъ въ Москву, Паленъ самъ взялся вліять на великаго князя и уговорить его. Онъ дѣйствовалъ намеками, понятными одному Александру, и притомъ подъ видомъ военной откровенности, что́ свидѣтельствовало объ оригинальномъ краснорѣчіи этого генерала. Между тѣмъ Панинъ былъ высланъ—не потому, что открыта была его тайна, а вслѣдствіе одного изъ частыхъ, необъяснимыхъ приступовъ подозрительности, свойственныхъ характеру Павла. Паленъ остался одинъ ни своемъ посту и при своемъ намѣреніи, и ему наконецъ удалось вырвать у великаго князя согласіе на выполненіе своего плана. Пока Панинъ жилъ въ Москвѣ, все дѣло находилось въ рукахъ Палена и Зубовыхъ, которые одни были посвящены въ тайну» [1]).

Изъ этихъ разсказовъ Чарторыскаго, основанныхъ на устныхъ сообщеніяхъ Александра, совершенно ясно, что переговоры съ великимъ княземъ велъ сначала Панинъ, а потомъ Паленъ, и что первый главнымъ образомъ старался добиться отъ наслѣдника одобренія плана регентства. За

---

1) Czartoryski „Mémoires“, 233—236, 242.

этотъ планъ Александръ держался до послѣдняго времени, какъ видно, между прочимъ изъ дальнѣйшаго сообщенія Чарторыскаго: «Какъ только разговоръ возвращался къ этому плачевному предмету», говоритъ онъ, «императоръ Александръ повторялъ детали плана, касающагося его отца: Павелъ долженъ былъ бы по прежнему жить въ Михайловскомъ дворцѣ и пользоваться загородными царскими дворцами. Михайловскій дворецъ, по словамъ Александра, былъ любимымъ мѣстопребываніемъ Павла; тамъ онъ чувствовалъ себя хорошо, тамъ находился его зимній садъ, тамъ онъ могъ даже ѣздить верхомъ. Александръ хотѣлъ тамъ выстроить для своего отца манежъ и театръ; онъ воображалъ, что въ такомъ уединеніи Павелъ будетъ имѣть все, что только можетъ доставить ему удовольствіе, и что онъ будетъ тамъ доволенъ и счастливъ. Онъ судилъ о своемъ отцѣ по своимъ собственнымъ склонностямъ» [1]).

Такимъ образомъ, благодаря сообщеніямъ Александра, мы можемъ хоть отчасти заглянуть въ содержаніе тайныхъ переговоровъ, происходившихъ осенью 1800 года. Можно предполагать, что эти переговоры начались приблизительно въ сентябрѣ, такъ какъ, по словамъ Чарторыскаго, Александръ шесть мѣсяцевъ не давалъ своего согласія, а катастрофа произошла въ мартѣ. Ясно, что то, что случилось, не соотвѣтствовало плану, выработанному Александромъ сообща съ Панинымъ и Паленомъ. Въ своей депешѣ къ королю Густаву IV отъ 3/15 іюля 1802 г. Стедингкъ замѣчаетъ: «Панинскій проектъ революціи противъ покойнаго императора былъ въ извѣстномъ смыслѣ составленъ съ согласія нынѣ царствующаго императора и отличался большою умѣренностью. Онъ задавался цѣлью отнять у Павла правительственную власть, оставивъ ему однако представительство верховной власти, какъ мы это видимъ въ Даніи [2]). Такимъ образомъ, когда государь послѣ рокового событія въ первый разъ увидѣлся съ графомъ Панинымъ, онъ об-

---

[1]) Czartoryski. „Mémoires", 261—262.

[2]) Дѣйствительно, въ Даніи король Христіанъ VII во время регентства своего сына Фридриха принималъ посланниковъ въ торжественной аудіенціи. Такъ, напр., объ аудіенціи французскаго посланника Макдональда въ іюлѣ 1801 г., см. сообщеніе Лисакевича въ „Матеріалахъ къ біографіи Панина", VI, 145.

нялъ его со слезами на глазахъ и сказалъ ему: «Къ сожалѣнію, дѣло приняло иной оборотъ, чѣмъ мы предполагали» [1]).

О тайныхъ встрѣчахъ Александра съ Панинымъ осенью 1800 г. мы узнаемъ и изъ другихъ источниковъ. Къ запискамъ Розенцвейга, воспроизведеннымъ въ сочиненіи «Geheime Geschichten» издатель дѣлаетъ примѣчаніе въ низу страницы. Оно гласитъ: «Въ это время, которое слѣдуетъ отнести къ ноябрю 1800 г., графъ Панинъ часто имѣлъ тайныя совѣщанія съ великимъ княземъ Александромъ. Чтобы облечь ихъ въ глубочайшую тайну, они по ночамъ сходились въ соединительныхъ галлереяхъ подвальнаго этажа. Однажды вечеромъ, графу Панину, который вышелъ изъ своего дома одинъ и пошелъ пѣшкомъ, показалось, что за нимъ наблюдаетъ и даже слѣдуетъ шпіонъ. Чтобы избавиться отъ него, Панинъ зашелъ въ нѣсколько мѣстъ въ городѣ, и наконецъ вошелъ въ одинъ изъ входовъ упомянутыхъ подваловъ. Онъ ускорилъ свои шаги, направляясь невѣрнымъ шагомъ къ мѣсту свиданія, слабо освѣщенному свѣтомъ немногихъ лампъ, и вдругъ почувствовалъ на своемъ плечѣ чью-то руку. Онъ уже думалъ, что его арестуютъ, но затѣмъ узналъ великаго князя Александра, который уже нѣкоторое время ожидалъ его».

«Эти детали», прибавляетъ издатель «Geheime Geschichten», сообщены составителю этихъ записокъ самимъ графомъ Панинымъ, умершимъ въ началѣ 1837 г.» [2]).

---

[1]). Стокгольмскій архивъ. О сердечномъ пріемѣ Панина Александромъ тотчасъ послѣ переворота см. „Матеріалы къ біографіи Панина“, VI, 3 V.

[2]) Въ журналѣ „Aus allen Zeiten und Landen“, гдѣ воспроизведены мемуары Розенцвейга, анекдотъ этотъ отсутствуетъ. Приводимый далѣе разсказъ о томъ, какъ Паленъ чуть было не былъ накрытъ Павломъ, помѣщенъ въ „Geheime Geschichten“ также въ качествѣ сообщенія Панина. Эпизодъ со встрѣчей въ подвалѣ разсказанъ по этому же источнику у Крузенстольпе „Der russische Hof von Peter I bis auf Nicolaus I“ (Hamburg, 1856, III, 343). По устному преданію, сохранившемуся въ семьѣ Паниныхъ, графъ Панинъ, думая, что его преслѣдуетъ шпіонъ, вдругъ обернулся и только тогда узналъ великаго князя, когда послѣдній смертельно испугался его движенія, производившаго такое впечатлѣніе, будто графъ вынимаетъ шпагу. Говорятъ, что Панинъ, разсказывая объ этомъ эпизодѣ, склоненъ былъ предполагать, что возникшая впослѣдствіи не-

Слѣдующій разсказъ Палена въ разговорѣ съ Ланжерономъ (1804 г.) также бросаетъ лучъ свѣта на тайныя отношенія Панина къ великому князю Александру. Вотъ этотъ разказъ:

«Государю внушено было подозрѣніе относительно моихъ сношеній съ великимъ княземъ Александромъ. Мы знали объ этомъ. Я не смѣлъ показываться у молодого наслѣдника; мы не осмѣливались долго говорить другъ съ другомъ, хотя намъ и приходилось сталкиваться изъ за нашего служебнаго положенія. Поэтому мы сообщали другъ другу наши соображенія о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять, при помощи записокъ, передаваемыхъ въ собственныя руки. Это было, признаюсь, не умно и опасно, но было неизбѣжно. Передача такихъ записокъ происходила черезъ графа Панина; великій князь Александръ отвѣчалъ также черезъ Панина; мы (Паленъ и Панинъ) читали эти записки, отвѣчали на нихъ и тутъ же сжигали.—Однажды, въ прихожей государя, Панинъ передалъ мнѣ записку великаго князя; я какъ разъ долженъ былъ войти въ комнату государя. Я думалъ, что еще успѣю прочесть записку, отвѣтить на нее и сжечь ее, какъ вдругъ Павелъ неожиданно вышелъ изъ своей спальни, увидѣлъ меня, позвалъ и потащилъ въ свой кабинетъ, заперевъ за собою дверь. Я едва успѣлъ спрятать записку великаго князя въ правый карманъ сюртука. Государь говорилъ о совершенно безразличныхъ вещахъ; онъ былъ въ тотъ день въ хорошемъ настроеніи; весело шутя, онъ вдругъ вздумалъ запустить руки въ мои карманы, говоря: «Я хочу посмотрѣть, что у васъ тамъ, можетъ быть какой нибудь billet doux?»—Ну любезный Ланжеронъ, продолжалъ свой разсказъ Паленъ, вы знаете, что я не трусливъ и не легко теряю присутствіе духа; но признаюсь, что если бы въ эту минуту мнѣ стали пускать кровь, то изъ жилъ моихъ не вытекло бы ни единой капли».

«Какъ же вы избѣгли этой опасности?» спросилъ Ланжеронъ, слушавшій съ величайшимъ напряженіемъ.

«Очень просто», возразилъ Паленъ. Я сказалъ госу-

пріязнь Александра къ нему быть можетъ основана была на тяжеломъ впечатлѣніи, оставленномъ этой сценой.

дарю: «Что вы дѣлаете, ваше величество? Оставьте это. Вы терпѣть не можете табаку, а я очень много его нюхаю, мой платокъ весь въ табакѣ. Вы испачкали бы себѣ руки и сами пропахли бы этимъ противнымъ запахомъ». Онъ принялъ руки и сказалъ: «Фу, какая гадость! Вы правы!» Такъ я выпутался изъ бѣды» [1]).

Здѣсь, какъ вообще, мы получаемъ впечатлѣніе, что Паленъ склоненъ приписывать графу Панину второстепенную роль въ дѣлѣ переговоровъ о планѣ регентства. Панинъ въ его разсказѣ является въ роли скромнаго передавателя писемъ, служа орудіемъ Палена. Полагали даже, что лѣтомъ 1799 г. Паленъ былъ виновникомъ назначенія Панина вице-канцлеромъ и отозванія его съ его дипломатическаго поста въ Берлинѣ, такъ какъ Панинъ былъ нуженъ Палену въ Петербургѣ для приведенія въ исполненія своего плана относительно Павла [2]). Такія вещи должны считаться совершенно невѣроятными. Какъ друзья Панина, такъ и самъ онъ, изобразили роль его въ этомъ дѣлѣ совершенно иначе. Его воззрѣнія значительно отличались отъ взглядовъ Палена, и несомнѣнно, что осенью 1800 г. Панинъ пользовался довѣріемъ великаго князя Александра. Во всякомъ случаѣ, Панинъ въ своихъ воззрѣніяхъ на способъ устраненія Павла былъ вполнѣ солидаренъ съ великимъ княземъ.

Графъ Воронцовъ писалъ Панину изъ Соутгамптона 6/18 мая 1801 г., т. е. тотчасъ послѣ катастрофы: «Для Россіи—несчастіе, что вы были въ отсутствіи при вступленіи на престолъ императора Александра. Начало этого царствованія носило бы совершенно иной характеръ» и т. д. Панинъ отвѣчалъ 11-го іюня съ своей дачи близъ Петербурга. «Не знаю, было ли бы мое присутствіе здѣсь въ моментъ вступленія на престолъ императора Александра полезно этому прекрасному государю; но вѣрно то, что я съ опасностью для моей собственной жизни сопротивлялся бы позорнымъ дѣламъ, совершеннымъ погрязшей въ порокахъ разбойничьей бандой» [3]).

---

[1]) Revue Britannique, іюль 1895, 62—63.

[2]) Мемуары Гейкинга. „Aus den Tagen Pauls", стр. 187.

[3]) „Матеріалы къ біографіи Панина", VI, 463 и 483.

После того, какъ Панинъ впалъ въ немилость и какъ съ нимъ совершенно несправедливо обошлись, словно съ преступникомъ, онъ въ нѣсколькихъ оправдательныхъ запискахъ, обращенныхъ къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, къ императору Александру и къ императору Николаю, откровенно упоминаетъ о той роли, какую онъ игралъ осенью 1800 г. въ дѣлѣ составленія плана регентства. Повторяя всякій разъ свое требованіе судебнаго изслѣдованія своего образа дѣйствій, онъ все время подчеркивалъ, что его взгляды и планы встрѣчали сочувствіе со стороны Александра. Въ запискахъ Панина, составленныхъ въ началѣ 1826 г., читаемъ между прочимъ: «Правда, что въ моихъ рукахъ находится автографъ [1]), который самымъ яснымъ образомъ показываетъ, что все придуманное и предложенное мною за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины императора Павла для блага государства, было санкціонировано его сыномъ. Я никогда не употреблю этого средства для оправданія себя передъ вдовствующей императрицей, такъ какъ этотъ документъ можно истолковать неблагопріятнымъ образомъ для императора Александра, и я рѣшился въ лицѣ этого государя, который не понялъ меня, почтить материнскую любовь и за гробомъ, даже въ самыхъ ея заблужденіяхъ. Къ тому же, вдовствующей императрицѣ вовсе не нужно читать этого письма, чтобы убѣдиться, что мои отношенія къ покойному императору Александру до его вступленія на престолъ не могутъ безъ вопіющей несправедливости служить поводомъ для того обращенія, какому я подвергаюсь. Мое назначеніе министромъ [2]) и довѣріе, какого удостаивалъ меня императоръ Александръ, въ достаточной мѣрѣ доказываютъ, что жестокость, съ которою онъ обошелся со мною четырьмя годами позднѣе, не могли имѣть основанія въ поступкѣ, совершенномъ мною до его царствованія» и т. д. [3]).

---

[1]) Александра.

[2]) Тотчасъ послѣ переворота.

[3]) См. „Матеріалы къ біографіи Панина“, VII, стр. 231—232. Панинъ заблуждался. Хотя взгляды и планы Панина пользовались полнымъ сочувствіемъ Александра, послѣдній имѣлъ къ нему непріязнь изъ за плана регентства, какъ мы покажемъ ниже.

Въ другихъ случаяхъ Панинъ также торжественно объявлялъ, что можетъ предъявить переписку съ великимъ княземъ Александромъ, доказывающую, что то, что̀ онъ, Панинъ, хотѣлъ предпринять для спасенія государства отъ вѣрной гибели, что планъ регентства далъ ему право на уваженіе и довѣріе Александра, и что его немыслимо дѣлать отвѣтственнымъ за происшедшее позднѣе, во время его отсутствія изъ Петербурга, потому, что приведеніе плана въ исполненіе было поручено недостойнымъ рукамъ. Самымъ рѣшительнымъ образомъ Панинъ протестовалъ противъ того, чтобы его смѣшивали съ убійцами Павла.

Такимъ образомъ, для императора Павла оказалось гибельнымъ то, что онъ съ графомъ Панинымъ обошелся такъ же безцеремонно и грубо, какъ со многими другими чиновниками. 15-го ноября Панинъ лишился мѣста вице-канцлера, а во второй половинѣ декабря былъ сосланъ въ свои имѣнія.

2. Перемѣна лицъ

Много способствовало гибели Павла его злополучное обыкновеніе въ припадкахъ дурного настроенія или злобнаго раздраженія обращаться съ сановниками, выдающимися военными, друзьями и довѣренными лицами, какъ съ лакеями, и нетолько внезапно лишать ихъ должностей, но и прогонять, наказывать, ссылать, а затѣмъ тотчасъ снова оказывать имъ милости. Не было рѣшительно никого, кому онъ всегда довѣрялъ бы, и кто съ своей стороны могъ бы полагаться на государя. Полное одиночество, вызываемое исключительно высокимъ положеніемъ Павла, мѣшало возникновенію какой бы то ни было постоянной привязанности. Павелъ былъ и оставался одинокимъ, не имѣя своей партіи, не имѣя связей съ людьми, которыя были бы представителями извѣстнаго политическаго образа мыслей. Не было также и тѣни такой группы, которая могла бы быть солидарна съ Павломъ. О томъ, чтобы цѣнить заслуги государственныхъ людей, дѣйствовавшихъ въ его царствованіе, со стороны Павла не могло быть и рѣчи. Презрѣніе къ людямъ, недовѣріе ко всѣмъ, полное непониманіе интересовъ окружающихъ его людей—вотъ какими чертами отли-

чался его образъ дѣйствій по отношенію къ министрамъ, придворнымъ, генераламъ, посланникамъ и т. д.

Такимъ образомъ могло случиться, что къ концу царствованія Павла удалены были отъ него тѣ, кто могъ бы защитить его отъ преступленія, подготовляемаго Паленомъ, или не допустить этого преступленія. Удаленъ былъ между прочимъ и Панинъ, который въ 1788—1790 г.г. пользовался своего рода дружескими довѣріемъ Павла, но котораго тотъ же Павелъ, сдѣлавшись императоромъ, ненавидѣлъ и преслѣдовалъ, пользуясь, однако, его услугами въ самыхъ важныхъ дѣлахъ. Точно также незадолго до катастрофы, должны были удалиться отъ двора Ростопчинъ и Аракчеевъ, люди, по своей натурѣ и по кругу своихъ интересовъ склонные потакать сумасброднымъ склонностямъ Павла. Врядъ ли можно сомнѣваться, что въ число отверженныхъ безумцемъ попалъ бы и Паленъ, если бы Павелъ остался на тронѣ и сохранилъ жизнь. Слѣпой случай повидимому былъ причиной того, что Паленъ остался при своихъ должностяхъ, и этотъ главный заговорщикъ съумѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, а также удаленіемъ вышеупомянутыхъ лицъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ. Для этого необходимо было содѣйствіе извѣстнаго количества лицъ, какъ, напр., Беннигсена и братьевъ Зубовыхъ, временному удаленію которыхъ изъ столицы Паленъ положилъ конецъ, благодаря своему вліянію,

Какъ быстро слѣдовали другъ за другомъ самое безцеремонное изгнаніе и столь же внезапная милость и возвращеніе высокихъ сановниковъ, показываетъ примѣръ графа Панина, который около года (1799—1800) въ качествѣ вице-канцлера вмѣстѣ съ Ростопчиннымъ стоялъ во главѣ вѣдомства внѣшней политики.

Въ ноябрѣ 1800 г. Панинъ поколебался подписать нелѣпое распоряженіе, которое должно было привести Россію къ разрыву съ Англіей. Благодаря перлюстраціи одной депеши прусскаго посланника Лузи, Павелъ и Ростопчинъ узнали, что Панинъ не одобрялъ наложенія Embargo на англійскіе корабли, конфискаціи англійскихъ товаровъ и т. д. [1]).

---

[1]) Подробности см. въ письмѣ Муравьева-Апостола къ Воронцову отъ 17 февраля 1801 г. въ архивѣ князя Воронцова, XI, 161—167.

Этого было достаточно для того, чтобы лишить Панина его поста. Въ неблагородной формѣ и не по товарищески, Ростопчинъ сообщилъ графу о томъ, что онъ уволенъ. Такъ какъ Панинъ въ этотъ самый день давалъ обѣдъ членамъ дипломатическаго корпуса и уже не могъ отмѣнить его, то онъ условился съ Ростопчинымъ, что сообщенiе посланникамъ о его увольненiи сдѣлано будетъ послѣ этого обѣда. Тѣмъ не менѣе Павелъ въ разговорѣ съ Паленомъ порицалъ Панина за то, что онъ, будучи «римляниномъ» (т. е. человѣкомъ съ независимымъ характеромъ), былъ такъ мало удрученъ своимъ увольненiемъ, что способенъ былъ давать обѣдъ. Государь освѣдомлялся, веселъ ли Панинъ, не собирается ли онъ дать балъ и т. п. [1]). Вслѣдъ затѣмъ Панину сдѣланъ былъ намекъ, что ему, какъ члену московскаго отдѣленiя сената, слѣдовало бы отправиться въ первопрестольную столицу; а три дня спустя онъ былъ сосланъ въ свое смоленское имѣнiе. Послѣ этого было вскрыто письмо нѣкоего Приклонскаго, гдѣ Панинъ сравнивался съ Цинциннатомъ. Ростопчинъ по ошибкѣ донесъ государю, что авторъ этого письма—Панинъ, и что онъ назвалъ Цинциннатомъ другого изгнанника, князя Репнина. Началось слѣдствiе, пошли допросы. Въ слѣпой ярости Павелъ грозилъ сослать графа Панина въ еще болѣе отдаленныя мѣста [1]). Совершенно невинныя частныя письма Панина къ его сестрѣ раздувались въ преступленiя, изъ нихъ умудрялись вычитывать такiя вещи, которыхъ тамъ совсѣмъ не было, и совершенно невинныя выраженiя истолковывались, какъ шифрованный шрифтъ [2]). Ростопчинъ, управлявшiй почтовымъ вѣдомствомъ и приказывавшiй распечатывать письма, игралъ роль доносчика до тѣхъ поръ, пока наконецъ государь самъ не убѣдился, что тутъ произошелъ рядъ ошибокъ и недоразумѣнiй. Настроенiе тогда совершенно измѣнилось въ пользу Панина, и 16/27 февраля ссылка его была отмѣнена и онъ получилъ позволенiе жить по своему усмотрѣнiю

---

[1]) См. письмо Павла къ московскому генералъ-губернатору графу Салтыкову, въ „Матерiалахъ къ бiографiи Панина“ V, 650.

[2]) Панинъ говорилъ о своей теткѣ; полагали, что онъ имѣетъ въ виду государя. „Благодѣянiя“ тетки, какъ полагали, означаютъ ничто иное, какъ „преслѣдованiя“ Павла и т. п.

въ Москвѣ или въ Петербургѣ; рѣшеніе это надѣлало шуму и было принято большинствомъ съ величайшею радостью [1]).

Одновременно съ этимъ высланъ былъ Ростопчинъ. Изгнаніе его повидимому было обусловлено его низкимъ образомъ дѣйствій въ дѣлѣ мнимыхъ измѣнъ, якобы открытыхъ въ письмахъ Панина [2]). Оба противника, Ростопчинъ и Панинъ, получили извѣстіе о катастрофѣ съ Павломъ, когда находились вдали отъ столицы. Паленъ, уже занимавшій постъ петербургскаго губернатора и шефа тайной полиціи, теперь былъ назначенъ вмѣсто Ростопчина министромъ иностранныхъ дѣлъ и управляющимъ почтовымъ вѣдомствомъ.

Аракчеевъ былъ также удаленъ Павломъ къ его же собственному несчастію, въ минуту внезапнаго каприза, со всѣми признаками немилости. Тѣмъ болѣе свободы дѣйствій имѣлъ Паленъ, который, однако, находился въ не меньшей опасности, чѣмъ другія удаленныя Павломъ лица. Говорятъ, что передъ самой катастрофой, Паленъ предвидѣлъ свое паденіе въ ближайшемъ будущемъ. Розенцвейгъ пишетъ: «Паленъ не думалъ бы о смѣнѣ монарха, если бы не былъ убѣжденъ, что благодаря непостоянству императора, ему самому рано или поздно предстоитъ паденіе, и что, чѣмъ выше его положеніе, тѣмъ ниже ему придется пасть. Къ тому же, онъ лучше чѣмъ всѣ другіе зналъ, что государь страдаетъ припадками бѣшенства, которые дѣлали его совершенно съумасшедшимъ». «Государь», разсказываетъ Розенцвейгъ дальше, «отправилъ курьера къ Аракчееву, чтобы вызвать его въ Петербургъ. Паленъ задержалъ курьера на столько времени, чтобы Аракчеевъ опоздалъ, если событія

---

1) См. письмо Муравьева къ Панину отъ 18 февраля 1801 г. въ „Матеріалахъ къ біографіи Панина“, V, 673.

2) Бернгарди говоритъ въ „Historische Zeitschrift, III, 144, объ интригѣ Кутайсова, направленной противъ Ростопчина. О ней намъ мало извѣстно. Біографъ Ростопчина, Ségur, Vie du comte de Rostoptchine, Paris, 1870, стр. 80, заявляетъ, что причина ссылки ему неизвѣстна. Исторія съ письмами Панина и клеветы на него очень подробно разсказывается въ опроверженіи сочиненія Масона, написанномъ Коцебу, См. „Матеріалы къ біографіи Панина“, V, 646—648. Павелъ, говорятъ, въ негодованіи воскликнулъ: „Ростопчинъ чудовище; онъ поплатится за свои подвохи и т. д.

будутъ сколько нибудь ускорены. Лишь послѣ этого Паленъ сообщилъ главарямъ заговора, что государь хочетъ лишить его должности петербургскаго генералъ-губернатора. Онъ разъяснилъ имъ, что немилость къ нему будетъ имѣть послѣдствіемъ нетолько неудачу ихъ плана, но вѣроятно и открытіе заговора, и что наконецъ скорое прибытіе Аракчеева не позволяетъ ни отложить, ни отмѣнить задуманнаго. Тогда исполненіе плана было назначено на ночь съ 11/23 на 12/24 марта» [1]).

Кто же стоялъ во главѣ заговора, кромѣ Палена, послѣ смерти Рибаса и изгнанія Панина? Прежде всого, слѣдуетъ назвать братьевъ Зубовыхъ и генерала Беннигсена. Самъ Паленъ въ разговорѣ своемъ съ Ланжерономъ даетъ важныя указанія относительно того, какимъ образомъ ему удалось сдѣлать ихъ исполнителями своего плана. Приводимъ разсказъ Палена.

«Когда великій князь Александръ рѣшился дѣйствовать заодно со мною, выиграно было много, но не все. Правда, онъ ручался мнѣ за содѣйствіе своего полка, а именно семеновскаго, въ которомъ было нѣсколько очень рѣшительныхъ офицеровъ; но это были молодые люди, неразумные, неопытные, безъ необходимаго для такого дѣла и испытаннаго мужества. Въ моментъ исполненія плана они могли погубить все дѣло своею слабостью, легкомысліемъ или недостаточною скрытностью. Я долженъ былъ желать содѣйствія людей болѣе солидныхъ, чѣмъ эта банда вѣтрогоновъ (tourbe de freluquets). Я хотѣлъ имѣть возможность полагаться на друзей, мужество и энергія которыхъ были бы мнѣ извѣстны. Нужно было привлечь такихъ людей, какъ Беннигсенъ и Зубовы. Но какъ мнѣ было устроить, чтобы они пріѣхали въ Петербургъ? Они находились въ ссылкѣ и въ немилости, и я не могъ найти предлога для того, чтобы положить конецъ ихъ изгнанію. Тогда я придумалъ слѣдующее:

Я рѣшился воспользоваться одной изъ свѣтлыхъ минутъ (un moment lucide) государя, такъ какъ ему можно

---

[1]) Aus allen Zeiten und Landen, стр. 4 и 10. По матеріаламъ Бернгарди въ послѣдній моментъ также грозило прибытіе Аракчеева и Линденера. См. Historische Zeitschrift, III, 153.

было сказать все, что угодно, чтобы возбудить его сострадание къ печальной судьбѣ офицеровъ, исключенныхъ изъ службы. Я изобразилъ ему отчаянное положеніе несчастныхъ, удаленныхъ изъ своихъ полковъ, высланныхъ изъ столицъ, лишенныхъ возможности продолжать свою карьеру, неувѣренныхъ въ безопасности своего существованія и погибающихъ въ горѣ и несчастіи, хотя вина ихъ была незначительна и простительна. Я зналъ, что Павелъ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ дѣйствовалъ сгоряча; я надѣялся, что мнѣ удастся уговорить его совершить поступокъ, который я изобразилъ ему какъ дѣло великодушія. Я бросился къ его ногамъ. Онъ былъ не прочь отъ романтизма, почувствовалъ себя великодушнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ не зная мѣры (extrême). Черезъ два часа послѣ нашего разговора, двадцать курьеровъ было разослано во всѣ стороны государства, чтобы вернуть въ Петербургъ всѣхъ тѣхъ, кто былъ уволенъ или исключенъ изъ службы. Распоряженіе объ этомъ государь лично продиктовалъ мнѣ.

Такимъ образомъ я могъ съ увѣренностью разсчитывать на двѣ вещи: во первыхъ на то, что при мнѣ будутъ Беннигсенъ и Зубовы, которые были мнѣ необходимо нужны, а во вторыхъ на то, что возрастетъ общее раздраженіе противъ императора. Я зналъ его нетерпѣливую бурную натуру; я зналъ, что онъ всегда перескакивалъ отъ одного настроенія къ противоположному и принималъ самыя противорѣчивыя рѣшенія. Я зналъ, что первые изъ вернувшихся военныхъ сначала встрѣтятъ со стороны государя хорошій пріемъ, но что затѣмъ очень скоро послѣдуетъ непріязнь къ нимъ и къ другимъ, прибытіе которыхъ ожидалось. Все произошло совершенно такъ, какъ я ожидалъ. Каждый день эти несчастные прибывали сотнями. О прибытіи ихъ къ шлагбаумамъ сообщалось государю; очень скоро ему пришлось не по душѣ такое огромное количество людей; онъ пересталъ принимать ихъ; потомъ онъ опять прогналъ ихъ и обратилъ въ своихъ непримиримыхъ враговъ этихъ несчастныхъ, которыхъ онъ снова лишилъ всякой надежды и обрекъ на голодную смерть у воротъ столицы» [1]).

Не зная, что иниціаторомъ этого возвращенія изгнан-

---

[1]) Revue Britannique, 1895 іюль, 65—67.

никовъ былъ Паленъ, Розенцвейгъ также упоминаетъ объ этой мѣрѣ слѣдующимъ образомъ: «Такимъ образомъ снова прибыли въ столицу члены семьи Зубовыхъ, преслѣдуемые въ теченіе всего царствованія Павла. Съ этого момента повидимому снова начали носиться съ мыслью привести въ исполненіе планъ, оставленный (?) со времени изгнанія графа Панина. Для руководства заговоромъ недоставало мужественнаго и твердаго характера. Теперь справедливо думали, что такой характеръ нашелся въ лицѣ графа Валерьяна Зубова. Его братья, графъ Николай и князь Платонъ, не могли идти съ нимъ въ сравненіе по здравому уму, энергіи и предпріимчивости [1]). Сестра Зубовыхъ, Жеребцова, получила разрѣшеніе поѣхать за границу и отправилась съ деньгами и драгоцѣнностями въ Берлинъ, чтобы устроить прибѣжище для своихъ братьевъ, на тотъ случай, если предпріятіе не удастся. Тогда былъ привлеченъ къ дѣлу еще генералъ Беннигсенъ... Около того времени, о которомъ идетъ рѣчь, онъ получилъ назначеніе командиромъ въ провинціальномъ городѣ. Это было въ сущности изгнаніе, на которое осудилъ его государь, такъ какъ онъ подозрѣвалъ, что Беннигсенъ, какъ уроженецъ Ганновера, имѣетъ англійскія симпатіи, а въ ту пору произошелъ разрывъ между Россіей и Англіей. Генералъ Паленъ послалъ ему приказъ явиться въ Петербургъ и представиться ему, Палену, прежде чѣмъ онъ навѣститъ кого бы то ни было. Паленъ сообщилъ ему о заговорѣ, просилъ его объ участіи въ этомъ дѣлѣ и сказалъ, что ему будетъ поручено командованіе очень преданнымъ ему, Палену, отдѣломъ гвардейцевъ. Беннигсенъ въ теченіе трехъ или четырехъ дней скрывался въ Петербургѣ; онъ появился открыто лишь тогда, когда надо было выполнять планъ» [2]).

Нѣсколько иначе изобразилъ дѣло самъ Беннигсенъ въ разговорѣ съ Ланжерономъ:

---

[1]) Ланжеронъ даетъ подобную же характеристику этихъ лицъ. Паленъ говорилъ о „énergie“ и „courage“: „Pahlen avait raison pour Bennigsen et pour Valérien Zoubow. Nicolas était un taureau qui pouvait avoir de l'audace, lorsqu'il était ivre, et non autrement. Pour Platon Zoubow, c'était le plus lâche et le plus vil des hommes“. Revue Britannique, 1895, іюль, 64.

[2]) Aus allen Zeiten und Landen, стр. 7.

«Я больше не состоялъ на службѣ и не смѣлъ показываться въ Петербургѣ или въ Москвѣ или хотя бы въ губернскомъ городѣ, чтобы не обратить на себя вниманія и не подвергаться опасности быть сосланнымъ въ еще болѣе отдаленныя мѣста; поэтому я жилъ въ печальномъ одиночествѣ въ моемъ имѣніи въ Литвѣ. Въ началѣ 1801 г. я получилъ письмо отъ графа Палена, который приглашалъ меня пріѣхать въ Петербургъ. Я былъ удивленъ этимъ приглашеніемъ и вовсе не былъ склоненъ ему послѣдовать. Нѣсколько дней спустя, вышло распоряженіе государя, въ силу котораго всѣ исключенные и уволенные со службы получали право вернуться; но и это распоряженіе не возбудило во мнѣ желанія покинуть мое уединеніе. Между тѣмъ Паленъ бомбардировалъ меня письмами, въ которыхъ онъ высказывалъ сильное желаніе видѣть меня въ столицѣ и увѣрялъ меня, что государь приметъ меня весьма благосклонно. Послѣднее письмо Палена звучало такъ настойчиво и было написано такимъ рѣшительнымъ тономъ, что я собрался въ путь. Я пріѣхалъ въ Петербургъ. Сначала Павелъ принялъ меня очень хорошо; потомъ онъ сталъ обходиться со мною холодно; вскорѣ послѣ того перестал говорить со мною и замѣчать меня. Я отправился къ Палену и сказалъ ему, что случилось то, что̀ я предвидѣлъ, что мнѣ не на что надѣяться, но есть, чего опасаться, и что я хочу какъ можно скорѣе опять уѣхать. Паленъ требовалъ, чтобы я потерпѣлъ еще нѣкоторое время; мнѣ было тяжело рѣшиться на это; наконецъ, вечеромъ наканунѣ того дня, когда долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе планъ Палена, онъ посвятилъ меня въ тайну; я согласился на его предложеніе и т. д. [1]).

Такъ какъ Бернгарди между прочимъ пользовался для своего сочиненія мемуарами Беннигсена, то интересны и его замѣчанія о присутствіи Беннигсена въ Петербургѣ въ моментъ принятія рѣшенія, хотя замѣчанія эти идутъ въ разрѣзъ съ устнымъ разсказомъ этого генерала въ разговорѣ съ Ланжерономъ. Бернгарди пишетъ: «Беннигсенъ былъ только что изгнанъ государемъ изъ Петербурга въ припадкѣ дурного настроенія. Ему было приказано отпра-

---

[1]) Revue Britannique, стр. 69.

виться въ свои имѣнія. Паленъ и Платонъ Зубовъ уговорили его тайно остаться въ Петербургѣ, что конечно было очень легко устроить подъ покровительствомъ министра полиціи. Оба эти лица не ошиблись въ Беннигсенѣ; какъ только ему сказали, что во главѣ заговора находится великій князь Александръ, онъ присоединился къ заговорщикамъ и выразилъ полную готовность руководить выполненіемъ всего плана» [1]).

О Платонѣ Зубовѣ Бернгарди пишетъ: «Императора Павла уговорили снова поручить этому человѣку постъ, хотя бы и номинальный. Онъ сдѣлался начальникомъ перваго кадетскаго корпуса. Оба его брата, Валерьянъ и Николай, снова заняли свои мѣста въ сенатѣ—всѣ трое были участниками заговора» [2]).

Такъ одни лица смѣнялись другими. Отчасти это было дѣломъ самого Павла, отчасти Палена, и обстоятельство это усиливало опасность, грозившую государю. Приближалась развязка. Разставленныя сѣти готовы были захлопнуться.

3. Паленъ и Александръ

Теперь Паленъ держалъ всѣ нити задуманнаго плана въ своихъ рукахъ. Ланжеронъ пишетъ: «Паленъ остался одинъ (послѣ смерти Рибаса и удаленія Панина). Но его одного было достаточно. Для выполненія плана нуженъ былъ такой человѣкъ, какъ онъ; нужно было также, чтобы въ его лицѣ были объединены важнѣйшія должности; только въ такомъ случаѣ Россія могла быть спасена. Паленъ спасъ Россію, но я съ своей стороны не хотѣлъ бы быть ея спасителемъ столь дорогою цѣною. Паленъ былъ человѣкъ серьезный, полный отваги, съ возвышенною душою и непоколебимымъ характеромъ; это была личность благородная и импонирующая; онъ не обнаруживалъ своихъ чувствъ и ничѣмъ не давалъ вывести себя изъ равновѣсія. Если дѣло касалось выполненія задуманнаго имъ плана, то онъ готовъ былъ пожертвовать своимъ положеніемъ, состояніемъ, своею свободой и даже жизнью. Онъ словно созданъ былъ для

---

[1]) Historische Zeitschrift, III, 154.
[2]) Historische Zeitschrift, III, 148.

того, чтобы имѣть успѣхъ, побѣждать всякія препятствія; это былъ прирожденный конспираторъ, который можетъ служить образцомъ будущимъ заговорщикамъ. То, что онъ намѣревался сдѣлать, было необходимо, но было не такъ то легко. Нужно было избавиться отъ Павла. Паленъ стоялъ за умерщвленіе Павла. Нужно было сообщить планъ великому князю Александру; Паленъ убѣдилъ его, что имѣется въ виду лишь отреченіе Павла отъ престола и заключеніе его, но что жизнь будетъ ему оставлена... [1]) Паленъ былъ петербургскимъ губернаторомъ и въ качествѣ таковаго находился подъ началомъ великаго князя Александра [2]); это облегчило ему выполненіе плана... Успѣхъ зависѣлъ отъ того, удастся ли привлечь гвардейскіе полки и подстрекнуть ихъ, что было нелегко. Солдаты гвардейцы любили Павла. Особенно преданъ ему былъ первый батальонъ преображенскаго полка. Взрывы ярости несчастнаго государя были направлены противъ офицеровъ и генераловъ; солдатъ же хорошо одѣвали, хорошо кормили, даже дарили имъ деньги. Гораздо легче было добиться содѣйствія офицеровъ для того, чтобы произвести переворотъ; зато трудно было сдѣлать выборъ между 300-ми легкомысленныхъ, разгульныхъ, шумливыхъ и склонныхъ къ болтливости офицеровъ. Заговоръ легко могъ быть обнаруженъ благодаря этому. Недовѣріе, возникшее по отношенію къ нимъ, заставило ускорить моментъ катастрофы. Паленъ съумѣлъ преодолѣть всѣ эти затрудненія и устранить препятствія. Съ непоколебимымъ и поистинѣ ужасающимъ упорствомъ достигъ онъ своей цѣли» [3]).

Въ не разъ уже приведенномъ разсказѣ Палена въ разговорѣ съ Ланжерономъ мы находимъ проявленія цинизма, подтверждающія характеристику этого человѣка. Паленъ сообщилъ между прочимъ слѣдующее:

«Я долженъ признаться, что великій князь Александръ не соглашался ни на что, пока я не предложилъ дать ему честное слово, что никто не посягнетъ на жизнь его отца

[1]) Нѣсколько наивно Ланжеронъ прибавляетъ: „ce qu'on ne pouvait lui laisser espérer si on lui eût parlé d'un emprisonnement“.

[2]) Sous le grand-duc Alexandre“. Саблуковъ говоритъ а. а. О., стр. 236: „He was joint Military Governor of St Petersburg with the Grand-Duke Alexander“.

[3]) Revue Britannique, стр. 62—63.

(qu'on n'attenterait pas aux jours de son père). Я далъ ему это обѣщаніе. Я не былъ такъ безразсуденъ, чтобы ручаться за то, что было невозможно; но нужно было успокоить угрызенія совѣсти моего будущаго государя; я наружно соглашался съ его намѣреніями, хотя былъ убѣжденъ, что они невыполнимы [1]). Я зналъ слишкомъ хорошо, что революціи или совсѣмъ не надо начинать или надо доводить ихъ до конца, и что если Павелъ останется въ живыхъ, то для Александра скоро откроются двери темницы; наступила бы самая ужасная реакція, и кровь невинныхъ и виновныхъ скоро наводнила бы столицу и провинціи» [2]).

Разсказъ Палена продолжается такимъ образомъ:

«Для выполненія нашихъ плановъ мы назначили конецъ марта; непредвидѣнныя обстоятельства заставили насъ ускорить дѣло. Многіе гвардейскіе офицеры были посвящены въ тайну нашихъ намѣреній или же догадывались о нихъ; я могъ ожидать всего худшаго отъ ихъ болтливости и безпокоился.

«Утромъ 7-го марта, въ семь часовъ, я вошелъ въ кабинетъ Павла, чтобы, согласно ежедневному обыкновенію, сдѣлать ему докладъ о положеніи столицы. Я засталъ его погруженнымъ въ размышленія (préocupé) и серьезнымъ; онъ открываетъ дверь, минуты двѣ смотритъ на меня, не говоря ни слова. Наконецъ, онъ спрашиваетъ меня: «Господинъ фонъ Паленъ, были вы здѣсь въ 1762 году?»—«Былъ, государь.»—«Такъ вы были здѣсь?»—«Да, государь; но что ваше величество хотите этимъ сказать?»—«При васъ ли произошелъ переворотъ, лишившій моего отца престола и жизни?»—«Я былъ свидѣтелемъ этого, государь, но не участвовалъ въ

[1]) Вотъ слова Палена: Je n'etais pas assez dépourvu de sens pour m'engager à une chose impossible, mais il fallait calmer les scrupules de mon futur souverain, et je flattai ses intentions, bien assuré qu'elles ne seraient pas remplies". Ланжеронъ пишетъ, ужасаясь цинизма Палена: „Что за человѣкъ! Такимъ нужно быть, чтобы произвести революцію; но всякій честный человѣкъ съ содраганіемъ отказался бы отъ такого обѣщанія".

[2]) Ланжеронъ въ одной замѣткѣ безусловно соглашается съ этимъ мнѣніемъ Палена: онъ также полагалъ, что заключеніе Павла, если оно вообще возможно, навѣрное привело бы къ новой революціи, къ его возстановленію на престолѣ и къ страшнымъ проявленіямъ мести.

этомъ дѣлѣ; я былъ очень молодъ, служилъ унтеръ-офицеромъ въ кавалергардскомъ полку; я ѣздилъ верхомъ въ своемъ полку, не подозрѣвая о томъ, что происходитъ; но почему ваше величество ставите мнѣ этотъ вопросъ?»—«Почему? Да потому, что хотятъ возобновить 1762 годъ».

«Я затрепеталъ при этихъ словахъ, но тотчасъ же овладѣлъ собою и сказалъ: «Да, государь, это хотятъ сдѣлать; я это знаю, я самъ принадлежу къ заговору?» [1]).—«Какъ, вы это знаете и принадлежите къ заговору? Что это вы мнѣ говорите?»—«Да, государь, я принадлежу къ заговору и долженъ дѣлать видъ, что принадлежу къ нему; могъ ли бы я иначе знать, что́ замышляется, если бы не дѣлалъ видъ, что принимаю участіе въ заговорѣ? Но будьте спокойны; вамъ нечего опасаться; я держу всѣ нити заговора въ моихъ рукахъ. Вы очень скоро узнаете все. Но не думайте сравнивать угрожающей вамъ опасности съ тою, которая грозила вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ; вы русскій. Онъ ненавидѣлъ русскихъ, открыто выражалъ презрѣніе къ нимъ и возбудилъ противъ себя народъ. Вы же наоборотъ любите русскихъ, уважаете и цѣните ихъ и пользуетесь ихъ услугами. Онъ не былъ коронованъ, вы же коронованы. Онъ преслѣдовалъ духовенство, вы же почитаете его. Онъ до крайности раздражилъ противъ себя гвардейскіе полки; вамъ же эти полки совершенно преданы. Въ то время въ Петербургѣ не было полиціи; теперь же полиція превосходно организована; безъ моего вѣдома не дѣлается ни единаго шага, не произносится ни единаго слова. Каковы бы ни были намѣренія императрицы [2]), но она не имѣетъ ни способностей, ни силы воли вашей матери; у нея взрослыя дѣти, между тѣмъ какъ вашему величеству въ то время, въ 1762 г., было лишь семь лѣтъ.—«Все это такъ», сказалъ Павелъ, «но не надо дремать» [3]).

«Такъ окончился нашъ разговоръ. Но я тотчасъ же написалъ великому князю, убѣждая его немедленно, на другой же день, нанести подготовленный ударъ. Онъ потребовалъ, чтобы я подождалъ до 11-го марта, такъ какъ въ

---

[1]) „Je le sais et suis du complot“.

[2]) Ланжеронъ замѣчаетъ по поводу этихъ словъ: „Палену удалось внушить государю подозрѣніе къ императрицѣ“.

[3]) „Il ne faut pas s'endormir.“

этотъ день на караулѣ будетъ стоять третій батальонъ семеновскаго полка, въ которомъ онъ былъ еще болѣе увѣренъ, чѣмъ въ двухъ другихъ. Я согласился неохотно и оба дня находился въ тревогѣ».

Ланжеронъ прибавляетъ къ этому: «Паленъ имѣлъ полное основаніе безпокоиться. Повидимому, государь подозрѣвалъ о составленномъ планѣ, и самъ Паленъ былъ у него на подозрѣніи. Совершенно тайно Павелъ послалъ за двумя своими любимцами изъ гатчинскихъ временъ, находившимися въ изгнаніи—Аракчеевымъ и Линденеромъ. Если бы эти два чудовища прибыли во время, то они отстранили бы Палена, а можетъ быть и великаго князя Александра отъ управленія Петербургомъ, и столица сдѣлалась бы ареной кровопролитія. Аракчеевъ пріѣхалъ черезъ десять часовъ послѣ смерти Павла; онъ былъ остановленъ у городской заставы и снова удаленъ [1]).

Говорятъ, что Павелъ хотѣлъ также вызвать Ростопчина. За нѣсколько дней до катастфоры послѣдній, какъ разсказываютъ, получилъ депешу, заключавшую въ себѣ наскоро нацарапанныя слова: «Вы мнѣ нужны. Пріѣзжайте скорѣе. Павелъ». Ростопчинъ тотчасъ же уѣхалъ, предчувствуя недоброе; но уже дорогой, въ Москвѣ, онъ узналъ о внезапной кончинѣ государя. Онъ догадался о томъ, какъ было дѣло, и вернулся въ свое имѣніе. Впослѣдствіи онъ увѣрялъ, что съумѣлъ бы предотвратить преступленіе, если бы находился въ Петербургѣ [2]).

Въ заключеніе своего устнаго разсказа въ бесѣдѣ съ Ланжерономъ Паленъ замѣтилъ: «Наконецъ, наступилъ ожидаемый моментъ. Вы знаете, что́ произошло. Императоръ погибъ и долженъ былъ погибнуть; я не былъ ни свидѣтелемъ, ни дѣйствующимъ лицомъ въ его смерти; я предвидѣлъ его кончину, но не хотѣлъ принимать участія въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ далъ слово великому князю».

«Странный ходъ мыслей», восклицаетъ Ланжеронъ, «онъ не былъ дѣйствующимъ лицомъ при убійствѣ Павла, но поручилъ совершить это дѣло Зубовымъ и Беннигсену!» [3]).

---

[1]) Revue Britannique, 1895, іюль, 62—69.

[2]) Ségur, Rostoptchine, стр. 86.

[3]) Ланжеронъ, a. a. O. 68—69. Тамъ упоминается также о письмѣ, полученномъ будто бы Кутайсовымъ или княземъ Гагаринымъ ве-

Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что Александръ былъ убѣжденъ, будто все дѣло заключается въ отреченіи Павла, а вовсе не въ убійствѣ, какъ оно было совершено впослѣдствіи. Но трудно согласить этотъ взглядъ съ тѣми приготовленіями, какія были сдѣланы. Законный переворотъ, перемѣну на престолѣ безъ кровопролитія могли бы предложить и провести прежде всего политическія учрежденія, какъ напр. сенатъ. Что дѣло шло наоборотъ о «coup de main» видно было уже изъ того, что предпріятіе носило военный характеръ. Самъ Александръ для выполненія плана придавалъ главное значеніе войскамъ, духъ которыхъ былъ ему извѣстенъ, и отъ содѣйствія которыхъ онъ ожидалъ вѣрнаго успѣха. Шумная толпа частью молодыхъ офицеровъ должна была дѣйствовать для устраненія душевно-больного монарха. Какъ могло дѣло обойтись безъ грубаго насилія? Какъ разсказы Палена объ образѣ дѣйствій Александра до катастрофы, такъ и сообщеніе Чарторыскаго о поведеніи молодого императора послѣ нея, заставляютъ насъ усматривать противорѣчіе въ мысляхъ и чувствахъ великаго князя, видѣть ошибку въ мышленіи, которую можно объяснить только полнымъ отсутствіемъ политическаго или какого

черомъ наканунѣ катастрофы, но по безпечности не прочитанномъ. Оно, какъ говорятъ, заключало въ себѣ предостереженіе. Ливенъ, генералъ-адъютантъ Павла и впослѣдствіи посланникъ въ Лондонѣ, разсказывалъ Ланжерону, что онъ дѣйствительно писалъ тогда Гагарину, и что послѣдній не прочелъ его письма; но въ письмѣ этомъ ничего не говорилось о заговорѣ, такъ какъ Ливенъ ничего не зналъ о немъ, а заключался вопросъ о частномъ дѣлѣ. Такъ возникъ слухъ о томъ, что предостереженіе насчетъ заговора осталось безуспѣшнымъ. Анекдотъ о разговорѣ Павла съ Паленомъ и о смѣлости и присутствіи духа послѣдняго разсказывался не разъ. См. между прочимъ Розенвейгъ a. a. O. (Aus allen Zeiten und Landen, стр. 9—10). У Бернгарди, стр. 150, этотъ случай передается въ другой формѣ: Паленъ будто бы имѣлъ при себѣ списокъ заговорщиковъ, и Павелъ шутя запустилъ руку въ его карманъ. Очевидно, тутъ произошло смѣшеніе съ анекдотомъ, разсказаннымъ Паленомъ, о запискѣ Александра, которую чуть было государь не нашелъ у Палена.—Саблуковъ въ Fraser's Magazine a. a. O, стр. 322, опять таки разсказываетъ дѣло иначе; по его словамъ, Павелъ получилъ анонимное письмо со спискомъ заговорщиковъ, и Паленъ отвѣтилъ государю такъ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ. Ниже мы вернемся къ разсказу Саблукова по поводу одного важнаго обстоятельства.

бы то ни было опыта. Странно было пользоваться такимъ опаснымъ оружіемъ и думать, что оно не нанесетъ раны. Мы стоимъ здѣсь передъ психологической задачей. Александръ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ терпѣлъ главныхъ виновниковъ смерти Павла на выдающихся постахъ, а затѣмъ подвергъ самому тяжкому наказанію того, кто самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждалъ такой способъ выполненія плана, а именно графа Панина. Страшная опасность, грозившая самому Александру, тяжелое положеніе, въ которомъ онъ находился, быть можетъ омрачили его умъ. Что онъ былъ пораженъ, приведенъ въ ужасъ въ моментъ катастрофы, не подлежитъ сомнѣнію. Зато поведеніе и образъ дѣйствія Палена совершенно ясны и очевидны; съ цинической откровенностью онъ не скрывалъ своего іезуитизма, признался въ своей reservatio mentalis; онъ зналъ, чего онъ хочетъ. Роль Александра въ этой трагедіи остается подъ знакомъ вопроса. Паленъ весь нервы, иниціатива, дѣйствіе. Александръ находился всецѣло на буксирѣ у Палена. Для обоихъ характерно, что Паленъ могъ обмануть великаго князя относительно послѣдствій предпріятія противъ Павла.

III

11/12 марта 1801 г.

1. Вечеромъ передъ катастрофой

Заговоръ скоро такъ разросся, что откладывать выполненіе его значило подвергаться не малой опасности. Въ одномъ батальонѣ семеновскаго полка [1]) всѣ офицеры, не исключая прапорщиковъ, были посвящены въ намѣренія заговорщиковъ. Нельзя было разсчитывать на сохраненіе тайны, довѣренной столькимъ людямъ двусмысленнаго характера, столькимъ неразумнымъ юношамъ [2]). Немногаго нужно было для того, чтобы между прочимъ Саблуковъ былъ извѣщенъ обо всемъ, и можно предполагать, что этотъ

[1]) Бернгарди, a. a. O. III, 149, называетъ первый батальонъ. Паленъ говорилъ о третьемъ; см. у Ланжерона, a. a. O., стр. 68.

[2]) Бернгарди, a. a. O., III, 149—150.

благородный и искренно преданный государю офицеръ принялъ бы въ такомъ случаѣ мѣры для предупрежденія катастрофы.

Посвященные въ тайну принадлежали къ различнымъ кругамъ общества. Изъ сенаторовъ въ числѣ посвященныхъ находились Орловъ, Чичеринъ, Татариновъ, графъ Толстой, Трощинскій; изъ военныхъ, генералы: князь Голицынъ, командиръ преображенскаго гвардейскаго полка, Депрерадовичъ, командиръ семеновскаго гвардейскаго полка, Талызинъ, Мансуровъ, Уваровъ, генералъ-адъютантъ Павла Аргамаковъ, князь Яшвилль и многіе другіе офицеры [1]). Между ними были люди, къ которымъ государь могъ питать особенное довѣріе. Таковъ былъ напр. Уваровъ, интимный другъ княгини Лопухиной, матери возлюбленной государя [2]). Генералъ-маіоръ Обольяниновъ, который въ концѣ этого царствованія занималъ мѣсто оберъ-прокурора сената, казался такимъ надежнымъ и вѣрноподданнымъ, подозрѣніе относительно него казалось столь невозможнымъ, что домъ его представлялся заговорщикамъ особенно подходящимъ для собраній. Отецъ Саблукова, ничего не подозрѣвавшій, почти ежедневно игралъ у него въ карты, и даже послѣ катастрофы—что очень характерно для общественнаго мнѣнія—Обольяниновъ пользовался такимъ уваженіемъ, что былъ избранъ московскимъ предводителемъ дворянства [3]). Молодой Саблуковъ имѣлъ сношенія съ главными заговорщиками непосредственно передъ кризисомъ и вынесъ впечатлѣніе, что что-то готовится, но посвященъ въ тайну не былъ. Онъ обѣдалъ съ нѣсколькими другими лицами, между прочимъ у Палена, у Талызина, у Зубовыхъ и у Обольянинова, и обратилъ вниманіе на то, что происходилъ не столько общій разговоръ, сколько совѣщанія немногихъ лицъ другъ съ другомъ [4]), которыя прерывались, какъ только кто-нибудь подходилъ къ той или другой группѣ. Онъ замѣтилъ также что Талызинъ и другіе имѣли такой видъ, будто должны

---

1) Бернгарди, a. a. O., 148.

2) Саблуковъ, a. a. O., 309.

3) Тамъ же, a. a. O., 234.

4) „I particularly remarked, that there was no general conversation, but everywhere *des apartes* of people, who immediately dispersed if any one came near fo them“.

сообщить ему особенно важныя вещи, а потомъ въ послѣдній моментъ сдерживались и умолкали, погрузившись въ свои мысли. «Словомъ», разсказываетъ Саблуковъ, «все поведеніе общества ясно показывало, что готовится что-то необычайное; свобода, съ какою порицали царя, смѣялись надъ его безразсудными выходками (extravagances) и критиковали его строгія мѣры, ясно доказывала, что на него готовилось нападеніе. Особенное подозрѣніе возбудили во мнѣ маленькій обѣдъ у Талызина и совсѣмъ маленькое собраніе у Валерьяна Зубова. Когда я однажды, обѣдая у графа Палена, сдѣлалъ рѣзкое замѣчаніе о государѣ, Паленъ многозначительно посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Не надо безполезно говорить, а надо мужественно дѣйствовать» [1]). Я сообразилъ, что что-то есть въ воздухѣ [2]); это причинило мнѣ много думъ и безпокойствъ; я вспомнилъ о своей присягѣ въ вѣрности и о многихъ хорошихъ сторонахъ государя; но все это были лишь сомнѣнія и подозрѣнія, но не было ничего опредѣленнаго, яснаго, что могло бы побудить меня къ рѣшительному образу дѣйствій. Я чувствовалъ себя очень несчастнымъ и просилъ совѣта у моего стараго друга Тончи [3]). Онъ сказалъ мнѣ, что, такъ какъ я не могу ни исправить поведенія государя, ни помѣшать нанести ему ударъ, то долженъ быть какъ можно сдержаннѣе въ разговорѣ со всѣми, чтобы никто не посмѣлъ мнѣ дѣлать откровенныхъ сообщеній. Я послѣдовалъ его совѣту, и это послужило мнѣ на пользу» [4]).

Но признаки приближающагося переворота становились все болѣе многочисленны. Такъ, напр., Саблуковъ узналъ, что Зубовы, вернувшіеся изъ изгнанія, и сестра ихъ, госпожа Жеребцова, ежедневно собираются у Обольянинова, что у Талызина, у братьевъ Ушаковыхъ, Депрерадовича и другихъ обыкновенно собирается ужинать избранное общество, что и полковникъ Хитровъ, необыкновенно способный человѣкъ, но кутила, адъютантъ великаго князя Констан-

---

[1]) „Jean f... qui parle et brave homme qui agit".

[2]) „That something was in the wind".

[3]) Это былъ неаполитанецъ, философъ, поэтъ и художникъ, которому Саблуковъ былъ многимъ обязанъ.

[4]) Саблуковъ въ Fraser's Magazine, 1865, сентябрь, 312.

тина, живущій около самаго Михайловскаго дворца, собираетъ у себя избранный кружокъ знакомыхъ и т. д. Въ то же время я узналъ, что патрули вокругъ Михайловскаго дворца усилены и бдительны болѣе, чѣмъ когда-либо [1]). Впослѣдствіи Саблуковъ узналъ, что госпожа Жеребцова, находившаяся въ моментъ катастрофы въ Берлинѣ, предсказала, когда произойдетъ катастрофа, и отправилась въ Англію, чтобы тамъ встрѣтиться со своимъ другомъ Уитвортомъ; это обстоятельство дало поводъ для возникновенія слуха о томъ, что заговоръ не обошелся безъ англійскихъ денегъ [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что очень много лицъ знало въ точности о заговорѣ. Розенцвейгъ называетъ, кромѣ вышеупомянутыхъ высокопоставленныхъ военныхъ и сенаторовъ, еще командира преображенскаго гвардейскаго полка Талбанова, поручика Марина; по его мнѣнію, въ тайну было посвящено еще около 50-ти лицъ. Далѣе, онъ называетъ братьевъ Платона и Валерьяна Зубовыхъ довѣренными лицами великаго князя Александра [3]). Изъ разсказа Константина, воспроизведеннаго Ланжерономъ, видно, что и онъ въ это время находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ Зубовыми.

«Зная, въ какихъ широкихъ кругахъ въ это время извѣстно было о заговорѣ», замѣчаетъ Бернгарди, «можно изумляться не только тому, что хотѣли помощью заговора положить конецъ безумію и невыносимому деспотизму этого царствованія, но и тому, что для нанесенія рѣшительнаго удара государю избрано было 11/23 марта. Объ этомъ знала повидимому по крайней мѣрѣ весьма значительная часть такъ называемаго большого свѣта въ Петербургѣ. Въ многочисленномъ обществѣ, за ужиномъ у княгини Бѣлозерской, камергеръ Загряжскій взглянулъ на часы и сказалъ: «Le grand Empereur n'est pas en ce moment fort à son aise» (великому государю въ эту минуту не очень-то по себѣ). Общество погрузилось въ мрачное молчаніе и разъѣхалось,

---

[1]) Саблуковъ, а. а. О., 311.
[2]) Тамъ же, стр. 323.
[3]) Aus allen Zeiten und Landen, стр. 8.

при чемъ никто не просилъ разъясненія этихъ темныхъ словъ: ихъ значитъ поняли»! [1])

Намѣреніе Павла назначить своимъ наслѣдникомъ герцога Евгенія Вюртембергскаго, о чемъ совершенно опредѣленно говоритъ Бернгарди на основаніи неизвѣстныхъ источниковъ, какъ разсказываютъ, побудило Александра дать свое согласіе на нанесеніе рѣшительнаго удара [2]). Положеніе молодого герцога въ эти роковыя минуты могло быть весьма опаснымъ. «Красивая княгиня Гагарина», разсказываетъ Бернгарди, «уже не разъ въ таинственныхъ выраженіяхъ предостерегала молодого вюртембергскаго принца и говорила ему объ опасностяхъ, угрожающихъ и ему; въ этотъ вечеръ она сказала ему: «Si vous aviez besoin d'un asile, vous le trouveriez chez moi» (если вамъ понадобится убѣжище, вы найдете его у меня). Она знала, что̀ готовится; она предостерегла молодого принца: человѣка же, которому она дала надъ собою права возлюбленнаго, она не предостерегла!» «Генералъ Дибичъ», продолжаетъ свой разсказъ Бернгарди, «хотя и не участвовавшій въ заговорѣ, также узналъ о томъ, что̀ должно было произойти, и боялся, чтобы заговорщики не причинили какого нибудь зла довѣренному ему молодому принцу; это ясно видно изъ его дѣйствій въ этотъ памятный день. Онъ заговорилъ объ опасностяхъ; прусскій ротмистръ фонъ-Требра, младшій гувернеръ принца, хотѣлъ укрыть его вечеромъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ; но первый и настоящій начальникъ этого заведенія, извѣстный нѣмецкій писатель Фридрихъ Максимиліанъ Клингеръ, рѣшительно отказался принять принца. Почему — потому-ли, что онъ во что-бы то ни стало хотѣлъ имѣть видъ, что онъ даже не знаетъ ни о чемъ, что̀ происходитъ и въ чемъ онъ не принималъ участія, — потому ли, что онъ опасался чтобы Александръ, сдѣлавшись императоромъ, не проститъ ему такой боязливой и къ тому же излишней заботливости о принцѣ—это осталось неизвѣстнымъ. Дибичъ не позволилъ принцу ложиться и раздѣваться до тѣхъ поръ, пока

[1]) Historische Zeitschrift, III, стр. 156. Очевидно, это заимствовано изъ устнаго преданія высшаго петербургскаго общества.

[2]) Повторяемъ, что эти свѣдѣнія находятся только у Бернгарди, но что онъ ссылается на весьма важные источники.

поздно ночью не появился капитанъ Фолькерсбергъ и не крикнулъ въ полуоткрытую дверь, что все кончено, при чемъ провелъ рукою по шеѣ и вверхъ. Тогда Дибичъ сказалъ принцу, что онъ можетъ лечь спать» [1]).

Паленъ неизмѣнно назначилъ ночь 11/23 марта для рѣшенія дѣла. Въ этотъ день Павелъ написалъ очень рѣзкое письмо барону Крюденеру, русскому посланнику въ Берлинѣ. Дѣло касалось весьма важныхъ враждебныхъ мѣръ противъ Англіи. Паленъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, сдѣлалъ приписку вѣроятно для того, чтобы Крюденеръ не спѣшилъ съ исполненіемъ этого приказанія: «Sa Majesté Impériale est indisposée aujourd'hui. Cela pourrait avoir des suites» (его императорское величество нынче нездоровъ; возможно, что это не останется безъ послѣдствій [2]).

Вечеромъ 11/23 марта заговорщики собрались за ужиномъ, послѣ котораго они прямо отправились совершать свое ужасное дѣло. Объ этомъ собраніи крайне важныя сообщенія дѣлаетъ Беннигсенъ какъ въ мемуарахъ, которыми пользовался Бернгарди, такъ и въ разговорѣ съ Ланжерономъ. Однако эти разсказы въ нѣкорыхъ мелочахъ не вполнѣ совпадаютъ. Бернгарди говоритъ, что ужинъ происходилъ у Талызина, который жилъ близъ Лѣтняго сада и Михайловскаго дворца; на него было приглашено очень много молодыхъ офицеровъ, и именно такихъ, которые недавно за незначительные проступки подверглись жестокимъ и унизительнымъ наказаніямъ, при чемъ иные изъ нихъ до этого момента ничего не знали о замыслахъ противъ государя. Паленъ и Беннигсенъ намѣренно были крайне воздержны въ питьѣ; молодымъ же людямъ вино наливалось съ излишнею щедростью [3]).

Въ разговорѣ Беннигсена съ Ланжерономъ, первый разсказывалъ такъ: «Когда наступилъ этотъ день, мы всѣ собрались у Палена: я встрѣтилъ тамъ Зубовыхъ, Уварова, многихъ гвардейскихъ офицеровъ [4]), болѣе или менѣе раз-

---

[1]) Historische Zeitschrift, III, 155—157.

[2]) Тамъ же, III, 156.

[3]) Historische Zeitschrift, III, 157.

[4]) Ланжеронъ называетъ въ примѣчаніи въ низу страницы, кромѣ упомянутыхъ выше Яшвиля, Татаринова и Аргамакова, еще

горяченныхъ шампанскимъ, которымъ щедро угощалъ ихъ Паленъ. Паленъ запретилъ мнѣ пить и самъ также не пилъ. Насъ было болѣе 60-ти человѣкъ» и т. д.

Разумѣется, существеннаго значенія не имѣетъ, происходилъ ли ужинъ у Палена или у Талызина. Розенцвейгъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ, подтверждающій послѣднее извѣстіе: «Генералъ Талызинъ сказался больнымъ, чтобы безпрепятственно принять необходимыя мѣры. Государь послалъ ему своего лейбъ-медика, доктора Гриве́, будущаго лейбъ-медика императора Александра, англичанина по происхожденію. По приказанію государя, онъ проникъ въ комнату Талызина, въ которой какъ разъ происходило совѣщаніе заговорщиковъ. Сначала они хотѣли убить врача, чтобы сдѣлать доносъ съ его стороны невозможнымъ; но генералъ Талызинъ поручился за то, что врачъ будетъ молчать и продержалъ его подъ строгимъ надзоромъ въ теченіе немногихъ часовъ, оставшихся до окончанія дѣла» [1]).

У Саблукова мы находимъ разсказъ, быть можетъ разрѣшающій вопросъ о томъ, гдѣ происходило собраніе. Онъ пишетъ: «Вечеромъ 11-го марта было нѣсколько собраній заговорщиковъ. Полковникъ Хитровъ, генералы Ушаковъ и Депрерадовичъ и другіе давали у себя ужины; и всѣ они позднѣе вечеромъ собрались на одно главное собраніе (at one principal party), куда прибыли также Паленъ и Беннигсенъ. Было выпито много вина, многіе въ этомъ отношеніи перешли мѣру. Въ концѣ этого ужина Паленъ, какъ говорятъ, сказалъ: «Rappelez-vous, messieurs, que pour manger d'une omelette il faut commencer par casser les œufs» (помните, господа, что для того, чтобы съѣсть яичницу, надо прежде всего разбить яйца). Полковникъ Бибиковъ изъ измайловскаго полка, превосходный офицеръ, хорошо принятый въ самыхъ знатныхъ семьяхъ, на этомъ ужинѣ, какъ передаютъ, заявилъ, что недостаточно устранить одного Павла, и что для Россіи было бы гораздо лучше, если бы можно было избавиться отъ всѣхъ членовъ этого семейства (to get rid of them alltogether)» [2]). Такое нелѣпое замѣчаніе

князя Вяземскаго изъ семеновскаго полка, Скарятина изъ измайловскаго, Волконскаго и др.

[1]) Aus allen Zeiten und Landen, стр. 16.

[2]) Саблуковъ въ Fraser's Magazine, 1865, Сент. стр. 318.

можетъ быть объяснено возбужденіемъ и вѣроятно даже въ ту минуту не произвело впечатлѣнія.

Болѣе важныя свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ мы получаемъ отъ Бернгарди, т. е. отъ Беннигсена. «Сенаторъ тайный совѣтникъ Трощинскій набросалъ манифестъ, въ которомъ говорилось, что государь по болѣзни взялъ себѣ въ соправители великаго князя Александра. Само собою разумѣлось, что только насиліемъ можно было принудить Павла подписать такой документъ; его, слѣдовательно, надо было заставить это сдѣлать и въ случаѣ необходимости отвезти въ Шлиссельбургскую крѣпость. Между тѣмъ часть солдатъ семеновскаго полка, которыми можно было располагать, собрались въ домѣ Талызина; другая часть должна была собраться въ опредѣленномъ мѣстѣ Невскаго проспекта. Платонъ Зубовъ и Беннигсенъ взялись «покончить дѣло лично съ государемъ». Графъ Паленъ и генералъ Уваровъ взяли на себя командованіе солдатами, собравшимися на Невскомъ, и заботу о безопасности заговорщиковъ извнѣ. Еще въ послѣднюю минуту одинъ молодой человѣкъ, разгоряченный виномъ, спросилъ, что же дѣлать, если государь станетъ сопротивляться дѣйствіемъ? Паленъ отвѣтилъ на это извѣстной тривіальной французской поговоркой: «Quand on vent faire une omelette, il faut casser des œufs!» Такъ разсказываетъ Беннигсенъ, присутствовавшій при этомъ. Послѣ этихъ словъ — отнюдь не противорѣчащихъ припискѣ Палена къ Крюденеру — среди выпившихъ офицеровъ уже больше невозможно было поддерживать порядокъ» [1]).

Было странное несоотвѣтствіе между манифестомъ, составленнымъ Трощинскимъ, который Павелъ долженъ былъ подписать и въ которомъ онъ назначалъ своего сына своимъ соправителемъ, — съ одной стороны и между обширными военными приготовленіями заговорщиковъ — съ другой. Паленъ повидимому не обманывался на счетъ того, что кризисъ не обойдется безъ насильственныхъ мѣръ. Толпа выпившихъ офицеровъ, готовыхъ на кровопролитіе, явилась на мѣсто дѣйствія, гдѣ должны были происходить переговоры съ душевно-больнымъ монархомъ относительно его полнаго

---

1) Historische Zeitschrift, III, 157—158.

или частичнаго отреченія отъ престола. Для поддержки заговорщиковъ выставлены были части войскъ. Поэтому можно было ожидать, что дѣло окончится если не умерщвленіемъ Павла, то по крайней мѣрѣ его насильственнымъ заключеніемъ. Невольно возникаетъ вопросъ, — такъ какъ приходилось имѣть дѣло съ съумасшедшимъ—неужели никто раньше не подумалъ о томъ, чтобы узнать мнѣніе психіатра? Мы видимъ, что на первомъ планѣ стояла забота объ общемъ благѣ, спасеніе страны отъ грозившей ей бѣды. Рѣшено было пожертвовать больнымъ. Такъ Павелъ шелъ навстрѣчу своей судьбѣ.

2. Послѣдніе дни и часы Павла

Несмотря на разладъ въ императорской семьѣ, придворная жизнь требовала до самаго конца выполненія обычнаго этикета. Шведскій посланникъ писалъ за нѣсколько недѣль до катастрофы, что по вторникамъ при дворѣ бываютъ маскированные балы, на которыхъ очень веселятся [1]). Самого Стедингка не приглашали на эти увеселенія, такъ какъ между Павломъ и шведскимъ дворомъ отношенія были натянутыя. Изъ другихъ, быть можетъ болѣе компетентныхъ источниковъ, мы узнаемъ совершенно иное о мнимой веселости въ высшемъ обществѣ. Бернгарди разсказываетъ на основаніи неизвѣстнаго источника: «Каждую субботу при дворѣ происходилъ большой концертъ. Къ странностямъ, введеннымъ Павломъ, принадлежало также то, что въ антрактахъ обществу непрерывно предлагалось вино. Самъ государь пилъ очень много. Онъ любилъ высказывать и защищать самые смѣлые парадоксы, и когда онъ бывалъ разгоряченъ виномъ, эти смѣлыя умозаключенія доходили до полной нелѣпости, которую онъ отстаивалъ съ большой горячностью и съ удивительной настойчивостью. Въ послѣднюю субботу своей жизни, онъ былъ такъ возбужденъ, смотрѣлъ на императрицу и на своихъ сыновей съ такою яростью, обращался къ нимъ съ такими грозными минами, съ такими грубыми словами, что даже самые безобидные

---

[1]) Стокгольмскій архивъ. Депеша Стедингка отъ 25 января (6 февраля) 1801 г. Быть можетъ, Стедингкъ писалъ такъ потому, что депеши его прочитывались и въ Россіи.

изъ присутствовавшихъ не могли отдѣлаться отъ недобрыхъ предчувствій» [1]).

Разсказываютъ, что въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни Павелъ опасался быть отравленнымъ. Поэтому онъ просилъ одного англійскаго купца, много лѣтъ жившаго въ Петербургѣ, рекомендовать ему хорошую англійскую кухарку. Желаніе его было исполнено; эта кухарка жила въ кухнѣ, непосредственно прилегавшей къ покоямъ императора, гдѣ и готовила ему обѣдъ; въ ночь убійства она была свидѣтельницей происшедшаго шума и въ страхѣ пѣшкомъ убѣжала изъ дворца къ своему прежнему господину, несмотря на туманъ и ночную пору [2]).

Такіе анекдоты менѣе обоснованы, нежели разсказъ Коцебу о его послѣдней встрѣчѣ съ царемъ наканунѣ катастрофы. Павелъ вернулся вмѣстѣ съ графомъ Кутайсовымъ съ прогулки верхомъ и казался въ очень хорошемъ настроеніи. Коцебу, которому государь поручилъ составить точное описаніе Михайловскаго дворца, встрѣтился съ царемъ на лѣстницѣ возлѣ поставленной на ней статуи Клеопатры. Павелъ сталъ говорить съ писателемъ о статуѣ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о судьбѣ египетской царицы и спросилъ, скоро-ли Коцебу кончитъ свое описаніе дворца. Коцебу отвѣтилъ на этотъ вопросъ утвердительно, и Павелъ выразилъ свое удовольствіе по этому поводу. Поднимаясь по лѣстницѣ, императоръ оглянулся на писателя. Ни тотъ, ни другой не подозрѣвали, что видятся въ послѣдній разъ [3]).

Знаменитый генералъ Кутузовъ разсказывалъ Ланжерону слѣдующій анекдотъ: «Мы ужинали (11/23 марта) съ государемъ, и насъ было за столомъ двадцать человѣкъ. Онъ былъ очень оживленъ и много шутилъ съ моей старшей дочерью, которая присутствовала за ужиномъ въ качествѣ фрейлины и сидѣла противъ государя. Послѣ ужина онъ разговаривалъ со мной, и взглянувъ въ зеркало, стекло котораго давало неправильное отраженіе, сказалъ смѣясь:

---

[1]) Historische Zeitschrift, III, 155.

[2]) Crusenstolpe, „Der russische Hof." III, 349—250.

[3]) См. сочиненіе Коцебу (русское изданіе) „Замѣчательнѣйшій годъ моей жизни", СПб., 1879, II, стр. 137—138.

«Странное зеркало, я вижу въ немъ свою шею свернутой» (de travers). Полтора часа спустя онъ былъ трупомъ» [1]).

Подобный же анекдотъ разсказывалъ оберъ-шталмейстеръ Мухановъ полковнику Саблукову за нѣсколько дней до катастрофы. Государь въ оттепель ѣздилъ верхомъ въ дворцовомъ паркѣ, и вдругъ сталъ жаловаться на одышку. Онъ сказалъ объ этомъ тотчасъ же Муханову и замѣтилъ при этомъ: У меня было такое чувство, точно я задыхаюсь; мнѣ не хватало воздуха, мнѣ казалось, что я умираю; ужъ не задушатъ ли меня? Мухановъ старался успокоить Павла и сказалъ, что причина этого недомоганія—оттепель. Павелъ молчалъ, покачалъ головою и казался погруженнымъ въ свои мысли [2]).

Саблукову пришлось прожить со своимъ кавалерійскимъ полкомъ полтора года въ Царскомъ Селѣ, въ нѣкотораго рода изгнаніи. Онъ впалъ въ немилость благодаря столь частому произволу царя, изъ за мнимыхъ упущеній, замѣченныхъ на парадахъ. Саблуковъ замѣчаетъ, что великій князь Константинъ, мало или ничего не понимавшій въ кавалерійскомъ дѣлѣ, все таки захотѣлъ командовать кавалерійскимъ полкомъ и возмутительнымъ образомъ терзалъ этотъ полкъ дисциплинарными наказаніями. Только благодаря терпѣнію и выдержкѣ Саблукова, все обошлось еще благополучно; полковникъ къ тому же считалъ отсутствіе изъ Петербурга преимуществомъ, такъ какъ онъ самъ и его полкъ такимъ образомъ избавлялись отъ опасности принимать участіе въ замышляемомъ противъ государя заговорѣ. Въ Царское Село уже проникли слухи объ опасности, угрожающей царю. Стало между прочимъ извѣстно, что Павелъ не чувствовалъ себя въ безопасности въ Зимнемъ дворцѣ и потому приказалъ отдѣлать для себя Михайловскій дворецъ, который словно крѣпость, былъ снабженъ рвами, подъемными мостами, тайными лѣстницами и подземными ходами. Здѣсь Павелъ считалъ себя въ безопасности отъ «coup de main».

---

1) Revue Britannique, 77—78.

2) Fraser's Magazine, 312—313. Мухановъ разсказывалъ объ этомъ случаѣ въ тотъ же день, когда онъ произошелъ.

Вскорѣ послѣ этого и Саблуковъ могъ вернуться въ столицу со своимъ полкомъ. Съ одною частью своихъ войскъ онъ долженъ былъ 11-го марта стоять на караулѣ во дворцѣ. Караулъ состоялъ изъ 24-хъ рядовыхъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и одного трубача, находившихся около самаго царскаго кабинета. Нѣсколько дальше стоялъ другой караулъ изъ преображенскаго полка, предпочитаемаго государемъ. Этотъ караулъ находился подъ командой подпоручика Марина, имя котораго въ другихъ источникахъ называется въ числѣ заговорщиковъ. Во дворѣ дворца помѣщался еще отрядъ семеновскаго гвардейскаго полка, на содѣйствіе котораго, какъ говорилось выше, разсчитывалъ великій князь Александръ.

Утромъ 11-го марта Саблуковъ явился во дворецъ и тамъ узналъ отъ служившаго въ томъ же полку адъютанта Ушакова (также принадлежащаго къ заговорщикамъ), что онъ, Саблуковъ, по приказанію великаго князя Константина, долженъ вернуться въ казармы. Это было противъ правилъ, и Саблуковъ хотѣлъ жаловаться на это великому князю Константину на парадѣ, который, какъ ежедневно, происходилъ во дворѣ Зимняго дворца. Къ немалому изумленію Саблукова, оба великіе князя однако не явились на парадъ, потому что, какъ впослѣдствіи узналъ полковникъ, находились подъ арестомъ.

Окончивъ свою дневную службу въ казармѣ, Саблуковъ въ 8 часовъ вечера поѣхалъ въ Михайловскій дворецъ, чтобы сдѣлать докладъ шефу полка, великому князю Константину. Камеръ-лакей Павла встрѣтилъ его у дверей и сказалъ ему, что онъ не можетъ явиться къ великому князю, если онъ, лакей, не доложитъ объ этомъ предварительно государю. Саблуковъ возразилъ, что ему нужно видѣть великаго князя для исполненія своего служебнаго долга и продолжалъ свой путь по направленію къ покоямъ Константина. Но и тутъ другой лакей пытался остановить его вопросами о цѣли его появленія, такъ что Саблуковъ съ нетерпѣніемъ воскликнулъ: «Вы здѣсь, кажется, всѣ сошли съ ума! Я дежурный полковникъ».

Такимъ образомъ Саблуковъ проложилъ себѣ путь въ комнату великаго князя и засталъ Константина въ сильномъ волненіи. Сюда же явился Александръ, который имѣлъ видъ

«испуганно крадущагося зайца» [1]). «Вдругъ», разсказываетъ Саблуковъ, «дверь отворилась и появился государь въ сапогахъ со шпорами, со шляпой въ одной рукѣ и съ палкой въ другой и направился, какъ на парадѣ, прямо къ намъ». Александръ побѣжалъ въ свои покои, точно ламповщикъ [2]); Константинъ словно окаменѣлъ на мѣстѣ, опустилъ руки и имѣлъ такой видъ, будто стоитъ безоружный передъ медвѣдемъ. Я обернулся и передалъ государю мой докладъ о состояніи полка. Государь сказалъ: «Ты дежурный?» дружелюбно кивнулъ мнѣ и вышелъ. Тотчасъ послѣ этого Александръ тихо пріотворилъ дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ стоялъ безъ движенія. Когда послышался скрипъ другой двери, изъ чего можно было заключить, что государь дѣйствительно удалился, Александръ снова вползъ въ комнату словно ластящійся понтеръ [3]). «Ну, братъ,» спросилъ Константинъ, что ты на это скажешь? Развѣ я не говорилъ тебѣ, что онъ (указывая на меня) не будетъ бояться?» Александръ спросилъ меня, неужели же я дѣйствительно не боюсь государя. «Нѣтъ», сказалъ я, «я исполняю свой долгъ и боюсь только моего шефа, великаго князя Константина» [4]). Константинъ сказалъ: «Иди домой и будь насторожѣ». Я ушелъ. Въ прихожей лакей Рудковскій помогъ мнѣ надѣть шинель. Въ эту минуту Константинъ крикнулъ, чтобы ему подали стаканъ воды. Рудковскій налилъ воды въ стаканъ. На поверхности ея плавало маленькое перышко. Онъ вынулъ его пальцами и сказалъ: «Нынче оно плаваетъ наверху; завтра оно потонетъ» [5]). Я вернулся домой, сѣлъ въ мое кресло, и какъ можно себѣ представить, чувствовалъ себя послѣ сего видѣннаго и слышаннаго смущеннымъ и преисполненнымъ дурныхъ предчувствій. Я не долго предавался своимъ мыслямъ, такъ

---

[1]) Sneaking along like a „frightened hare“.

[2]) „Like a lamplighter“, т. е. такъ быстро, какъ будто ему нужно было зажигать лампы.

[3]) „Alexander sneaked again towards us like a crouching pointer“.

[4]) Тутъ Саблуковъ узналъ, что оба великіе князя находились подъ арестомъ, и что они въ этотъ день должны были возобновить свою присягу въ вѣрности.

[5]) Саблуковъ не говоритъ, что подобныя слова указываютъ на то, что Рудковскій зналъ о заговорѣ

какъ въ три четверти десятаго вошелъ мой слуга и доложилъ, что отъ государя явился фельдъегерь съ приказаніемъ, чтобы я немедленно прибылъ во дворецъ.

«Такое распоряженіе всегда считалось серьезнымъ и принималось за плохой знакъ. Когда я прибылъ во дворецъ, корнетъ Андреевскій, стоявшій на часахъ сказалъ мнѣ, что не произошло ничего особеннаго, что государь и государыня три раза проходили мимо караула и каждый разъ очень ласково кланялись.

«Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго въ прихожей появился государь въ чулкахъ и башмакахъ; онъ только что отъужиналъ. Его собачка Шпицъ бѣжала впереди; за государемъ слѣдовалъ генералъ-адъютантъ Уваровъ. Государь подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ мнѣ по французски: «Вы якобинецъ». Я отвѣчалъ: «Точно такъ, ваше величество». На это онъ: «Не вы сами, а вашъ полкъ». Я замѣтилъ: «Я пожалуй, но относительно полка вы заблуждаетесь» [1]). Тогда государь: «Я знаю это лучше, караулъ долженъ удалиться». Я скомандовалъ: «Направо, маршъ!» и корнетъ Андреевскій удалился со своими солдатами. Затѣмъ государь началъ говорить со мною по русски и повторилъ, что мы якобинцы. Я возражалъ съ живостью и отвергалъ подобное обвиненіе. Онъ остался при томъ, что ему это лучше знать, и прибавилъ, что отдалъ приказаніе выслать полкъ изъ города и распредѣлить по деревнямъ. При этомъ онъ очень дружелюбно сказалъ мнѣ: «Вашъ эскадронъ будетъ посланъ въ Царское Село. Два бригадныхъ маіора будутъ провожать полкъ до седьмой версты. Распорядитесь, чтобы въ четыре часа утра всѣ были готовы выступить со своими пожитками». Потомъ онъ обратился къ своимъ двумъ камеръ-гусарамъ и сказалъ, указывая на дверь своей комнаты: «Вы оба будете стоять здѣсь на часахъ». Уваровъ стоялъ все время сзади царя съ глупымъ лицомъ [2]) и улыбался.

---

[1]) „Passe encore pour moi, mais vous vous trompez pour le régiment".

[2]) „Making silly faces". Мы не знаемъ, тотъ ли это самый генералъ-адъютантъ Уваровъ, который принималъ участіе въ заговорѣ. Но это весьма вѣроятно. Въ такомъ случаѣ глупое лицо объясняется смущеніемъ, волненіемъ. Генералъ-адъютантъ зналъ, что въ ближайшіе часы должна наступить развязка.

Государь поклонился особенно любезно и пошелъ въ свою комнату. Я вернулся домой и, передавъ генералу Тормасову, къ его великому изумленію, приказанія государя относительно полка, опять сѣлъ въ кресло и предался моимъ мыслямъ.

„Черезъ нѣсколько минутъ послѣ часу ночи вошелъ мой слуга съ собственноручнымъ приказомъ великаго князя Константина. Записка, очевидно написанная крайне торопливо и въ сильномъ волненіи, заключала въ себѣ слѣдующее: «Какъ можно скорѣе соберите полкъ, верхомъ и въ полномъ вооруженіи, но безъ пожитковъ; ждите моихъ дальнѣйшихъ распоряженій. Константинъ, Цесаревичъ». Посланный, фельдъегерь великаго князя, прибавилъ на словахъ: «Его высочество велѣли сказать вамъ, что дворецъ окруженъ войсками, и что вы должны приказать хорошенько зарядить ружья и пистолеты».

Крайне пораженный, Саблуковъ сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія. Онъ послалъ также извѣстить своего отца о полученныхъ приказаніяхъ. Онъ подробно разсказываетъ, какъ онъ готовился обратить казарму въ своего рода крѣпость и какъ, не будучи увѣренъ въ образѣ мыслей генерала Тормасова, онъ поставилъ у его дверей часовыхъ, получившихъ приказаніе не пропускать никого. Далѣе онъ замѣчаетъ, что поднятая тревога возбудила неудовольствіе солдатъ, которые говорили, что до четырехъ часовъ еще времени много, и что именно приказаніе хорошенько заряжать ружья вызвало противорѣчіе. Три часа спустя получено было извѣстіе о наступленіи новаго царствованія [1]).

Разсказъ Саблукова живо переноситъ насъ въ атмосферу, господствовавшую въ эту страшную ночь во дворцѣ. Нѣкоторыя мелочи, упомянутыя въ этомъ разсказѣ, требуютъ объясненія и вызываютъ сомнѣнія. Можно съ полной увѣренностью сказать, что Александръ зналъ объ ударѣ, который готовились нанести царю. Зато изъ ниже приводимаго разсказа Константина въ разговорѣ съ Ланжерономъ видно, что онъ, Константинъ, спалъ въ эту ночь, ни о чемъ не подозрѣвая, и былъ разбуженъ Зубовымъ, кото-

[1]) Fraser's Magazine, 1865, Сентябрь, стр. 311—317.

рый сообщилъ ему о послѣдовавшей за часъ до того смерти Павла. Это обстоятельство трудно согласить съ содержаніемъ записки Константина, посланной имъ въ полночь Саблукову, и съ устно переданнымъ черезъ фельдъегеря извѣстіемъ, что дворецъ окруженъ войсками. Здѣсь вѣдь можетъ идти рѣчь только о тѣхъ войскахъ, которыя находились въ распоряженіи заговорщиковъ для выполненія ихъ плана. Врядъ-ли Константинъ могъ спать безъ всякихъ подозрѣній послѣ всѣхъ волненій, какія, по словамъ Саблукова, ему пришлось пережить въ этотъ день [1]). Жаль, что въ сообщеніяхъ объ убійствѣ отсутствуютъ опредѣленныя указанія времени. Мы не знаемъ, въ которомъ часу Павелъ скончался, не знаемъ также, когда великій князь Константинъ былъ разбуженъ Зубовымъ; но все говоритъ въ пользу того предположенія, что приказъ Константина Саблукову отданъ былъ въ такую минуту, когда событія зашли уже весьма далеко. Если, какъ впослѣдствіи узналъ Саблуковъ, войска заговорщиковъ «около полуночи» двинулись по направленію къ Зимнему дворцу и, значитъ, умерщвленіе государя произошло вѣроятно около часу или двухъ ночи, Зубовъ же разбудилъ великаго князя часъ спустя, а Саблуковъ узналъ о событіи уже между 3-мя и 4-мя часами утра въ своей казармѣ, то, допуская, что записка Константина къ Саблукову есть несомнѣнный фактъ, первый, если вообще спалъ, то спалъ не болѣе двухъ часовъ.

Далѣе заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Саблуковъ и его люди, которые ни въ какомъ случаѣ не могли знать о заговорѣ и безъ сомнѣнія были бы готовы

---

[1]) Константинъ разсказывалъ графу Ланжерону въ 1826 г.: „Je ne me doutai de rien et je dormais comme on dort à vingt ans“. Ланжеронъ замѣчаетъ по этому поводу: „L'empereur Alexandre n'avait pas voulu mettre son frère dans la confidence de ce qui se tramait. Il redoutait son indiscrétion et peut être, sa loyauté et sa franchise. Pahlen lui avait fait craindre aussi que, si le grand duc était instruit du projet de détrôner son père, il pourrait le lui découvrir, dans l'espoir de perdre son frère aîné et de le remplacer. Assurément, Constantin était fort éloigné d'un pareil calcul, mais il est probable, qu'il eût combattu longtemps, fortement et peut être efficacement la détermination de son frère; Pahlen y avait songé: il ne manquait à rien“. Revue Britannique, 1895, іюль, стр. 73.

защищать государя отъ нападенія заговорщиковъ, были такимъ страннымъ образомъ удалены съ мѣста дѣйствія. Легковѣріе Павла съ одной стороны и подозрительность съ другой толкали его въ пропасть. Въ послѣдній моментъ онъ лишилъ себя защиты, которая, если бы и не могла воспрепятствовать перевороту, то значительно затруднила бы его. Тотчасъ послѣ катастрофы Саблуковъ узналъ слѣдующее:

Непосредственно передъ катастрофой государь, какъ разсказываютъ, спросилъ Палена, можетъ ли онъ сдѣлать что нибудь для его, Павла, безопасности, такъ какъ ходятъ слухи о заговорѣ противъ него? Паленъ отвѣтилъ, указывая на помѣщеніе, гдѣ находились Саблуковскіе часовые: «Я не ручаюсь за то, что̀ можетъ случиться, если ваше величество не отошлете этихъ якобинцевъ, и если вы не прикажите заколотить эту дверь» (въ спальню императрицы).

Павелъ съ слишкомъ большою поспѣшностью послѣдовалъ обоимъ этимъ совѣтамъ сатанинскаго графа Палена, характеромъ напоминающаго Яго въ «Отелло». Отсюда эта странная сцена Павла съ Саблуковымъ, который отвергъ обвиненіе въ якобинствѣ, но не могъ уничтожить подозрѣнія, возбужденнаго Паленомъ въ государѣ. Отсюда и удаленіе караула, который могъ бы спасти государю жизнь.

Когда Паленъ на слѣдующее утро появился на парадѣ, то онъ направился къ стоявшему въ сторонѣ полковнику Саблукову и сказалъ ему: «Я боялся васъ больше, чѣмъ всего гарнизона» (т. е. всѣхъ военныхъ во дворцѣ).—«И вы имѣли на это всѣ основанія», замѣтилъ Саблуковъ, на что̀ Павелъ возразилъ: «Поэтому я позаботился о томъ, чтобы вы были удалены» [1]).

3. Ночь

После ужина, заговорщики около полуночи двинулись по направленію къ Михайловскому дворцу. Это былъ настоящій походъ. Беннигсенъ говоритъ, что въ общемъ въ немъ

---

[1]) Паленъ: „Je vous ai plus craint que toute la garnison“. Саблуковъ: „et vous avez eu raison.“ Паленъ: „Aussi, j'ai eu soin de vous faire renvoyer“. Fraser's Magazine, 1865, сентябрь, стр. 322.

принимало участіе нѣсколько болѣе шестидесяти офицеровъ [1]). Генералъ Талызинъ былъ въ казармѣ преображенскаго гвардейскаго полка и приказалъ одному батальону стоять подъ оружіемъ, такъ какъ въ городѣ неспокойно [2]). Во дворцѣ были поставлены части семеновскаго гвардейскаго полка. Паленъ выслалъ части кавалеріи, чтобы занять улицы, ведущія отъ Невскаго ко дворцу. Они должны были соединиться съ батальономъ преображенскихъ гвардейцевъ, но появились во дворцѣ лишь тогда, когда все было кончено.

Заговорщики безшумно перешли черезъ Марсово поле, идя съ сѣвера, вошли въ Лѣтній садъ и добрались до Михайловскаго дворца. Розенцвейгъ разсказываетъ: «Старыя липы Лѣтняго сада служатъ ночнымъ прибѣжищемъ для многихъ тысячъ воронъ. Когда же, въ столь необычный часъ, черезъ садъ проходило столько военныхъ, птицы подняли такой оглушительный крикъ, что офицеры боялись, чтобы государь не проснулся. Если бы ему удалось скрыться, то предпріятіе ихъ рушилось бы, и вороны Лѣтняго сада сдѣлались бы такъ же знамениты, какъ капитолійскіе гуси» [3]).

Теперь нужно было проникнуть во дворецъ. Подойдя къ дворцу, начальникъ батальона преображенскаго полка Талбановъ обратился къ своимъ солдатамъ съ вопросомъ, желаютъ ли они сопровождать его для выполненія опаснаго дѣла. Солдаты не колеблясь отвѣтили «Да». Тогда онъ переправился черезъ замерзшіе рвы. Наружные часовые были обезоружены, причемъ не оказали сопротивленія [4]). Вступленіе во дворецъ было облег-

---

[1]) Revue Britannique, 1895, іюль, стр. 70. У Саблукова (стр. 319) говорится, что ихъ было 180.

[2]) Розенцвейгъ, Aus allen Zeiten und Landen, стр. 11.

[3]) Тамъ же, стр. 11.

[4]) Розенцвейгъ. Aus allen Zeiten und Landen, стр. 12. Ланжеронъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: „Всѣ офицеры и солдаты, стоявшіе на часахъ въ Михайловскомъ дворцѣ, были посвящены въ тайну заговора, за исключеніемъ одного только командира. Это былъ очень глупый и ничтожный нѣмецъ, по имени Пейкеръ, Когда одинъ изъ гайдуковъ бросился бѣжать изъ прихожей государя, Пейкеръ побѣжалъ къ караулу, сталъ звать на помощь и закричалъ, что государя хотятъ убить. Если бы на часахъ стояли не семеновцы, а солдаты изъ другого полка, и если бы начальникъ былъ болѣе рѣшительный, то быть можетъ это и могло бы помѣшать убійству. Сол-

чено адъютантомъ Аргамаковымъ изъ преображенскаго полка. Онъ находился въ помѣщеніи, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ занятомъ солдатами Саблукова. Послѣ того, какъ было устранено возможное препятствіе со стороны наружнаго караула, Аргамаковъ подалъ знакъ, и тогда заговорщики или извѣстное число ихъ проникли вплоть до дверей спальни Павла, охраняемыхъ двумя камеръ-гусарами. Разсказываютъ, что Аргамаковъ сдѣлалъ возможнымъ вступленіе въ покои царя, сказавъ камердинеру, который колебался отворить двери, что уже шесть часовъ утра, и что онъ является съ докладомъ о состояніи полка и долженъ быть допущенъ къ государю. Сонный лакей поддался обману, отперъ двери, и заговорщики вошли [1]).

Оба гусара оказали сопротивленіе. Въ безумномъ волненіи одинъ изъ офицеровъ ударилъ одного изъ нихъ такъ, что онъ упалъ на полъ. Вѣроятно не помня уже, что̀ онъ дѣлаетъ, офицеръ даже выстрѣлилъ въ гусара; къ счастью для заговорщиковъ, пистолетъ осѣкся. Другой гайдукъ бѣжалъ. Розенцвейгъ разсказываетъ, что раненый гусаръ [2]) съ окровавленной головой пришелъ въ залъ, гдѣ стояли преображенцы, находившіеся подъ начальствомъ участника заговора, поручика Марина. Гусаръ просилъ помощи для спасенія государя. Солдаты уже начали кое-что подозрѣвать такъ какъ имъ сказалъ то же самое истопникъ. Настроеніе солдатъ сдѣлалось опаснымъ. Одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ и отъ имени всѣхъ потребовалъ, чтобы ихъ повели къ царю. Тогда Маринъ приставилъ свою шпагу къ его

даты, хотя и знавшіе о заговорѣ, вѣроятно все таки повиновались бы своему начальнику. Но Пейкеръ не зналъ, что̀ ему дѣлать; онъ просилъ совѣта у другихъ офицеровъ. Эти же послѣдніе хотѣли только выиграть время и посовѣтовали Пейкеру написать бумагу къ командиру полка, генералу Депрерадовичу, что̀ Пейкеръ по глупости и сдѣлалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ“. Revue Britannique, 1895, іюль, стр. 75.

[1]) Ланжеронъ, 71. Это согласуется съ разсказомъ Беннигсена: Nous arrivâmes à la porte de l'empereur, et un de nous la fit ouvrir, sous le prétexte d'avoir lui parler“. Въ такомъ же родѣ разсказано объ этомъ у Бернгарди, Hist. Zeit., стр. 158.

[2]) Ланжеронъ на стр. 71 говоритъ, что гайдукъ потомъ выздоровѣлъ отъ своей раны. Его звали Кириловъ, и онъ впослѣдствіи служилъ у императрицы Маріи Θеодоровны.

груди и пригрозилъ заколоть его, если онъ скажетъ еще слово. Въ то же время онъ приказалъ солдатамъ приготовить оружіе, и такъ какъ эта команда требуетъ величайшаго спокойствія, то солдаты повиновались и оставались въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока все не окончилось.

Относительно того, что̀ послѣ этого произошло въ спальнѣ Павла, важнѣйшимъ источникомъ слѣдуетъ считать разсказъ Беннигсена въ разговорѣ съ Ланжерономъ. Тамъ мы находимъ слѣдующее:

«Въ комнату насъ вошло двѣнадцать человѣкъ (Паленъ и большинство другихъ пошли другой дорогой), въ числѣ ихъ Платонъ и Николай Зубовы. Валерьянъ Зубовъ остался у Палена... Шумъ (въ переднемъ залѣ) разбудилъ государя, онъ выскочилъ изъ постели и, если бы онъ сохранилъ присутствіе духа, то могъ бы легко спастись. Онъ могъ бы пройти не черезъ покои императрицы, дверь въ которые была заколочена по совѣту Палена, а черезъ лѣстницу, которая вела въ покои княгини Гагариной. Очевидно, онъ былъ такъ испуганъ, что потерялъ способность соображать. Поэтому онъ спрятался за ширмами. Мы входимъ; Платонъ Зубовъ подбѣгаетъ къ кровати, находитъ ее пустою и восклицаетъ «Il s'est sauvé»! Я замѣтилъ государя. Подобно всѣмъ прочимъ, я былъ въ парадномъ мундирѣ съ лентой, въ орденахъ, въ шляпѣ и со шпагой въ рукѣ. Я опустилъ шпагу и сказалъ по французски: «Государь, вы перестали царствовать; теперь Александръ—императоръ; мы арестуемъ васъ по его приказанію; вы должны отречься отъ престола. Будьте спокойны, васъ не хотятъ убить. Я здѣсь для того, чтобы защищать васъ; подчинитесь своей судьбѣ; если же вы окажете хоть малѣйшее сопротивленіе, я ни за что не отвѣчаю».

«Государь ничего не отвѣтилъ. Платонъ Зубовъ повторилъ по русски то, что я сказалъ по французки. Тогда государь воскликнулъ: «Что я вамъ сдѣлалъ?» Одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ сказалъ: «Вы мучаете насъ уже четыре года») [1]. Въ этотъ моментъ шумно вошли въ прихожую другіе офицеры, которые заблудились въ покояхъ дворца;

---

[1]) „Il y a quatre ans que vous nous martyrisez!“

шумъ, произведенный ими, испугалъ находившихся вмѣстѣ со мной въ спальнѣ. Они думали, что стража приходитъ царю на помощь и бѣжали, чтобы спастись по лѣстницѣ. Я остался съ царемъ одинъ и своею рѣшительностью и шпагой не давалъ ему шевельнуться. Мои бѣглецы между тѣмъ встрѣтились со своими союзниками и вернулись въ комнату Павла; произошла страшная толкотня, такъ что ширмы упали на лампу, которая потухла. Я вышелъ, чтобы принести огня изъ другой комнаты; въ этотъ короткій промежутокъ времени Павла не стало» [1]).

Бернгарди, который въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія повидимому держится главнымъ образомъ мемуаровъ Беннигсена, разсказываетъ объ этомъ событіи гораздо обстоятельнѣе, а именно такъ: «Беннигсенъ нашелъ царя за ширмами, гдѣ горѣла лампа; онъ стоялъ тамъ босой, въ рубашкѣ, ночной курткѣ и въ ночномъ колпакѣ. Зубовъ и Беннигсенъ со шпагой наголо направились къ царю и, такъ какъ первый настолько потерялъ мужество и самообладаніе, что не могъ говорить, то заговорилъ Беннигсенъ. Онъ крикнулъ царю: «Sire, vous êtes arrêté»! (Государь, вы арестованы). Не отвѣчая ему, Павелъ сказалъ, обращаясь къ Зубову: «Que, faites-vous, Platon Alexandrowitch!» (что вы дѣлаете, Платонъ Александровичъ).—Въ это мгновеніе офицеръ доложилъ князю, что дворцовая стража упорствуетъ, и что Паленъ не является; Зубовъ поспѣшно вышелъ. Только Беннигсенъ «оставался непоколебимымъ», какъ онъ самъ хвастается; онъ повторилъ свои прежнія слова, но, вмѣсто отвѣта, Павелъ попытался проникнуть въ сосѣднюю комнату. Тамъ, согласно обычаю, введенному Павломъ, хранились шпаги всѣхъ офицеровъ, находившихся подъ арестомъ; Павелъ хотѣлъ найти себѣ тамъ оружіе для защиты. Но ему заступили дорогу; ибо заговорщики, сначала обратившіеся было въ бѣгство, вошли въ такомъ большомъ количествѣ, что мало по малу вся комната наполнилась ими, и Беннигсенъ заперъ двери въ упомянутую сосѣднюю комнату и въ покои императрицы. Тогда Павелъ пытался проложить себѣ путь къ бѣгству, воскликнувъ по русски: «Арестованъ! что это значитъ арестованъ!» Его силою удер-

---

[1]) Revue Britannique, 1895, іюль, стр. 71—72.

жали, причемъ особенно безцеремонно обошлись съ нимъ князь Яшвиль и маiоръ Таротиновъ [1]) (sic?): напрасно Беннигсенъ два раза крикнулъ государю: «Restez tranquille, Sire; il y va de vos jours!» (не противьтесь, государь; дѣло идетъ о вашей жизни). — Несчастный пробовалъ пробиться и повторилъ свои слова; произошла горячая рукопашная схватка; ширмы опрокинулись; среди шума Беннигсенъ различилъ голосъ одного молодого офицера, который кричалъ царю: «Уже четыре года тому назадъ надо было покончить съ тобою!»—«Что же я сдѣлалъ?» возразилъ государь.—Услышавъ внезапный шумъ въ прихожей, многiе заговорщики хотѣли опять бѣжать, но Беннигсенъ подскочилъ къ дверямъ и громкимъ голосомъ пригрозилъ заколоть всякаго, кто пытается бѣжать. «Теперь уже поздно отступать», прибавилъ онъ.

«Громкiй шумъ этотъ произошелъ потому, что одинъ изъ участвовавшихъ въ заговорѣ офицеровъ, Бибиковъ, вступилъ въ прихожую съ частью семеновскаго полка.— Въ этотъ моментъ, когда уже не могло больше быть сомнѣнiя, какъ окончится въ ближайшiя минуты эта рукопашная съ царемъ, становившаяся все болѣе яростной, особенно въ виду того, что Павелъ вздумалъ громкимъ голосомъ непрерывно звать на помощь, умный Беннигсенъ приказалъ молодому, нѣсколько опьяненному князю Яшвилю сторожить государя, а самъ выбѣжалъ въ прихожую, чтобы— «распорядится на счетъ размѣщенiя часовыхъ».

«Какъ впослѣдствiи говорили свидѣтели послѣднихъ ужасныхъ минутъ, государь съ отчаяннымъ усилiемъ старался вырваться отъ Яшвиля; во время борьбы оба упали на полъ; гвардейскiй офицеръ, котораго Беннигсенъ называетъ Скеллеретъ [2]), сорвалъ съ себя шарфъ и накинулъ его на шею царю, котораго держалъ Яшвилль; стоявшiе сзади напирали на переднихъ, многiе, стоявшiе ближе такимъ образомъ повалились на борющихся,—и государь былъ задушенъ и задавленъ, а стоявшiе сзади навѣрное даже и не знали, что случилось».

Бернгарди не говоритъ, кто такiе были свидѣтели,

---

[1]) Очевидно Татариновъ.

[2]) Очевидно Скарятинъ.

сообщившіе о послѣднихъ минутахъ Павла. Въ разсказѣ Розенцвейга мы находимъ слѣдующія подробности. Государь направился къ столу, на которомъ лежало нѣсколько заряженныхъ пистолетовъ. Его повалили, и заговорщики «наложили свои злодѣйскія руки на своего монарха». Увѣряютъ, что первый ударъ нанесъ Яшвиль, и что государь, послѣ упорнаго сопротивленія, былъ задушенъ своимъ собственнымъ шарфомъ. Борьба продолжалась около десяти минутъ. Большинство заговорщиковъ были пьяны, и кажется несомнѣннымъ, что его задушилъ собственными руками Николай Зубовъ, высокаго роста человѣкъ съ дикимъ выраженіемъ лица [1]).

Ланжеронъ жалѣетъ, что Беннигсенъ не сообщилъ ему подробнѣе о смерти Павла. Онъ пишетъ: «Повидимому, Беннигсенъ былъ свидѣтелемъ кончины государя, но не принималъ непосредственнаго участія въ убійствѣ. Убійцы бросились на Павла, который лишь слабо защищался, просилъ о пощадѣ, умолялъ дать ему время помолиться. Онъ замѣтилъ между офицерами одного, похожаго на великаго князя Константина, и сказалъ ему, какъ однажды Цезарь Бруту; «Какъ, ваше высочество здѣсь?» (слово *высочество* странно звучитъ при такихъ обстоятельствахъ). Такъ кончилъ свое существованіе несчастный монархъ, убѣжденный въ томъ, что въ числѣ его убійцъ находился и его сынъ—страшная мысль, отравившая послѣднія мгновенія Павла.—У убійцъ не было ни веревки, ни салфетки, чтобы задушить его. Мнѣ говорили, что Скарятинъ далъ для этого свой шарфъ. Это было орудіемъ убійства Павла; неизвѣстно, кому принадлежитъ страшная честь этого ужаснаго убійства; въ немъ принимали участіе всѣ заговорщики; повидимому, наибольшая вина тяготѣетъ на князѣ Яшвилѣ и Татариновѣ. Кажется также, что Николай Зубовъ, въ своемъ родѣ мясникъ, сдѣлавшійся жестокимъ и смѣлымъ подъ вліяніемъ вина, ударилъ государя кулакомъ по лицу и, такъ какъ держалъ въ рукѣ табакерку, то острымъ краемъ ея ранилъ государя въ лѣвый глазъ» [2]).

Все это могло занять весьма мало времени. Поэтому

---

[1]) Aus allen Zeiten und Landen, стр. 13.
[2]) Revue Britannique, 1895, іюль стр. 73.

въ высшей степени невѣроятенъ разсказъ Саблукова о томъ, что переговоры Павла съ Платономъ Зубовымъ относительно отреченія отъ престола продолжались полчаса. Больше вниманія заслуживаютъ слѣдующія сообщенія Саблукова, очевидно сдѣланныя на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ очевидцевъ. «Павелъ говорилъ громко (съ Зубовымъ) и сильно жестикулировалъ. Тогда огромный ростомъ и очень сильный шталмейстеръ Николай Зубовъ сказалъ по русски, ударивъ государя по рукѣ: «Чего ты такъ кричишь?» Возмущенный этимъ оскорбленіемъ, государь оттолкнулъ руку Зубова. Тогда послѣдній правой рукой, въ которой держалъ тяжелую золотую табакерку, ударилъ государя въ лѣвый високъ; государь упалъ и потерялъ сознаніе. Французъ-камердинеръ Зубова вскочилъ обоими ногами на животъ Павла, а Скарятинъ, офицеръ измайловскаго полка, взялъ шарфъ государя, висѣвшій на его кровати и задушилъ его» [1]).

Саблуковъ прибавляетъ: «Послѣднія слова графа Палена на ужинѣ, qu'il faut commencer par casser les oeufs (что надо сначала разбить яйца), остались въ памяти, и дѣйствія были сообразны съ ними. Называли различныхъ лицъ, которыя въ этомъ случаѣ особенно грубо мстили государю за оскорбленія дѣйствіемъ, которыя онъ позволилъ себѣ относительно ихъ; они толкали его ногами, топтали и на всякіе лады уродовали несчастный трупъ, такъ что врачамъ и художникамъ (painters) не легко было такъ препарировать тѣло, чтобы оно, по обычаю, могло быть на нѣкоторое время выставлено публично. Я видѣлъ государя на его парадной постели. Лицо его, хотя искусно накрашенное, было черное и синее; шляпа была надѣта такъ, чтобы по возможности покрывать лѣвый глазъ и лѣвый високъ, которые были у него разбиты» [2]).

---

[1]) Въ примѣчаніи внизу страницы разсказанъ, быть можетъ, Саблуковымъ, а быть можетъ редакціей англійскаго журнала,—анекдотъ о табакеркѣ, которая была будто бы у Павла въ рукахъ и изъ которой пьяный Зубовъ хотѣлъ понюхать табаку; тогда Павелъ будто бы прибилъ Зубова, а Зубовъ вырвалъ у него табакерку и т. д.

[2]) Издатель мемуаровъ Саблукова прибавляетъ, что, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, французскій посланникъ во время дефи-

Наконецъ, Саблуковъ замѣчаетъ еще: «Мнѣ противно называть имена кровопійцъ, которые отличились во время катастрофы своимъ варварствомъ. Хочу только сказать, что я зналъ многихъ изъ нихъ и знаю навѣрное, что ихъ смертный часъ былъ особенно ужасенъ страшными душевными и физическими страданіями» [1]).

Въ такомъ же родѣ говоритъ Розенцвейгъ: «Трудно съ увѣренностью назвать имена всѣхъ убійцъ, чтобы предать ихъ проклятію всѣхъ грядущихъ временъ. Число заговорщиковъ было очень значительно, ненависть къ царю и испорченность той эпохи такъ велики, что въ 1801 г. еще можно было встрѣтить многихъ офицеровъ, которые хвастались, что принадлежатъ къ убійцамъ, хотя въ дѣйствительности они не присутствовали при катастрофѣ. Но до потомства дойдутъ имена главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой катастрофы — графа Николая Зубова, генерала Чичерина, а также Мансурова, Татаринова и Яшвиля [2]).

Сообщенія очевидцевъ этихъ событій производятъ такое впечатлѣніе, что дѣло было вовсе не въ переговорахъ съ Павломъ относительно его отреченія или относительно назначенія Александра соправителемъ, а въ томъ, чтобы поскорѣе сплавить Павла. Саблуковъ, правда, слышалъ, что у Платона Зубова, когда онъ вмѣстѣ съ Беннигсеномъ проникъ въ спальню Павла, былъ въ рукахъ свитокъ бумаги, въ которомъ содержалось «соглашеніе монарха съ народомъ». «Между тѣмъ», пишетъ Саблуковъ, «переговоры заговорщиковъ съ государемъ длились слишкомъ мало времени для того, чтобы могла идти рѣчь о чемъ-либо подобномъ, и вспыльчивость и раздражительность Павла вызвали катастрофу тѣмъ болѣе, что заговорщики большею частью были пьяны» [3]).

лированія членовъ дипломатическаго корпуса передъ трупомъ, перегнулся черезъ перила и приподнялъ на трупѣ галстухъ, при чемъ увидѣлъ красную полосу, оставленную шарфомъ.

[1]) Fraser's Magazine, 1865, іюль, стр. 319 и 320.

[2]) Aus allen Zeiten und Landen, стр. 13—14.

[3]) Fraser's Magazine, 1865, сентябрь, стр. 323.—Въ семьѣ Ростопчиныхъ въ устномъ преданіи сохранились слѣдующія невѣроятныя подробности событія. Когда государя нашли за ширмами, то онъ снова обрѣлъ свое достоинство и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ съ

Во время всей этой процедуры Паленъ не показывался. Онъ явился во дворецъ только тогда, когда все было кончено. Прочіе заговорщики впослѣдствіи упрекали его въ томъ, что онъ нарочно медлилъ, чтобы, въ случаѣ успѣха, пожать его плоды, и явиться освободителемъ Павла, если бы задуманное дѣло не удалось. Паленъ въ сопровожденіи Уварова и во главѣ батальона гвардейцевъ долженъ былъ проникнуть по главной лѣстницѣ дворца въ покои государя, но велѣлъ маршировать такъ медленно, что Уварову пришлось торопить его; это обстоятельство еще болѣе возбуждало подозрѣніе [1]).

Выяснить этотъ пунктъ вѣроятно никогда не удастся Характерно для этихъ обстоятельствъ сообщеніе Беннигсена, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя императоръ Александръ удалилъ Палена, такъ какъ его «двусмысленное отсутствіе въ рѣшительный моментъ» въ эту роковую ночь было дурно истолковано Александру. Бернгарди замѣчаетъ: «Въ самомъ дѣлѣ, среди тѣхъ, кто знали этого человѣка, господствовало общее убѣжденіе, что Паленъ, на случай неудачи принялъ всѣ мѣры для того, чтобы арестовать великаго князя Александра со всѣми заговорщиками и выступить въ качествѣ спасителя Павла» [2]).

Однако, какъ медленно ни маршировалъ Паленъ, онъ все таки долженъ былъ бы дойти до дворца прежде, чѣмъ все было кончено. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, гдѣ же онъ находился во время всей процедуры? Саблуковъ утверждаетъ, что въ эти моменты Паленъ находился у Александра [3]). Это довольно вѣроятно. Молодому, не-

---

такимъ царственнымъ величіемъ и такъ трогательно говорилъ съ заговорщиками, что многіе изъ нихъ, тронутые до слезъ, готовы были броситься къ его ногамъ и просить у него прощенія. Другіе же сказали, что уже поздно, что Павелъ долженъ отречься и т. д. Павелъ будто бы рѣшительно отказался подписать актъ отреченія. Одинъ изъ заговорщиковъ ударилъ его рукояткой шпаги по лицу, раздробилъ ему лобную носовую кость, другой хотѣлъ пронзить ему шпагой животъ, но Павелъ схватилъ шпагу, причемъ потерялъ три пальца и т. д. Ségur, Rostoptchine, стр. 84—85.

[1]) Розенцвейгъ въ Aus allen Zeiten und Landen, стр. 12.

[2]) Historische Zeitschrift, III, стр. 165.

[3]) Fraser's Magazine, стр. 321: „Pahlen had not lost sight of Alexander, who was young and timid. Pahlen never went up himself with

опытному и робкому великому князю въ этотъ рѣшительный часъ нужна была поддержка сильнаго, твердаго человѣка. Часа за два передъ катастрофой, Александръ поужиналъ за столомъ своего отца и потомъ, какъ утверждаетъ Бернгарди, подписалъ манифестъ, принимая на себя роль соправителя [1]). Теперь онъ ожидалъ извѣстія объ исходѣ предпріятія.

Какъ заботливо Паленъ принялъ всѣ мѣры, чтобы помѣшать всѣмъ искреннимъ сторонникамъ царя вступиться за него въ эту ночь, видно между прочимъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Выше уже было упомянуто о томъ, что Аракчеевъ былъ задержанъ у городской заставы. Генералъ Кологривовъ, начальникъ одного гусарскаго полка, одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ Павла, въ своемъ собственномъ домѣ игралъ въ вистъ съ генералъ-маіоромъ Кутузовымъ. Въ половинѣ перваго ночи Кутузовъ вынулъ часы и объявилъ, что Кологривовъ арестованъ. Маіоръ Горголи получилъ порученіе арестовать графа Кутайсова и его любовницу, актрису Шевалье. Кутайсовъ улизнулъ въ послѣднюю минуту, босой, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ выбѣжалъ на улицу и нашелъ пріютъ въ домѣ Ланского [2]).

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ совершилось вступленіе на престолъ императора Александра.

4. Утромъ на другой день

О первыхъ минутахъ послѣ преступленія Бернгарди сообщаетъ слѣдующее, очевидно придерживаясь, по крайней мѣрѣ отчасти, мемуаровъ Беннигсена: «Когда Беннигсенъ снова вошелъ черезъ нѣсколько минутъ (въ спальню Павла), на встрѣчу ему уже въ дверяхъ бросился пьяный, свирѣпый офицеръ со словами: «Il est achevé» (съ нимъ покончено). Беннигсенъ оттолкнулъ его, закричалъ: «Стой, стой!» пробился сквозь толпу къ тѣлу царя и въ сильномъ гнѣвѣ началъ страшно грозить тѣмъ, кто это сдѣлалъ. Онъ съ ве-

---

the conspirators to attack Paul; he remained on the floor below with Alexander“.

1) Historische Zeitschrift, III, стр. 161.

2) Саблуковъ, 321—322.

личайшею заботливостью изслѣдовалъ, можно ли еще сохранить жизнь государю, вернуть его къ жизни; когда же онъ убѣдился, что всѣ надежды тщетны, онъ приказалъ положить бездыханное тѣло на постель. Слугамъ, которые были позваны, Беннигсенъ сказалъ, что государь умеръ отъ удара и въ то же время распорядился, чтобы тѣло тотчасъ же было одѣто въ мундиръ. Между тѣмъ Платонъ Зубовъ побѣжалъ къ дворцовой стражѣ, которой приказалъ выступить. Здѣсь онъ встрѣтился со своими братьями, и туда же явился великій князь Александръ и стоялъ передъ готовой къ выступленію стражей, быть можетъ призванный туда, чтобы импонировать солдатамъ своимъ личнымъ появленіемъ: ибо напрасно Зубовы приказывали стражѣ крикнуть привѣтственное *ура* «императору Александру». Даже личное присутствіе Александра не подѣйствовало на солдатъ; они упорно молчали, пока присланный Беннигсеномъ офицеръ не объявилъ, что императоръ Павелъ скончался. Здѣсь, во дворѣ дворца, передъ стражей, бывшій великій князь узналъ страшную новость, и въ первую минуту, когда солдаты стражи съ готовностью привѣтствовали его, какъ императора, Александръ, казалось, обезумѣлъ отъ горя, какое причинилъ ему этотъ неожиданный ударъ. Но онъ съумѣлъ скоро до нѣкоторой степени овладѣть собою; когда подошелъ къ нему Беннигсенъ, Александръ поручилъ ему начальство надъ войсками и надъ дворцомъ, который онъ долженъ былъ охранять. Палену [1]) было поручено сообщить о томъ, что случилось, императрицѣ Маріи; самъ же молодой императоръ въ сопровожденіи своего испуганнаго брата Константина, поспѣшилъ въ Зимній дворецъ, чтобы присутствовать на ранней обѣднѣ въ дворцовой церкви и принять привѣтствіе отъ своихъ подданныхъ [2]).

Розенцвейгъ изображаетъ совершенно иначе, какимъ образомъ Александръ получилъ извѣстіе о кончинѣ Павла. Онъ

---

[1]) У Бернгарди Паленъ вмѣстѣ съ Уваровымъ и солдатами появляется на сценѣ только въ этотъ моментъ. Врядъ-ли можно допустить, чтобы онъ такъ долго оставался на улицѣ. Вѣроятнѣе разсказъ Саблукова, что Паленъ находился у Александра.

[2]) Бернгарди, Hist. Zeit., III, 161.

пишетъ: «Великій князь Александръ ожидалъ тѣмъ временемъ исхода дѣла въ своихъ комнатахъ. При немъ были графъ Уваровъ, который вѣроятно лишь на короткое время покидалъ великаго князя, чтобы вмѣстѣ съ Паленомъ вести гвардейцевъ, и полковникъ Николай Бороздинъ, рѣшившійся защищать Александра и въ случаѣ несчастнаго исхода раздѣлить его судьбу. Наконецъ, не безъ затрудненій, явился къ великому князю графъ Валерьянъ Зубовъ. Онъ засталъ его лежащаго одѣтымъ на постели, доложилъ ему о низложеніи и смерти его отца и о вступленіи его самого на престолъ. Извѣстно, что императоръ былъ охваченъ сильнѣйшимъ отчаяніемъ. Теперь только стало ему ясно, какія послѣдствія должно было повлечь за собою низложеніе Павла, и слишкомъ поздно и тщетно сѣтовалъ онъ на то, что для выполненія дѣла, казавшагося необходимымъ для государства, были взяты молодые люди, не знавшіе мѣры и запятнавшіе самое дѣло кровавымъ убійствомъ» [1]).

Четверть столѣтія спустя, великій князь Константинъ очень картинно разсказывалъ Ланжерону слѣдующее: «Я ничего не подозрѣвалъ и спалъ, какъ спятъ въ двадцать лѣтъ. Платонъ Зубовъ, пьяный, шумно вошелъ въ мою комнату (со времени смерти моего отца прошелъ часъ) и грубо дернулъ мое одѣяло, говоря мнѣ дерзкимъ тономъ: «Вставайте и ступайте къ императору Александру; онъ ожидаетъ васъ». Вы можете себѣ представить мое изумленіе и мой испугъ. Я глядѣлъ на Зубова, еще полусонный, и думалъ, что вижу сонъ. Платонъ сильно дернулъ меня за руку, чтобы заставить меня встать. Я надѣлъ брюки, сюртукъ и сапоги и совершенно машинально пошелъ за Зубовымъ. Однако, я имѣлъ осторожность взять съ собою мою польскую саблю, которую я получилъ въ подарокъ въ Ковнѣ отъ князя Любомирскаго. Я хотѣлъ защищаться, если бы меня вздумали лишить жизни, такъ какъ совсѣмъ не понималъ, что произошло. Прихожу въ переднюю моего брата и вижу тамъ толпу шумныхъ, сильно возбужденныхъ офицеровъ; Ува-

---

[1]) Aus allen Zeiten und Landen, стр. 14. Говорятъ, что Валерьянъ Зубовъ вмѣстѣ съ Александромъ горько оплакивалъ трагическую развязку. Саблуковъ ничего не говоритъ о томъ, какъ принялъ извѣстіе Александръ.

ровъ, пьяный, какъ и прочіе, сидѣлъ на мраморномъ столѣ и болталъ ногами. Я вхожу въ гостинную брата и застаю его лежащимъ на диванѣ, обливающагося слезами, точно также и императрицу Елизавету [1]); только здѣсь узналъ я объ умерщвленіи отца. Я былъ такъ ошеломленъ этимъ ударомъ, что сначала думалъ, что заговоръ направленъ противъ всѣхъ насъ. Въ этотъ моментъ брату моему сообщили о претензіяхъ моей матери; онъ воскликнулъ: «Боже мой, еще этого не хватало!» [2]) Онъ приказалъ Палену отправиться къ ней, образумить ее [3]) и заставить ее отказаться отъ этихъ странныхъ идей, совершенно неумѣстныхъ въ такую минуту. Паленъ вернулся черезъ нѣсколько часовъ и увелъ моего брата, чтобы показать его войскамъ. Прочее вамъ извѣстно», закончилъ свой разсказъ великій князь.

Саблуковъ подтверждаетъ, что какъ Александръ, такъ и Константинъ были приведены въ ужасъ (horrified) извѣстіемъ о смерти ихъ отца, хотя въ первый моментъ имъ сказали, что государь скончался отъ удара вслѣдствіе волненія, вызваннаго требованіями заговорщиковъ. Черезъ нѣсколько дней Саблуковъ посѣтилъ по дѣламъ службы своего шефа, великаго князя Константина. Константинъ отвелъ его въ свою комнату, затворилъ дверь и сказалъ: «Ну, Саблуковъ, хорошую здѣсь только что заварили кашу!»—«Да», возразилъ полковникъ, «въ самомъ дѣлѣ, хорошая была каша [4]); но я радъ, что не принималъ во всемъ этомъ участія».—«Другъ мой», сказалъ Константинъ горячо (emphatically), «послѣ того, что случилось, пусть мой братъ царствуетъ, если хочетъ; но если бы престолъ достался мнѣ, то я навѣрное отрекся бы отъ него» [5]).

---

1) Супруга Александра.

2) „Mon Dieu, encore ce surcroît d'embarras". Мы сейчасъ увидимъ, что Марія Θедоровна имѣла намѣреніе захватить бразды правленія въ свои руки.

3) „La raisonner". Значитъ, Паленъ былъ тогда у Александра.

4) „A pretty mess"—такъ переводитъ Саблуковъ русское выраженіе „хорошая каша".

5) Fraser's Magazine, 1865, сентябрь, стр. 323 и 325. Бракъ Александра былъ бездѣтный, и Константинъ тогда уже могъ считаться наслѣдникомъ престола. Извѣстно, что въ 1825 г. онъ отказался вступить на престолъ.

Совершенно иначе держала себя супруга Павла, императрица Марія Θеодоровна, которая, дѣйствительно, получивъ извѣстіе о смерти государя, думала о возможности вступить на престолъ.

Ланжеронъ разсказываетъ, что Александръ поручилъ Палену сообщить императрицѣ о кончинѣ государя. По разсказу Саблукова, оберъ-шталмейстеръ Мухановъ, пользовавшійся довѣріемъ императрицы, поручилъ графинѣ Ливенъ, оберъ-гофмейстеринѣ великихъ княженъ, очень дружной съ Маріей Θеодоровной, передать роковое извѣстіе императрицѣ. Графиня Ливенъ сначала отказывалась отъ выполненія такого печальнаго порученія, но Паленъ, приказавшій разбудить ее, сказалъ ей, что она для этой цѣли болѣе подходящее лицо, чѣмъ кто бы то ни было. Когда среди ночи графиня Ливенъ явилась къ императрицѣ, то послѣдняя думала, что пришло извѣстіе о смерти ея дочери Александры, которая была замужемъ за палатиномъ венгерскимъ Іосифомъ. Графиня Ливенъ сказала ей, что Павелъ тяжко захворалъ, и что съ нимъ былъ ударъ. Тогда Марія Θеодоровна закричала: «Онъ умеръ, его убили!» Когда Ливенъ ничего не возразила, государыня соскочила съ постели и безъ чулокъ и башмаковъ побѣжала къ двери, которая вела въ покои Павла. Графиня Ливенъ едва успѣла накинуть ей на плечи плащъ [1]).

Беннигсенъ, который между тѣмъ велѣлъ открыть эти двери, приставилъ къ нимъ часовыхъ. Тридцать солдатъ подъ начальствомъ офицера Константина Полторацкаго, охраняли тѣло Павла и никого не пропускали. Когда государыня въ сильнѣйшемъ волненіи появилась въ дверяхъ, солдаты скрестили ружья: она закричала, чтобы ее пропустили, заплакала, бросилась на полъ, обнимая колѣни солдатъ. Полторацкій объяснилъ ей, что получилъ строжайшій приказъ. Солдаты плакали. Государыня была настолько внѣ себя, что одинъ гренадеръ, по имени Перекатовъ, принесъ ей воды. «Выпей, матушка», сказалъ онъ,

---

[1]) Ланжеронъ, стр. 75. Саблуковъ, стр. 321. Розенцвейгъ разсказываетъ, очевидно несогласно съ дѣйствительностью, что императрица услышала шумъ во дворцѣ и знала, что что-то затѣвается противъ государя, ея супруга; она пыталась проникнуть къ нему и т. д. Aus allen Zeiten und Landen., стр. 14.

«она не отравлена; тебѣ-то бояться нечего». Онъ отпилъ воды и затѣмъ предложилъ ей напиться. Она выпила и вернулась въ свои покои. Она вновь обрѣла свое спокойствіе и достоинство. «Блѣдная и холодная, какъ мраморная статуя», пишетъ Саблуковъ, очевидно по разсказамъ оберъ-шталмейстера Муханова, «она опустилась въ кресла и позволила одѣть себя. Первый, кого она приняла, былъ Мухановъ. Затѣмъ рано утромъ явился, кажется, Уваровъ, который сказалъ ей, что «именемъ императора и императрицы» (т. е. Александра и Елизаветы) онъ проситъ ее пожаловать къ нимъ. Она отвѣтила: «Скажите моему сыну что я не признàю его моимъ государемъ до тѣхъ поръ, пока не увижу тѣла моего супруга». «Александръ», прибавляетъ Саблуковъ, «послѣ полученія такого рѣзкаго отвѣта (rebuke), охотно поспѣшилъ бы въ объятія своей матери, которую онъ нѣжно любилъ; но невозможно было это сдѣлать, не позволивъ ей взглянуть на покойника. Приведеніе тѣла въ надлежайщій видъ [1]) продолжалось болѣе тридцати часовъ, и лишь на другой день вечеромъ государыня была допущена къ тѣлу покойнаго государя» [2]).

О поведеніи императрицы Маріи Ѳеодоровны въ это утро Беннигсенъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ, которыми пользовался Бернгарди, такія интересныя подробности, что мы лучше всего воспроизведемъ его разсказъ. Онъ пишетъ.

«Императрица Марія, по странной случайности приказавшая своему лейбъ-медику, тайному совѣтнику Беку, остаться на эту роковую ночь во дворцѣ, близъ ея покоевъ, хотя никто изъ царской семьи не былъ боленъ, узнавъ отъ Палена о происшедшемъ (т. е. о смерти императора) пришла въ сильнѣйшій гнѣвъ, открыто высказала, что не вѣритъ естественной смерти своего супруга и грозила убійцамъ своею местью и самыми ужасными наказаніями. Она требовала, чтобы ее пустили къ тѣлу ея супруга; такъ какъ на это ей отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ, то она поспѣшила къ своей невѣсткѣ, супругѣ Александра, отнынѣ

---

[1]) „The plastering, painting, repairing and dressing, together with the embalming".

[2]) Саблуковъ 322.

императрицѣ Елизаветѣ [1]) и здѣсь проявила не столько горя по поводу смерти своего мужа, сколько другихъ душевныхъ движеній, которыя вскорѣ обнаружились и передъ другими.

«Ибо сюда нѣсколько позднѣе вошелъ также генералъ Беннигсенъ и потребовалъ именемъ императора Александра, чтобы она отправилась привѣтствовать его въ Зимній дворецъ. Императрица Марія, совершенно не будучи въ состояніи побѣдить или скрыть своего волненія, разразилась словами: «Кто императоръ? Кто называетъ Александра императоромъ»? и когда Беннигсенъ возразилъ: «Голосъ народа»! то она съ такою же запальчивостью объявила, что не признàетъ своего сына. Никто ничего не возразилъ на этотъ смѣлый отказъ; она скоро прибавила болѣе тихимъ голосомъ: «Пока онъ не дастъ мнѣ отчета въ своемъ поведеніи въ этомъ дѣлѣ». Потомъ она опять схватила руку Беннигсена и приказала ему повиноваться ей и отвести ее въ комнату Павла. Беннигсенъ же, какъ онъ самъ говоритъ, боялся солдатъ; боялся, что они изъ привязанности къ убитому государю, рѣшатся на нелѣпое дѣло, а потому отказался послушаться императрицы и удержалъ ее. Она пригрозила, что онъ когда нибудь раскается въ этомъ,—и наконецъ залилась слезами, которыя ее повидимому успокоили.

«Тогда Беннигсенъ счелъ возможнымъ повторить свое приглашеніе ѣхать въ Зимній дворецъ, и молодая императрица Елизавета присоединила свои просьбы къ его увѣщаніямъ; но это снова возбудило гнѣвъ ея свекрови, которой это явно было непріятно. «Que me dites-vous? (что вы мнѣ говорите), накинулась вдовствующая императрица на жену своего сына» — накинулась по выраженію Беннигсена — «ce n'est pas à moi à obéir! Allez! Obéissez si vous voulez»! (не мнѣ повиноваться! что вы! повинуйтесь, если вамъ угодно!).

«Такъ какъ она рѣшительно отказывалась покинуть Михайловскій дворецъ, не увидѣвъ бездыханнаго трупа своего супруга, то Беннигсенъ велѣлъ доложить молодому императору, въ какомъ положеніи дѣло, и полу-

---

[1]) Эта форма редакціи Бернгарди заставляетъ предполагать, что онъ пользовался въ данномъ случаѣ мемуарами Беннигсена.

чилъ приказаніе исполнить желаніе вдовствующей императрицы, *если это не грозитъ никакой опасностью;* слова эти показываютъ, что Александръ уже раньше зналъ о затѣяхъ семьи Куракиныхъ и о миражахъ, которые рисовали его матери [1]. Къ тому же изъ поведенія Палена и Беннигсена въ достаточной мѣрѣ ясно, что за этими кружками слѣдили и были готовы дать отпоръ ихъ планамъ.

«Тогда Беннигсенъ просилъ у государя прислать ему на помощь Палена, и когда передъ оскорбленной императрицей вторично появился этотъ опасный временщикъ и предатель ея мужа [2], она опять вышла изъ себя и разыгралась новая сцена. Она осыпала его упреками; всѣ взрывы ея гнѣва онъ принималъ съ величайшей холодностью, даже объявилъ съ цинической откровенностью, что зналъ обо всемъ, и что случившееся оправдывается тѣмъ, что этого требовало благо государства и даже безопасность императорской семьи. Императрица должна утѣшиться, понявъ требованія политики и внявъ голосу разума. Такъ какъ однако его грубое краснорѣчіе осталось безъ успѣха, то онъ поспѣшилъ удалиться, чтобы сообщить обо всемъ своему новому государю.

«Еще разъ съ рѣзкими и грозными словами императрица Марія схватила руку Беннигсена и хотѣла принудить его повиноваться ей. Генералъ же отказывался вести ее къ смертному одру ея супруга, пока она не успокоится совершенно—и, повидимому, онъ считалъ себя вправѣ говорить съ ней довольно безцеремонно; по крайней мѣрѣ, онъ самъ разсказываетъ, что между прочимъ сказалъ ей: «Madame, on ne joue pas la comédie» (Сударыня, здѣсь не играютъ комедіи).

«Наконецъ она обѣщала овладѣть собою, если ей покажутъ бездыханное тѣло, позвала своихъ дочерей и произошло то, что этотъ человѣкъ беззастѣнчиво называетъ «настоящимъ театральнымъ представленіемъ». Уже по пути черезъ залы и комнаты дворца импаратрица нѣсколько разъ

---

[1] См. выше.

[2] Можно сомнѣваться въ томъ, что Паленъ появился передъ вдовствующей императрицей вторично. Извѣстіе о кончинѣ Павла было передано графиней Ливенъ.

садилась, словно борясь со своимъ волненіемъ, и нѣсколько разъ воскликнула по нѣмецки: «Gott helfe mir ertragen!» (Боже, помоги мнѣ перенести). Какъ только она вступила въ злополучную комнату, гдѣ теперь лежалъ на постели покойный государь въ гвардейскомъ мундирѣ, она громко вскрикнула, бросилась на колѣни передъ кроватью и цѣловала руки своего супруга, хотя нѣсколькими часами раньше ея свободѣ, ея жизни, ея дѣтямъ грозила отъ него опасность. Потомъ она спросила ножницы, отрѣзала прядь волосъ государя и заставила свою дочь сдѣлать то-же самое. Наконецъ, императрица повидимому хотѣла удалиться, но вдругъ обернулась, велѣла своимъ дочерямъ идти, еще разъ въ отчаяніи бросилась передъ кроватью на колѣни и воскликнула: «Я хочу быть послѣдней»! Вернувшись въ свое помѣщеніе, прежде чѣмъ отправиться въ Зимній дворецъ, она облеклась въ глубочайшій трауръ.

«По дорогѣ въ Зимній дворецъ, императрица Марія, какъ насъ увѣряютъ, видимо ожидала, что толпа волновавшаяся на улицахъ, предприметъ что нибудь въ ея пользу. Этого, разумѣется, не случилось [1])

Таковъ этотъ разсказъ, основанный, какъ видно, на сообщеніяхъ Беннигсена, и въ которомъ не хватаетъ одного важнаго пункта: первой встрѣчи вдовствующей императрицы съ ея сыномъ Александромъ послѣ катастрофы и послѣ поползновеній къ борьбѣ между матерью и сыномъ изъ за престола. Пусть претензіи вдовствующей императрицы на корону были крайне мимолетны, но претензіи эти существовали и усложняли и безъ того чрезвычайно затрудни-

---

[1]) Historische Zeitschrift, III, 161—184. Розенцвейгъ (стр. 15), разсказываетъ то же самое нѣсколько иначе. Беннигсенъ отказывался вести ее въ комнату усопшаго, ссылаясь на то, что онъ не уполномоченъ на это императоромъ Александромъ. Марія Феодоровна спросила: „Александръ, кто сдѣлалъ его императоромъ?“—„Народъ, сударыня (Madame), гвардейцы провозгласили его императоромъ“.—„Но кто же заговорщики?“—„Люди изъ всѣхъ слоевъ общества, статскіе, военные, придворные“. — „Пустите меня къ императору Александру“.—„Нѣтъ, государыня, это мнѣ запрещено; вы не оставите этой комнаты“ и т. д. Наконецъ, Беннигсенъ разрѣшилъ ей видѣть Александра, но подъ двумя условіями: во первыхъ, чтобы она по пути нигдѣ не останавливалась, и во вторыхъ, чтобы ни съ кѣмъ не заговаривала и т. д.

тельное положеніе императора Александра. Онъ имѣлъ полное основаніе, услышавъ о претензіяхъ своей матери, воскликнуть въ присутствіи своего брата, который разсказывалъ объ этомъ: «Mon Dieu, encore ce surcroît d'embarras»! (Боже мой, еще этого не хватало)!

Тѣмъ важнѣе установить, при какихъ обстоятельствахъ произошла встрѣча матери съ сыномъ. Въ запискахъ Розенцвейга также разсказывается, что императрица колебалась признать Александра императоромъ, и что Беннигсену было весьма трудно убѣдить ее сдержать свои чувства прежде чѣмъ она отправится къ тѣлу Павла. Саксонскій посланникъ разсказываетъ далѣе: «Такимъ образомъ прибыла она къ императору Александру, который поспѣшилъ къ ней навстрѣчу и обнялъ ее. У него она встрѣтила самыхъ выдающихся заговорщиковъ... Какъ только она увидѣла трупъ своего мужа, ей стало ясно, какимъ образомъ онъ погибъ, и она такъ неистово выражала свое горе, что ее пришлось удалить силою. Нѣсколько дней спустя императрица отправилась съ двумя старшими сыновьями, Александромъ и Константиномъ, въ часовню св. Михаила, и тамъ велѣла имъ поклясться, что они ничего не знали о намѣреніи лишить жизни императора Павла» [1]).

Другой свидѣтель этихъ сценъ, обершталмейстеръ Мухановъ, очень подробно разсказывалъ обо всемъ этомъ полковнику Саблукову. Въ запискахъ послѣдняго мы читаемъ слѣдующее, записанное на основаніи этихъ сообщеній:

«Блѣдная и холодная, какъ мраморная статуя, императрица пребывала въ своей спальнѣ. Александръ и Елизавета прибыли сюда изъ Зимняго дворца. У вдовствующей императрицы находились Мухановъ и графиня Ливенъ. Я не знаю, былъ-ли здѣсь Константинъ. Думаю, что нѣтъ, такъ какъ, насколько мнѣ помнится, другихъ младшихъ дѣтей также не было. Опираясь на руку Муханова, императрица подошла къ комнатѣ усопшаго. Александръ и Елизавета слѣдовали за нею. Шествіе заключала графиня Ливенъ. Когда Марія Ѳеодоровна увидѣла тѣло, она молча остановилась, глядя на него широко раскрытыми глазами, и не пролила ни единой слезы. При видѣ искаженнаго, на-

---

1) Aus allen Zeiten und Landen, стр. 15.

крашеннаго лица своего отца, Александръ словно окаменѣлъ на мѣстѣ. Тогда вдовствующая императрица обратилась къ своему сыну и сказала по русски: «Теперь поздравляю, ты императоръ». При этихъ словахъ Александръ упалъ на землю; присутствующіе одно мгновеніе думали, что онъ умеръ. Императрица безъ признаковъ волненія посмотрѣла на своего сына, потомъ опять взяла Муханова подъ руку и въ сопровожденіи его и графини Ливенъ вернулась въ свои покои. Это произошло прежде, чѣмъ Александръ пришелъ въ сознаніе; очнувшись, онъ отправился къ матери и тамъ оба свободно предались своему горю.—Вечеромъ императрица, въ сопровожденіи только Муханова и графини Ливенъ, отправилась опять въ комнату усопшаго. Тамъ она бросилась на трупъ своего убитаго мужа въ полномъ отчаяніи и съ горькими слезами, близкая къ обмороку. Друзьямъ ея пришлось почти нести ее обратно. На другой день эти посѣщенія повторились; молодой императоръ также приходилъ къ тѣлу. Потомъ совершился переѣздъ вдовствующей императрицы въ Зимній дворецъ, и тѣло Павла было выставлено публично».

Однако на пути къ престолу Александру пришлось преодолѣть еще другія препятствія.

Всякій разъ, когда въ предыдущія десятилѣтія происходила насильственная перемѣна царствованія, въ военныхъ сферахъ по этому поводу чувствовалась оппозиція. А именно, встрѣчались затрудненія при необходимомъ прежде всего принесеніи присяги. Возникалъ вопросъ, все ли обойдется гладко при вступленіи на престолъ Александра.

Ланжеронъ разсказываетъ, что въ первые часы послѣ катастрофы Александръ безудержно предавался своему горю по поводу случившагося, между тѣмъ какъ Паленъ, питавшій нѣкоторыя сомнѣнія относительно того, какъ станутъ держать себя войска, настаивалъ на томъ, чтобы онъ показался гвардейскимъ полкамъ [1]). Когда Александръ появился, и генералъ Талызинъ потребовалъ, чтобы солдаты присоединились къ возгласу: «Да здравствуетъ императоръ Александръ!» наступило жуткое молчаніе. Пришли

---

[1]) Pahlen le prend rudement par le bras et lui dit: „C'est assez faire l'enfant; allez régner, venez vous montrer aux gardes".

Зубовы и пытались подѣйствовать на войска, но солдаты продолжали мрачно безмолствовать. Только когда молодой императоръ появился у семеновскаго полка, его привѣтствовали криками «ура»; другіе полки послѣдовали этому примѣру. Только преображенскій полкъ упорствовалъ въ своемъ молчаніи. Онъ ворчалъ и не хотѣлъ вѣрить, что Павла нѣтъ въ живыхъ, и принесъ присягу только послѣ того, какъ убѣдился въ этомъ. Ланжеронъ не безъ основанія видитъ въ этомъ обстоятельствѣ доказательство того, какъ неотложно необходимо было окончательное устраненіе Павла, ибо иначе гвардейцы несомнѣнно сдѣлали бы попытку освободить его и снова возвести на престолъ, слѣдствіемъ чего была бы междоусобная война [1]).

Рано утромъ Саблуковъ узналъ въ своей казармѣ, что государь умеръ отъ удара. Онъ выступилъ со своимъ полкомъ для принесенія присяги. Все было готово для этого торжественнаго акта, когда одинъ солдатъ, флигельманъ Ивановъ, спросилъ полковника, убѣдился ли онъ, Саблуковъ, собственными глазами въ томъ, что императоръ Павелъ скончался? Когда полковникъ отвѣтилъ отрицательно, Ивановъ замѣтилъ, что не годится приносить присягу Александру, если Павелъ еще живъ. Тормасовъ и Саблуковъ сообща рѣшили отложить немного торжество принесенія присяги подъ тѣмъ предлогомъ, что сначала должны быть принесены полковыя знамена. Между тѣмъ другой солдатъ, Филатьевъ, также заявилъ, что необходимо сначала видѣть трупъ государя. Когда сообщили генералу Беннигсену, которому было ввѣрено главное начальство во дворцѣ, что принято рѣшеніе послать депутацію солдатъ, которой должно быть показано тѣло Павла, то онъ съ неудовольствіемъ воскликнулъ, что это пока еще невозможно вслѣдствіе ужаснаго состоянія тѣла [2]). Но такъ какъ солдаты прямо заявили, что иначе не принесутъ присяги, то нужно было рѣшиться впустить Филатьева и Иванова въ комнату усопшаго. Когда послѣ этого Саблуковъ спросилъ, убѣдились ли

---

[1]) Revue Britannique, 1895, іюль, стр. 76—77.

[2]) Беннигсенъ: „Mais c'est impossible; il est abimé, fracassé; on est actuellement à le peindre et à l'arranger", и затѣмъ „Ah, ma foi, s'ils lui sont si attachés, ils n'ont qu'a le voir."

они въ смерти Павла, Ивановъ сказалъ: «Онъ крѣпко умеръ», и на вопросъ, согласны ли солдаты теперь присягнуть, всѣ изъявили на это готовность [1]).

О какихъ нибудь другихъ затрудненіяхъ при принесеніи присяги Александру ничего не извѣстно. Рано утромъ былъ собранъ персоналъ сената и другихъ вѣдомствъ; всѣ присягнули, и вмѣстѣ со всѣми «bon gré mal gré», какъ говоритъ Ланжеронъ [2]), и вдовствующая императрица.

IV

Заключеніе

I. Впечатлѣніе, произведенное событіемъ

Извѣстіе о перемѣнѣ царствованія распространилось въ столицѣ съ быстротою молніи. Вездѣ выражалась шумная, неудержимая радость по этому поводу; люди встрѣчались словно послѣ долгой разлуки, обнимались и поздравляли другъ друга; казалось, что каждый избавился отъ лично ему угрожавшей опасности; люди чужіе выражали другъ другу свои чувства словно близкіе друзья [3]).

Александръ обѣщалъ въ своемъ манифестѣ, что будетъ царствовать въ духѣ своей бабки, Екатерины II. Это былъ протестъ противъ безобразій царствованія Павла. Публика, съ своей стороны, какъ можно скорѣе ухватилась за традиціи великой императрицы и старалась забыть всѣ полицейскія распоряженія временъ Павла. Словно сговорившись, всѣ жители столицы утромъ 12-го марта появились въ такихъ костюмахъ, въ такихъ прическахъ и съ такою упряжью,

---

[1]) Ивановъ, какъ говорятъ, прибавилъ, что конечно Александръ будетъ не лучше. Саблуковъ пишетъ: „Although he shall be not better, for after all, whoever is priest, is also father“ (кто ни попъ, тотъ и батька—русская поговорка).

[2]) Ланжеронъ, стр. 77.

[3]) Въ своей депешѣ къ Густаву IV Стедингкъ замѣчаетъ, что только Куракинъ очень грустенъ. Онъ прибавляетъ: „Ces regrets sont partagés par peu de personnes, et la joie du changement paraît être générale et éclate d'une manière peu décente. Бернгарди говоритъ объ общей радости, Hist. Zeit., III, 164, очевидно придерживаясь сообщеній Беннигсена.

какія были строжайше запрещены Павломъ. Можно было видѣть прически «à la Titus»; коса исчезла; длинные панталоны, круглыя шляпы, сапоги съ ботфортами могли безнаказанно показываться на улицахъ. Появилась упряжка гуськомъ. Въ столицѣ закипѣли жизнь и движеніе въ противоположность гробовой тишинѣ, господствовавшей такъ долго [1]).

Вездѣ, во всей странѣ, извѣстіе о смерти Павла оказывало магическое дѣйствіе. Всѣ чувствовали блаженство при мысли, что имъ снова обезпечены защита закона, личное достоинство и матеріальное существованіе. Началась новая эра. Непосредственно послѣ катастрофы всѣ сферы общества могли тѣмъ болѣе безудержно предаваться радости по поводу перемѣны царствованія, что на первыхъ порахъ не было извѣстно, какое преступленіе, можно сказать даже, какое коллективное преступленіе положило конецъ жизни деспота. Лишь нѣсколько позднѣе разнеслось извѣстіе объ ужасной сценѣ, разыгравшейся во дворцѣ государя. Но хотя многіе громко негодовали на происшедшее, однако результатъ насильственнаго устраненія Павла вызывалъ общее удовлетвореніе. Люди имѣли дѣло съ совершившимся фактомъ и приняли его, какъ благодѣяніе, полезное для всего государства. Намѣренія Екатерины были осуществлены: вмѣсто Павла царствовалъ Александръ.

Послушаемъ, что говорятъ нѣкоторые современники о фактѣ перемѣны царствованія.

Татищевъ, занимавшій высокое служебное положеніе, писалъ тотчасъ послѣ убійства своему дядѣ, графу С. Р. Воронцову изъ Петербурга въ Лондонъ: «Раздѣляю ваше изумленіе и вашу радость при полученіи депешъ; наше отечество, наконецъ освобожденное отъ нестерпимаго ига, подъ бременемъ котораго оно стенало четыре года, вдругъ выздоровѣло и получило милостиваго, кроткаго монарха... всѣ мы чувствуемъ себя словно родившимся вновь. Представленія о тюрьмахъ, пыткахъ и ссылкахъ исчезли, какъ ужасныя привидѣнія, разсѣялись, какъ тяжелый сонъ. Вмѣсто этого мы надѣемся, что будетъ возстановлено общее благополучіе и безопасность частной жизни—счастье, о которомъ мы едва смѣли думать во время страшной эпохи, по-

[1]) Саблуковъ въ Fraser's Magazine, 1865, сентябрь, стр. 322.

грузившей нашу страну въ печаль и подкопавшей источники ея богатства. Будемъ надѣяться, что благодѣянія новаго царствованія скоро вознаградятъ насъ за безчисленые удары судьбы, поразившие насъ въ послѣдніе годы [1]).

Въ такомъ же родѣ писалъ Воронцову радостно взволнованный докторъ Роджерсонъ: «Теперь мы можемъ снова начать наши дружескія сношенія, не имѣя надобности дрожать передъ шпіонствомъ и доносами. Событіе 12-го марта (несмотря на обстоятельства, которыхъ можетъ быть нельзя было избѣгнуть, но которыя производятъ все таки тяжелое впечатлѣніе) произвело полный переворотъ въ настроеніи людей и въ обычномъ ходѣ вещей. Снова возстановились свобода и довѣріе» [2]). Точно такъ же писалъ Николаи: «Великое, счастливое событіе 12-го марта даетъ слишкомъ много пищи для размышленій, и потому не могу подробно высказаться о немъ. Я упоминаю только о личныхъ интересахъ. Ваше положеніе и состояніе, которымъ грозила такая жестокая опасность, вдругъ спасены; я въ восторгѣ отъ этого не только изъ за васъ, но и ради общаго блага [3]).

Графъ Завадовскій, находившійся въ искреннихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Воронцовымъ, получилъ извѣстіе о перемѣнѣ царствованія въ ссылкѣ, въ своемъ имѣніи. Подобно многимъ другимъ сановникамъ, онъ былъ тотчасъ же призванъ ко двору Александра и оттуда писалъ Воронцову: «Не полагалъ я увидѣть спасеніе Россіи отъ свирѣпаго обуреванія, разлившагося на всѣ состоянія, не полагалъ пережить гоненій, устремленныхъ на меня лично; но благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ томныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ: ибо ангелъ, со стороны кротости и милосердія, царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали, измѣряй потому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя» [4]).

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XVIII, 351.
[2]) Тамъ же, XXX, 132.
[3]) Тамъ же, XXII, 107.
[4]) Архивъ князя Воронцова, XII, 264.

Адмиралъ Чичаговъ писалъ: «Голосъ народа врядъ-ли способенъ дать выраженіе радости, которую мы испытываемъ. Изъ пучинъ истиннаго горя, въ которыхъ мы находились, мы вознеслись къ величайшей радости. Мы опять возвращаемся къ законнымъ порядкамъ, къ которымъ мы привыкли при Екатеринѣ. У насъ будетъ господствовать ея «духъ законовъ» [1]).

О радости, съ какою было встрѣчено въ Москвѣ вступленіе на престолъ Александра, князь Вяземскій писалъ: «Я находилъ, что такое опьяненіе восторга непонятно, но это еще ничто по сравненію съ тѣмъ, что разсказывается о Петербургѣ» [2]). Изъ Москвы же писалъ племянникъ Воронцова, Бутурлинъ, получивъ извѣстіе о смерти Павла: «Благословенны рѣшенія Провидѣнія!» и нѣсколько дней спустя: «Радость по поводу новаго царствованія повсемѣстна; въ соборѣ, гдѣ мы приносили присягу, всѣ были въ восхищеніи; всѣ поздравляли и обнимали другъ друга; это было неслыханное опьяненіе радости» [3]). Изъ Кіева графъ Морковъ писалъ въ радостномъ волненіи, намекая на царствованіе Екатерины: «Великое событіе просвѣтитъ наши дни счастьемъ, какимъ мы наслаждались въ теченіе тридцати пяти лѣтъ» [4]).

Внѣ Россіи извѣстіе о совершившейся перемѣнѣ также произвело весьма сильное впечатлѣніе. Алексѣй Орловъ, жившій въ изгнаніи въ Дрезденѣ, писалъ оттуда Воронцову: «Желаю вамъ здоровья и благополучія послѣ столь жестокихъ бурь и непогодъ, погубившихъ безчисленное множество людей. Божіею милостью взошло высокое свѣтило, и оно сіяетъ и возвѣщаетъ весну; многіе несчастные калѣки, еле дышащіе, ожили вновь и возсылаютъ къ Богу свои молитвы о счастливомъ царствованіи новаго государя. И всѣ мы, русскіе, можемъ сказать: Богъ не хотѣлъ окончательно ввергнуть насъ въ погибель; еще до Пасхи для Россіи и для насъ настало воскресеніе, и я поздравляю съ нимъ и васъ. Аминь». И далѣе: «Будемъ благословлять Го-

---

[1]) Тамъ же, XIX, 38.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, XIV, 388—389.
[3]) Тамъ же, XXXII, 296.
[4]) Тамъ же, XIV, 270.

спода за то, что мы не совсѣмъ съѣдены. Аллилуія, аллилуія и опять таки аллилуія! У меня камень свалился съ сердца. Я всегда боялся, что покойный государь выдастъ мою дочь замужъ противъ ея желанія. Теперь я освобожденъ отъ этой гложущей заботы. И всей Россіи дышется свободнѣе. Удивительно, что дѣло было доведено до того, что даже здѣшніе жители, знатные и простые, всѣ безудержно радовались» [1]).

Графъ Кочубей также жилъ въ Дрезденѣ. Тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Павла, онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ онъ писалъ Воронцову: Теперь всѣ частные люди должны соединиться, сплотиться вокругъ императора Александра и сдѣлать все для того, чтобы залечить безчисленныя раны, которыя Павелъ нанесъ нашему отечеству» [2]).

Очень сильное впечатлѣніе произвело это извѣстіе и въ Лондонѣ, откуда священникъ при русскомъ посольствѣ, Смирновъ, писалъ въ Соутгамптонъ Воронцову: «Успокойте духъ вашъ отъ временныхъ безпокойствъ. Павелъ I отъиде въ вѣчный покой». Только что прибылъ курьеръ изъ Петербурга»; теперь «вы во всемъ будете возстановлены»; теперь «мы пока освобождены отъ страха бояться своей тѣни... Добрый принцъ Кастельчикала плакалъ» отъ радости и т. д. [3]). Кастельчикала, неаполитанскій посланникъ и другъ Воронцова, писалъ послѣднему: «Другъ мой! какое неожиданное извѣстіе! Какое утѣшеніе для меня и для моихъ видѣть, что ваши обстоятельства такъ благопріятно измѣнились, и что вы снова заняли прежнее положеніе... Есть Провидѣніе, которое руководитъ всѣмъ... Въ европейскихъ дѣлахъ наступила большая перемѣна» и т. д. [4]).

Точно также писалъ Воронцову прежній англійскій посланникъ въ Петербургѣ, Уитвортъ, недавно выгнанный Павломъ изъ Россіи: «Примите мои искреннія поздравленія. Какъ мнѣ выразить вамъ, что я чувствую при мысли объ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XVII, 29—31.
[2]) Тамъ же, XVIII, 236.
[3]) Тамъ же, XX, 466—468.
[4]) Архивъ кн. Воронцова, XIX, 394.

этомъ ударѣ, нанесенномъ Провидѣніемъ? Чѣмъ больше я думаю, тѣмъ болѣе благодарю небо» и т. д. [1]).

Но въ бочку меду была влита ложка дегтю. Хотя графъ С. Р. Воронцовъ и считалъ устраненіе Павла спасеніемъ отъ самой страшной опасности, какъ онъ и писалъ между прочимъ своему брату [2]), хотя самъ онъ, какъ мы помнимъ, желалъ устраненія Павла, но все таки обстоятельства, при которыхъ совершилось преступленіе, наполняли его душу отвращеніемъ, и въ письмѣ, написанномъ лимоннымъ сокомъ, онъ выражалъ своему брату удивленіе по поводу того, что Палена, духовнаго иниціатора преступленія, не удаляютъ, а также свои опасенія, что подобный примѣръ можетъ имѣть плохія послѣдствія и погубить Россію. «La Russie est devenue une seconde Perse» (Россія обратилась во вторую Персію), жаловался Воронцовъ [3]).

По дорогѣ въ Петербургъ, графъ Кочубей узналъ всѣ подробности, при которыхъ произошла перемѣна царствованія и писалъ Воронцову изъ Кенигсберга 21-го апрѣля 1801 г. «Желать перемѣны было каждому естественно, и никто оныя болѣе меня не желалъ; но насилье таковаго роду, каковое сказываютъ было, должно быть какъ гнусно, такъ и опасно для переду. По истинѣ, еслибъ было мнѣ возможно,... никакъ бы не двинулся изъ Берлина; но теперь долженъ уже слѣдовать первому теченію, въ твердомъ будучи однако жъ намѣреніи убраться, коль скоро нѣкоторыя непріятныя обстоятельства найдутся основательными. Въ числѣ сихъ поставить должно владычествованіе князя Платона Александровича Зубова съ ближайшими его родственниками и съ людьми ему преданнѣйшими; такъ что самъ онъ» (государь) «не имѣетъ, такъ сказать, никакой власти, принужденъ будучи... противу воли своей взять руль. Самъ былъ въ отчаяніи, мать же неутѣшна, и посреди подобнаго хаоса я найдуся!» [4]).

Приблизительно въ то же время вернулся въ Петербургъ и сосланный Павломъ въ Курляндію баронъ Гейкингъ

---

[1]) Тамъ же, XXIX, 394.
[2]) Тамъ же, X, 97.
[3]) Тамъ же, XI, 395.
[4]) Архивъ кн. Воронцова, XIV, 149.

и писалъ о своихъ впечатлѣніяхъ по этому случаю: «Я дрожалъ, видя молодого царя окруженнымъ такими людьми, какъ Паленъ, Зубовы и другіе, которыхъ публика громко называла зачинщиками послѣдней трагедіи. Эти господа, весьма далекіе отъ того, чтобы прятаться, открыто говорили объ этомъ со своими друзьями и знакомыми, и, сравнивая слова столькихъ разнообразныхъ лицъ, мнѣ не трудно было отличить, что̀ единогласно признавалось неопровержимымъ фактомъ и что̀ было фанфаронствомъ и фантазіей отдѣльныхъ лицъ» [1]).

О какомъ бы то ни было преслѣдованіи виновныхъ ничего не было слышно. Бернгарди замѣчаетъ на основаніи неизвѣстныхъ источниковъ, что подчиненные заговорщики, приложившіе свои руки къ преступленію, посланные въ возбужденномъ и опьяненномъ состояніи въ спальню Павла, были высланы изъ Петербурга [2]); но извѣстіе это ничѣмъ не подтверждается.

Зато между лицами, причастными къ катастрофѣ, и людьми иного образа мыслей дѣло дошло до рѣзкостей. Однажды, въ разговорѣ съ адмираломъ Чичаговымъ, Уваровъ упомянулъ объ одномъ обстоятельствѣ во время сцены убійства, на что адмиралъ сказалъ: «Если вы служите нынѣшнему государю такъ же вѣрно, какъ его предшественнику, то заслуживаете щедрой награды» [3]). Великій князь Константинъ въ насмѣшку называлъ Беннигсена «капитаномъ сорока пяти», намекая на убіеніе герцога Гиза въ Блуа гвардіей Генриха III, состоявшей изъ столькихъ именно лицъ. Когда князь Платонъ Зубовъ замѣтилъ, что милость къ нему при дворѣ начинаетъ колебаться, то онъ явился къ великому князю Константину, чтобы объяснить свое участіе въ катастрофѣ въ оправдательномъ смыслѣ; но великій князь повернулся къ нему спиною со словами: «Monsieur le prince, qui s'excuse s'accuse» (князь, кто оправды-

---

[1]) Bienemann, Aus den Tagen Kaiser Pauls, стр. 227.

[2]) Historische Zeitschrift, III. 164. Совершенно ложно сообщаемое тамъ же у Бернгарди извѣстіе, будто Куракинъ былъ высланъ изъ столицы. Изъ „Матеріаловъ для жизнеописанія Панина“, ясно наоборотъ, что Куракинъ оставался въ Петербургѣ, и что Александръ относился къ нему съ особеннымъ вниманіемъ.

[3]) Саблуковъ въ Fraser's Magazine, 1865, сентябрь, стр. 309.

вается, тотъ самъ себя обвиняетъ) [1]. Когда генералъ Уваровъ, вскорѣ послѣ катастрофы съ Павломъ, хотѣлъ ѣхать въ Финляндію, чтобы присутствовать тамъ вмѣстѣ съ королемъ Густавомъ IV на маневрахъ шведскихъ войскъ, шведское правительство отклонило его посѣщеніе; вѣроятно, это произошло потому, что Уваровъ былъ скомпрометтированъ въ катастрофѣ съ Павломъ [2].

Между тѣмъ главные зачинщики заговора, въ началѣ новаго царствованія, играли главныя роли. На слѣдующее же утро послѣ катастрофы, графъ Паленъ явился, по обыкновенію, на парадъ. Онъ, также какъ Платонъ Зубовъ и другіе, производили такое впечатлѣніе, какъ будто они хвастаются своимъ дѣломъ. Объ этомъ разсказываетъ Саблуковъ, прибавляя, что самъ онъ и другіе офицеры л. гв. коннаго полка избѣгали сношеній съ бывшими заговорщиками; они обращались съ послѣдними съ такимъ презрѣніемъ, что дѣло доходило до ссоръ и даже до поединковъ. Когда 13-го марта Александръ и Константинъ явились на парадъ съ очень серьезными лицами, то нѣкоторые изъ заговорщиковъ имѣли очень удрученный видъ [3]. Только въ манерѣ держать себя Палена и Платона Зубова не замѣтно было никакой перемѣны.

Чтобы положить конецъ такимъ непріятнымъ настроеніямъ, графъ Паленъ рѣшилъ дать большой обѣдъ, на которомъ могло бы произойти сближеніе представителей различныхъ взглядовъ. На этотъ банкетъ было приглашено нѣсколько сотъ лицъ. Саблуковъ сначала и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы «обѣдать съ убійцами», и друзья его тогда также рѣшили не присоединяться къ этому пиру. Между тѣмъ, графъ Паленъ пригласилъ къ себѣ Саблукова для переговоровъ и спросилъ его о причинѣ его отказа. Саблуковъ отвѣтилъ, что не хочетъ «имѣть никакого дѣла съ этими господами». На это Паленъ горячо возразилъ: «Вы

---

[1] Оба эти анекдота разсказаны Ланжерономъ въ Revue Britannique, 1895, іюль, стр. 74 и 79.

[2] См. письмо Стедингка къ Густаву IV изъ Стокгольмскаго архива въ „Матеріалахъ къ біографіи Панина", VII, стр. 31.

[3] „Some of the leaders of the plot and principal actors in the murder looked rather cast down". Fraser's Magazine, 1865, сентябрь, стр. 323.

поступаете неправильно, Саблуковъ; дѣло сдѣлано; какъ патріоты, мы должны устранить всѣ партійныя несогласія и думать только объ интересахъ страны, которой мы служимъ». Послѣ усиленныхъ просьбъ Палена, Саблуковъ и другіе полковники рѣшились явиться на обѣдъ, но они кушали за особымъ столомъ, и, хотя шампанское лилось ручьями, между пирующими наблюдалась извѣстная натянутость [1]).

Что между истинными убійцами Павла и графомъ Паленомъ, который былъ настоящимъ зачинщикомъ катастрофы, дѣлалась разница въ пользу послѣдняго, показывало поведеніе графа Панина, который самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждалъ кровавое дѣло и тѣмъ не менѣе въ первые мѣсяцы царствованія Александра поддерживалъ самыя дружескія отношенія съ Паленомъ. Въ первые дни царствованія Александра, до прибытія Панина въ Петербургъ, Паленъ продолжалъ вести иностранныя дѣла. Затѣмъ они перешли къ Панину. Между обоими государственными людьми было много точекъ соприкосновенія. Значительное количество писемъ свидѣтельствуетъ объ интимныхъ отношеніяхъ ихъ между собою [2]).

Особенно сильныя чувства мести питала къ убійцамъ Павла вдовствующая императрица, которая имѣла зубъ противъ всѣхъ, кто не раздѣлялъ въ полной мѣрѣ ея собственнаго негодованія на преступленіе. Когда, вскорѣ послѣ катастрофы, она получила письмо отъ графа Якова Іоанна Сиверса, въ которомъ говорилось только о дѣловыхъ вопросахъ, она пришла въ такое негодованіе, что въ письмѣ не было «ни слова сожалѣнія для государя», что прекратила переписку съ дружески къ ней расположеннымъ графомъ [3]). Въ то же время она встрѣтила на одномъ собраніи при дворѣ своего сына своихъ пріятелей, генераловъ Кнорринга и Бенкендорфа; она подошла къ нимъ и прошептала по нѣмецки: «Ахъ, если бы вы оба были здѣсь, этого несчастія не случилось бы!» Бенкендорфъ, пораженный этими сло-

---

[1]) Разсказъ Саблукова въ Fraser's Magazine, a. a. O., стр. 325.

[2]) О подробностяхъ отношеній, завязавшихся уже давно, см. въ „Матеріалахъ гр. Панина", VI, стр. 38—58, гдѣ напечатана переписка.

[3]) Blum, Ein russischer Staatsmann, Leipzig und Heidelberg, 1858, IV, 556—557. Письмо напечатано цѣликомъ на стр. 664.

вами, молчалъ, Кноррингъ же прямо сказалъ: «Какъ знать ваше величество, покойный государь не былъ любимъ». Императрица поспѣшно удалилась, не сказавъ ни слова [1]). Когда она весною 1801 г. отправилась на нѣкоторое время въ Павловскъ, и государь предоставилъ въ ея распоряженіе почетную стражу, она и слышать не хотѣла о томъ, чтобы стража была набрана изъ тѣхъ полковъ, офицеры и солдаты которыхъ были хоть сколько нибудь причастны къ катастрофѣ, и выбрала кавалерійскій эскадронъ, начальникомъ котораго былъ полковникъ Саблуковъ. Нѣкоторые предметы, напоминавшіе о кровавомъ событіи, какъ, напр., постель Павла и его подушка, запятнанная кровью, пользовались своего рода культомъ со стороны императрицы [2]). Она велѣла также воздвигнуть своему покойному супругу великолѣпный памятникъ въ Павловскѣ, который и былъ помѣщенъ въ часовнѣ [3]).

Паденіе Палена лѣтомъ 1801 г. было дѣломъ рукъ императрицы матери. Она знала достаточно о происходившемъ во время убійства Павла для того, чтобы страдать при мысли о томъ, что графъ занимаетъ выдающееся положеніе въ непосредственной близости къ Александру. Къ тому же Паленъ, повидимому, не всегда былъ тактиченъ по отношенію къ молодому императору. Дѣло дошло до того, что высокоодаренный и энергичный человѣкъ сдѣлался неудобенъ монарху [4]). Всякое столкновеніе между Паленомъ и императрицей должно было повести къ устраненію графа.

Вскорѣ послѣ смерти Павла, сектанты преподнесли императрицѣ икону, которую она велѣла повѣсить на стѣнѣ церкви воспитательнаго дома. На иконѣ была надпись, очевидно воспроизведеніе одного мѣста изъ второй книги Царствъ гл. 9, ст. 31: «Хорошо ли было Симрію, задушившему

---

[1]) Historische Zeitschrift, III, стр. 165. Бернгарди слышалъ объ этомъ, очевидно, отъ своихъ родственниковъ.

[2]) Fraser's Magazine, 1865, сентябрь, стр. 327.

[3]) Ланжеронъ въ Revue Britannique, 1895, іюль, стр. 78, гдѣ мы находимъ выраженіе: „la catastrophe dont elle paraissait si tardivement touchée“.

[4]) Ланжеронъ разсказываетъ: Pahlen abusa trop et trop vite de son influence: il continua trop longtemps à traiter son souverain comme un enfant“ и т. д., стр. 78.

своего господина» [1])? Это было демонстраціей противъ убійцъ Павла, разсчитанной на то, что она будетъ замѣчена. По этому поводу должны были произойти объясненія между Паленомъ и Александромъ.

Мы узнаемъ очень подробно объ этомъ эпизодѣ изъ мемуаровъ Гейкинга, который какъ разъ въ то время прибылъ въ Петербургъ и имѣлъ случай говорить о натянутомъ положеніи съ Паленомъ, Нелидовой и другими лицами. Нелидова сказала Гейкингу: «Недовольный тѣмъ, что онъ затѣялъ заговоръ противъ своего благодѣтеля и монарха, Паленъ охотно бы еще разъединилъ мать и сына, чтобы управлять государствомъ, какъ министръ-премьеръ; но я сомнѣваюсь въ томъ, что второй планъ удастся ему такъ же, какъ первый. Государь любитъ свою мать, а она боготворитъ его, и такая связь не можетъ быть разорвана какимъ нибудь Паленомъ, несмотря на его ухищренія». Самъ же Паленъ говорилъ о вдовствующей императрицѣ высокомѣрнымъ тономъ и сказалъ: «Право, она дѣлаетъ ошибку, воображая, что она наша повелительница. Въ сущности, мы оба подданные государя, и если она принадлежитъ къ первому классу, то я принадлежу ко второму, и мое рвеніе помѣшать всему, что могло бы дать поводъ къ скандалу или къ мятежу, всегда останется живымъ и искреннимъ. Знаете-ли вы исторію съ иконой?»—«Нѣтъ».— «Такъ вотъ въ чемъ дѣло: императрица подарила церкви новаго Екатерининскаго института икону съ изображеніемъ распятаго Спасителя, Маріи и Магдалины, съ надписями, намекающими на смерть государя и могущими возбудить толпу противъ тѣхъ, кто способствовалъ, по ея мнѣнію, его гибели. Эти надписи уже многихъ привлекли въ эту церковь, такъ что полиція увѣдомила меня объ этомъ. Чтобы не предпринять чего либо слишкомъ поспѣшно, я послалъ туда умнаго и образованнаго полицейскаго въ статской формѣ, который списалъ возбуждающія мѣста, и я велѣлъ сказать священнику, чтобы онъ незамѣтнымъ образомъ

---

[1]) Саблуковъ въ Fraser's Magazine, 1865, сентябрь, стр. 326, гдѣ это мѣсто изъ Библіи указано не совсѣмъ вѣрно: вмѣсто ст. 31 тамъ указанъ ст. 13. Эта цитата—предположеніе издателя мемуаровъ Саблукова.

убралъ икону. Онъ отвѣтилъ, что ничего не можетъ сдѣлать безъ прямого распоряженія императрицы. Поэтому я нынче буду говорить объ этомъ съ государемъ, который завтра ѣдетъ навѣстить императрицу въ Гатчинѣ. Я узналъ, что она во что бы то ни стало желаетъ, чтобы икона осталась на своемъ мѣстѣ. Но это невозможно». Когда Гейкингъ вышелъ отъ Палена, Вельгорскій сказалъ ему: «Паленъ воображаетъ, будто находится въ такой милости, что можетъ бороться съ императрицей; но ему слѣдовало бы быть осторожнѣе. Императрица — женщина; она обладаетъ большимъ упорствомъ; сынъ ея любитъ и уважаетъ ее; игра очень неравная». Когда Паленъ доложилъ объ этомъ дѣлѣ Александру, послѣдній замѣтилъ: «Не забывайте, что вы говорите о моей матери; впрочемъ, не можетъ быть, чтобы надписи были таковы, какъ вы говорите; я хочу видѣть икону». Паленъ приказалъ безъ дальнихъ разговоровъ снять икону и принесъ ее государю, который, осмотрѣвъ надписи, не сказалъ ни слова, но, поѣхавъ въ Гатчину, потребовалъ объясненій у своей матери. Какъ онъ ни старался смягчить дѣло, государынѣ все таки пришлось оправдываться относительно своихъ намѣреній, и это было для нея очень унизительно. Поэтому она заключила свое оправданіе словами: «Пока Паленъ будетъ въ Петербургѣ, я туда не вернусь» [1].

Саблуковъ также упоминаетъ о томъ, что между вдовствующей императрицей и ея сыномъ произошло болѣе или менѣе тягостное объясненіе, и что Александръ высказался противъ Палена въ поразительно серьезномъ и рѣшительномъ тонѣ. На одномъ парадѣ, куда явился Паленъ, продолжаетъ Саблуковъ свой разсказъ, графъ былъ очень мраченъ и неумѣренъ въ своихъ выраженіяхъ. «Самого меня тогда не было», пишетъ Саблуковъ, «но я слышалъ впослѣдствіи, что Паленъ очень высокомѣрно выражался о томъ, что онъ имѣетъ власть возводить на престолъ и низлагать монарховъ. Мнѣ не вѣрится, чтобы Паленъ былъ настолько неуменъ, чтобы высказывать подобныя вещи, но слухъ объ этомъ разнесся по городу еще въ тотъ же вечеръ; говорили о соглашеніи Палена съ Зубовымъ и о проектѣ ихъ провоз-

---

[1]) Aus den Tagen Kaiser Pauls, стр. 232—238.

гласить императрицей женщину [1]). Какъ бы то ни было, но достовѣрно, что на слѣдующее утро графъ Паленъ, какъ обыкновенно, явился на парадъ въ нарядномъ экипажѣ, запряженномъ шестерней, и выйдя изъ экипажа, принужденъ былъ выслушать отъ адъютанта государя приказаніе немедленно оставить столицу и отправиться въ свои курляндскія имѣнія. Паленъ повиновался, не проронивъ ни слова. Изданъ былъ рескриптъ объ увольненіи отъ службы генерала отъ кавалеріи графа Палена. Въ тотъ же вечеръ князь Платонъ Зубовъ получилъ приказаніе также удалиться въ свои имѣнія, что онъ и сдѣлалъ безъ сопротивленія» [2]). Такія рѣшительныя дѣйствія преемника Павла напоминали пожалуй столь частыя при послѣднемъ примѣры удаленія изъ столицы.

Въ этой исторіи съ графомъ Паленомъ извѣстную роль съигралъ также Панинъ. Впослѣдствіи онъ писалъ: «Будучи министромъ при императорѣ Александрѣ, я принялъ сторону вдовствующей императрицы, когда графъ Паленъ по поводу иконы хотѣлъ очернить ее въ глазахъ государя. Я, и я одинъ, устранилъ возникшее между ними недовѣріе» [3]). Подробности всей этой исторіи остались неизвѣстны. Скоро однако и судьба Панина рѣшилась въ такомъ же родѣ, какъ и судьба Палена.

2. Александръ и Панинъ

Разсматривая вопросъ, кто былъ виновенъ или принималъ участіе въ преступленіи противъ Павла, можно указать три категоріи людей, которыхъ слѣдовало бы притянуть къ отвѣтственности. Наиболѣе скомпрометированы были тѣ, которые приложили руки къ убійству государя, какъ, напр., Николай Зубовъ, Яшвиль и т. д. Вторую группу составляли тѣ, кто не принимали непосредственнаго участія въ сценѣ убійства, даже не были въ это время въ спальнѣ Павла, какъ, напр., князь Платонъ Зубовъ и гене-

---

1) „Pahlen alluded to his power of placing and displacing sovereigns“ и что составленъ „perhaps a plan to pass the sceptre to a female“ и т. д.

2) Fraser's Magazine, 1865, сентябрь, стр. 326.

3) „Матеріалы для жизнеописанія Панина“, VI, стр. 403.

ралъ Беннигсенъ, а также графъ Паленъ, но которые дѣйствовали съ цѣлью насильственнаго устраненія Павла и подстрекали другихъ съиграть роль палачей въ томъ убѣжденіи, что инымъ путемъ спасеніе страны невозможно. Руки ихъ не были запятнаны кровью жертвы, но нравственная отвѣтственность ихъ была гораздо тяжелѣе, чѣмъ отвѣтственность грубыхъ, пьяныхъ офицеровъ, которые въ животномъ возбужденіи совершили дѣло, не сознавая всѣхъ послѣдствій преступленія. Третью группу составляли тѣ, которые стояли за необходимость устранить душевно-больного человѣка, сохранивъ ему жизнь, отъ положенія, въ которомъ онъ могъ принести такой неизмѣримый вредъ; можетъ быть, эти лица — а это были Александръ и графъ Панинъ—заблуждались относительно самой осуществимости регенства, но они были убѣждены, что государственный переворотъ произойдетъ безъ кровопролитія. Мысль о замѣнѣ неспособнаго къ управленію другимъ лицомъ не могла назваться ни въ какомъ случаѣ ни преступной, ни достойной наказанія. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Александръ не ожидалъ ужаснаго исхода своего плана. Тѣмъ не менѣе, онъ предоставилъ въ распоряженіе заговорщиковъ войска, на которыя имѣлъ вліяніе; въ послѣднія недѣли до катастрофы онъ обсуждалъ съ Паленомъ и Зубовымъ необходимость перемѣны, поручилъ выполненіе плана людямъ, которые, правда безъ его формальнаго согласія, прибѣгли къ крайнимъ средствамъ и, если не сами лично совершили, то вызвали совершеніе отвратительнаго преступленія. Александръ зналъ въ моментъ выполненія плана, что созваны военныя силы; онъ долженъ былъ сказать себѣ, что насильственный переворотъ неизбѣженъ, хотя, вѣря Палену, онъ могъ убѣждать себя, что жизни его отца не грозитъ опасность. Онъ былъ также отвѣтственъ за исходъ дѣла, хотя представлялъ его себѣ иначе. Онъ былъ солидаренъ съ Паленомъ, Беннигсеномъ и Платономъ Зубовымъ, хотя отношенія его къ настоящимъ убійцамъ было совершенно иное, чѣмъ у этихъ лицъ. Гораздо менѣе скомпрометированъ былъ графъ Панинъ, который такъ же мало думалъ объ убійствѣ, какъ Александръ, но имѣлъ счастіе вдали отъ мѣста дѣйствія узнать о великой и въ общемъ столь благодѣтельной перемѣнѣ въ русскомъ государствѣ

и получить извѣстіе о ней, ничего не подозрѣвая. Онъ пожалъ плоды государственнаго переворота, снова занялъ прежнее мѣсто въ министерствѣ, пользовался неограниченнымъ довѣріемъ молодого императора, не будучи обязаннымъ принимать участіе въ приготовленіяхъ къ освободительному акту, даже не зная о мѣрахъ, какія условились принять Александръ и главные заговорщики. Какъ самъ Панинъ, такъ и друзья его высказывали убѣжденіе, что онъ, если бы былъ въ Петербургѣ, постарался бы помѣшать насильственному акту, насколько это было въ его силахъ. Такимъ образомъ, по своимъ взглядамъ на способъ выполненія плана, быть можетъ, впервые имъ высказаннаго, онъ былъ рѣшительно несогласенъ съ представителями другихъ категорій виновныхъ или участниковъ въ преступленіи. На немъ тяготѣла несравненно меньшая отвѣтственность, чѣмъ на Александрѣ.

Лишь постольку, поскольку Панинъ, пожалуй раньше самого Палена, возбудилъ вопросъ о регенствѣ, поскольку онъ, какъ слѣдуетъ полагать, прежде всѣхъ говорилъ объ этомъ дѣлѣ съ Александромъ, на немъ тяготѣла значительная доля отвѣтственности за исходъ дѣла, даже если онъ не соотвѣтствовалъ его намѣреніямъ. Панинъ далъ камню толчокъ, и онъ покатился по наклонной плоскости, и если камень принялъ не то направленіе, какое желалъ дать ему Панинъ, то это была не его вина. Если бы, напр., въ Даніи, когда заболѣлъ Христіанъ VII, или въ Англіи, когда захворалъ Георгъ III, какой нибудь министръ заговорилъ о необходимости замѣны этихъ лицъ соотвѣтствующими наслѣдниками, то этотъ министръ ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ не былъ бы скомпрометированъ, такъ какъ перемѣна произошла къ общему благополучію.

Тѣмъ болѣе удивительной кажется судьба Панина, изображеніемъ которой мы закончимъ повѣствованіе объ этихъ памятныхъ событіяхъ. Панинъ, образъ мыслей и дѣйствій котораго были всего болѣе безобидны, подвергся болѣе тяжкому преслѣдованію, чѣмъ кто либо изъ другихъ участниковъ этихъ происшествій. И это преслѣдованіе производитъ тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что Немезида, очевидно слѣпо заблуждаясь, добралась до графа Панина гораздо позднѣе, чѣмъ до Палена и Платона Зубова, а также

потому, что личныя отношенія Панина къ императору Александру и къ его матери были гораздо болѣе близкія и искреннія, чѣмъ отношенія главнаго виновника—Палена.

Мы ничего не знаемъ о преслѣдованіи и наказаніи настоящихъ убійцъ Павла. Въ іюнѣ 1801 г. Паленъ сдѣлался жертвою ненависти къ нему вдовствующей императрицы и съ тѣхъ поръ жилъ въ своихъ имѣніяхъ въ Курляндіи [1]). Нѣсколько позднѣе и Зубову пришлось уѣхать въ его курляндское имѣніе Руэнталь, гдѣ онъ жилъ очень уединенно [2]).

«Александръ», пишетъ Бернгарди, «видѣлъ Платона Зубова и Палена во дворѣ дворца въ тотъ моментъ, когда отецъ его погибъ насильственною смертью въ своей спальнѣ; поэтому Александръ зналъ, что они не были непосредственно свидѣтелями кроваваго дѣла. Иначе обстояло дѣло съ Беннигсеномъ. И именно этотъ послѣдній теперь пріобрѣлъ довѣріе Александра, которому онъ былъ до тѣхъ поръ довольно чуждъ, и попалъ въ число приближенныхъ къ нему лицъ. Онъ сопровождалъ государя на коронацію въ Москву, былъ не въ очередь произведенъ въ генералы отъ кавалеріи, сдѣлался генералъ-адъютантомъ,—и хотя императоръ съ теченіемъ времени пересталъ уважать его, міръ не разъ видѣлъ его во главѣ русской арміи» [3]).

Ланжеронъ замѣчаетъ: «Императрица Марія съ отвращеніемъ относилась ко всѣмъ тѣмъ, кто принималъ участіе

---

[1]) Бернгарди замѣчаетъ, Hist. Z., стр. 165, что Паленъ, въ противоположность взглядамъ Александра, стоялъ за союзъ съ Франціей, между тѣмъ какъ Зубовъ высказывался за союзъ съ Англіей. Онъ прибавляетъ: „Но не политическими причинами объясняется удаленіе Палена“. Беннигсенъ говоритъ намъ иное: его (Палена) „двусмысленное непоявленіе въ рѣшительный моментъ въ ту роковую ночь было объяснено не въ его пользу“. Бернгарди очевидно ничего не зналъ объ исторіи съ иконой.

[2]) Бернгарди полагаетъ, Hist. Z., стр. 166, что Зубовъ не былъ сосланъ, а уѣхалъ по собственному побужденію. Ланжеронъ же замѣчаетъ: „Le prince Platon Subow fut forcé, au bout de quelque temps, d'aller vivre en Courlande“.

[3]) Очень смѣлымъ кажется намъ предположеніе Бернгарди: „Можно подумать, что ему ставилось въ большую заслугу его поведеніе относительно императрицы Маріи, словно онъ доказалъ такимъ образомъ, что достоинъ довѣрія“. Historische Zeitschrift, III, стр. 166

въ убійствѣ ея супруга. Она преслѣдовала этихъ людей неустанно, и ей удалось удалить всѣхъ, устранить ихъ вліяніе или положить предѣлъ ихъ карьерѣ... Она добилась увольненія Палена... Генералъ Беннигсенъ былъ предметомъ страстной ненависти вдовствующей императрицы. Она требовала отъ своего сына, чтобы онъ никогда не дѣлалъ генерала маршаломъ, хотя никто не былъ такъ достоинъ этого, какъ Беннигсенъ; но она не могла помѣшать тому, чтобы Александръ воспользовался имъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, какъ однимъ изъ самыхъ способныхъ полководцевъ... Гвардейскіе офицеры, принимавшіе участіе въ заговорѣ, одинъ за другимъ попадали въ немилость и были удалены, такъ что по истеченіи года никого изъ заговорщиковъ не осталось въ столицѣ, если не считать Зубовыхъ (Валерьяна и Николая) [1].

Повторяемъ, что мѣры противъ виновниковъ и участниковъ преступленія были приняты спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перемѣны царствованія и безъ малѣйшаго слѣда судебнаго разбирательства. Отношенія Александра къ участникамъ катастрофы сначала были весьма благопріятныя. Лишь впослѣдствіи и медленно, повидимому благодаря вліянію на эти отношенія вдовствующей императрицы, положеніе Палена, Зубова, Беннигсена измѣнилось.

Еще поразительнѣе эта перемѣна по отношенію къ графу Панину.

Катастрофа произошла 11/12 марта. 12-го марта послано было графу Панину въ Москву, гдѣ онъ жилъ, приказаніе какъ можно скорѣе пріѣхать въ Петербургъ. Роджерсонъ писалъ Воронцову, что только двое, а именно Панинъ и Беклешевъ, были призваны обратно прямымъ приказаніемъ или собственноручнымъ письмомъ государя [2]. По другому толкованію того же письма Роджерсона, графа Панина вызвалъ въ первую же минуту Паленъ [3]. Уже 13/25 марта Татищевъ писалъ Воронцову о составѣ иностраннаго

---

[1]) Revue Britannique, 1895, іюль, стр. 79.

[2]) Архивъ князя Воронцова, XXX, 133—134. „Par ordre exprès ou lettre de l'empereur“.

[3]) „Pahlen l'a fait venir dans le premier instant“. Сообщеніе Чарторыскаго, будто Панинъ отправился въ Петербургъ по собственному побужденію, опровергается письмомъ Роджерсона.

вѣдомства и какъ члена этой коллегіи, на ряду съ Куракинымъ, Паленомъ, Татищевымъ и Муравьевымъ, называетъ Панина. Такимъ образомъ назначеніе Панина въ первый моментъ новаго царствованія было дѣломъ рѣшеннымъ. Невозможно было раньше принять рѣшенія вызвать Панина, чѣмъ это произошло. Невозможно было быстрѣе совершить путешествія, чѣмъ это сдѣлалъ Панинъ. 21-го марта онъ прибылъ въ Петербургъ, и въ тотъ же день послѣдовало его назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ [1]).

Императоръ Александръ принялъ человѣка, къ которому прежде относился съ такимъ довѣріемъ, необыкновенно сердечно и благосклонно. Мы уже упоминали выше о томъ, что при первой встрѣчѣ Александръ сказалъ Панину, что дѣла, къ сожалѣнію, приняли иной оборотъ, чѣмъ они съ Панинымъ ожидали [2]). Тотчасъ послѣ перваго свиданія съ императоромъ, Панинъ подробно описалъ женѣ, какъ Александръ нѣсколько разъ обнялъ его и какъ милостиво говорилъ съ нимъ о самомъ себѣ и о своихъ дѣлахъ [3]). Въ другихъ письмахъ говорится о сердечномъ отношеніи къ Панину императора и императрицы. Графъ ежедневно работалъ по нѣскольку часовъ вмѣстѣ съ Александромъ въ его кабинетѣ. Роджерсонъ писалъ, что государь въ восхищеніи отъ графа; Муравьевъ подчеркивалъ, что Панинъ пользуется безграничнымъ довѣріемъ Александра [4]).

Панинъ съ юности находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной. Объ этомъ свидѣтельствуетъ большое количество писемъ, кото-

---

[1]) „Матеріалы для жизнеописанія Панина,“ VI, 2.

[2]) „Hélas! Les choses n'ont point tourné comme nous l'avons cru“. Депеша Стедингка отъ 13/5 іюля 1801 г. въ Стокгольмскомъ архивѣ.

[3]) „Je me suis jeté à Ses genoux pour Lui baiser la main, mais l'Empereur me relevant m'embrassa à plusieurs reprises avec une bonté, pour laquelle je ne trouve point d'expressions. Il entama tout de suite une conversation pleine de confiance et relative à la propre personne“, т. е. вѣроятно о переворотѣ. „Матеріалы къ біографіи Панина“, VI, 5.

[4]) „Матеріалы для жизнеописанія Панина“, VI, 13 и 14.

рыя она писала графу [1]). Тѣмъ не менѣе, какъ говорятъ, назначеніе Панина министромъ въ мартѣ 1801 г. состоялось не безъ противодѣйствія съ ея стороны. Когда онъ, занявъ новую должность, представлялся вдовствующей императрицѣ, она, какъ разсказываютъ, не дала ему поцѣловать своей руки до тѣхъ поръ, пока на ея вопросъ, былъ ли онъ причастенъ къ катастрофѣ Павла, не отвѣтилъ, что въ моментъ кончины государя его не было въ Петербургѣ. Вдовствующая императрица удовлетворилась этимъ и увѣряла графа въ своей благосклонности. Цѣлый рядъ собственноручныхъ писемъ вдовствующей императрицы къ Панину, написанныхъ отъ апрѣля до сентября 1801 г. показываютъ [2]), что она поддерживала съ графомъ самыя благожелательныя отношенія. Въ іюнѣ Панинъ имѣлъ возможность оказать вдовствующей императрицѣ существенную услугу по случаю ея объясненій съ императоромъ Александромъ относительно иконы. 14/26 іюня Стедингкъ сообщаетъ королю Густаву IV: «Такъ какъ Паленъ удалился отъ дѣлъ, то усилились вліяніе и кредитъ Панина. Хотя Панинъ былъ открытымъ врагомъ покойнаго государя и въ значительной мѣрѣ участвовалъ въ революціи, онъ все таки съумѣлъ сохранить благосклонность вдовствующей императрицы, которая питаетъ непримиримую ненависть къ Палену и постоянно уговариваетъ своего сына удалить всѣхъ тѣхъ, кто участвовалъ въ заговорѣ» [3]).

Но благосклонность государя и его матери продолжались недолго. Уже въ маѣ Воронцовъ въ письмѣ къ Панину сѣтовалъ на то, что послѣдній не пользуется такимъ довѣріемъ, какого заслуживаетъ [4]). Говорили о намѣреніи Александра назначить государственнымъ канцлеромъ графа Воронцова, что непріятно поразило Панина [5]). Во многихъ вопросахъ внѣшней политики, взгляды Панина и Александра расходились. Говорятъ, что государю донесли о нѣ-

---

[1]) См. номера документовъ въ „Матеріалахъ для жизнеописанія Панина“, I, 63, 77, 106, 116, 117, 119, 120, 124; II, 290, 292, 293.

[2]) Тамъ же, VI, номера 294—302.

[3]) Стокгольмскій архивъ.

[4]) „Матеріалы для жизн. Панина“, VI, 380.

[5]) См. письмо Панина къ Александру объ этомъ слухѣ въ „Матеріалахъ для жизнеописанія Панина“, VI, 380.

которыхъ вещахъ, какія Панинъ высказывалъ объ Александрѣ. Панинъ считалъ вліяніе Лагарпа вреднымъ и умолялъ государя не вызывать его въ Россію; тѣмъ не менѣе, Лагарпъ былъ вызванъ. Но хуже всего этого было то, что росла антипатія Александра къ Панину, какъ слѣдствіе усиливавшагося убѣжденія, что исходнымъ пунктомъ преступленія 11/12 марта былъ планъ регенства, составленный Панинымъ въ соглашеніи съ великимъ княземъ. Вѣроятно уже въ концѣ мая государь высказывался въ этомъ смыслѣ относительно Панина, такъ какъ 28 мая Панинъ между прочимъ писалъ государю: «То, что ваше величество сказали мнѣ вчера вечеромъ относительно событія, которое возвело васъ на престолъ, повергло меня въ глубокую скорбь. Если ваше величество считаетъ меня причиной акта, который, какъ вы полагаете, пятнаетъ вашу славу, то мое присутствіе должно быть для васъ невыносимо; я готовъ избавить васъ отъ него и покинуть все (кромѣ жены и дѣтей), чтобы въ добровольномъ изгнаніи оплакивать утрату довѣрія со стороны государя, за котораго я охотно отдалъ бы жизнь. Одного слова, одного движенія вашего величества было бы достаточно для этого, но я взялъ бы съ собою въ могилу убѣжденіе, что я послужилъ моему отечеству, рѣшившись прежде всѣхъ другихъ развернуть передъ вами потрясающую картину опасностей, грозившихъ погубить страну» [1]).

И послѣ этихъ объясненій между молодымъ государемъ и министромъ, послѣдній остался на своемъ посту, но окончательное паденіе его было лишь вопросомъ времени. Состояніе духа Александра было въ это время, вслѣдствіе катастрофы, такого рода, что онъ былъ неспособенъ спокойно взвѣсить и справедливо оцѣнить обстоятельства. Подробности относительно этого мы узнаёмъ изъ самаго лучшаго источника, изъ записокъ друга Александра, князя Адама Чарторыскаго. Этотъ послѣдній находился заграницей, когда произошла перемѣна царствованія; послѣ нея онъ тотчасъ же пріѣхалъ въ Петербургъ и пишетъ слѣдующее о состояніи, въ какомъ онъ нашелъ Александра: «Онъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и сказалъ мнѣ: «Если бы вы были

---

1) „Матеріалы для жизнеописанія Панина", VI, 383.

здѣсь, то всего этого не случилось бы; если бы я имѣлъ васъ около себя, то я не позволилъ бы увлечь себя такимъ образомъ». Затѣмъ онъ разсказалъ о смерти своего отца, выражая крайнюю степень скорби и самыя невыразимыя угрызенія совѣсти. Это печальное и роковое событіе въ теченіе нѣкотораго времени очень часто служило темой нашихъ разговоровъ, государь желалъ посвятить меня во всѣ подробности событія, не смотря на то, что тяжко страдалъ при этомъ и т. д. Въ одномъ примѣчаніи къ своему разсказу Чарторыскій пишетъ: «То, что сообщаетъ господинъ Ланжеронъ о смерти Павла, правда, но не вся правда; надобно прибавить всѣ тѣ доводы, которые приводились Панинымъ и Паленомъ съ цѣлью побудить великаго князя Александра согласиться на то, чтобы у отца его было вынуждено отреченіе отъ престола. Это согласіе было вырвано (arraché) у него съ величайшимъ трудомъ и послѣ самыхъ торжественныхъ обѣщаній, что императору Павлу не будетъ причинено никакого зла. Трудно описать крайнее отчаяніе Александра, когда онъ узналъ о смерти своего отца. Отчаяніе это продолжалось нѣсколько лѣтъ и заставляло опасаться, чтобы отъ него не пострадало здоровье Александра. Угрызенія совѣсти, преслѣдовавшія его, сдѣлались исходнымъ пунктомъ его позднѣйшей склонности къ мистицизму. Императоръ Александръ никогда не могъ простить Панину и Палену, что они увлекли его (entraîné) совершить поступокъ, который онъ считалъ несчастіемъ своей жизни. Оба эти лица были навсегда удалены отъ двора» [1]).

«Александръ», замѣчаетъ Чарторыскій въ другомъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ, «удалилъ по очереди всѣхъ главарей заговора, которые совсѣмъ не были опасны, но видъ которыхъ былъ ему крайне непріятенъ, тягостенъ и ненавистенъ»; и далѣе: «Императоръ Александръ разсказывалъ мнѣ, что первый, говорившій съ нимъ объ этомъ (т. е. о необходимости устранить Павла), былъ Панинъ, и что Александръ никогда не могъ простить ему этого [2]).

Панинъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы отрицать, что онъ раньше всѣхъ говорилъ съ Александромъ объ этомъ

---

1) Czartoryski, Mémoires, стр. 261—262.

2) Czartoryski, Mémoires, 229 и 231.

вопросѣ. Онъ напиралъ на то, что этимъ оказалъ услугу своему отечеству и имѣлъ право гордиться этимъ. Если же этотъ поступокъ Панина казался императору Александру непростительнымъ преступленіемъ, то слѣдуетъ поставить себѣ вопросъ, какъ онъ, тотъ же самый Александръ, могъ совершенно иначе судить объ образѣ дѣйствій Панина въ первое время своего царствованія. Призывъ Панина въ Петербургъ въ первый моментъ послѣ вступленія на престолъ, назначеніе его министромъ иностранныхъ дѣлъ, благосклонное отношеніе, какимъ Панинъ пользовался сначала со стороны государя,—все это доказывало, что въ различное время Александръ различно относился къ Панину, хотя Панинъ оставался вѣрнымъ себѣ, и его участіе въ катастрофѣ было столь же незначительно до измѣненія къ нему отношенія Александра, какъ и послѣ этой перемѣны. Знаменательно для этихъ обстоятельствъ, что люди, вовсе не расположенные къ Панину, находили отношеніе къ нему государя несправедливымъ. Кочубей по поводу паденія Панина писалъ графу Воронцову: «Государь, насколько я замѣтилъ, имѣетъ что-то противъ Панина изъ за революціи, которая возвела его на престолъ. Правда, Панинъ, какъ вамъ извѣстно, первый говорилъ съ нимъ о регенствѣ; но теперь у государя явились угрызенія совѣсти, и онъ считаетъ преступленіемъ то, что онъ, государь, думалъ о регентствѣ. Между тѣмъ ни одинъ разумный человѣкъ не могъ бы дать ему лучшаго совѣта [1]). Въ такомъ же родѣ содержаніе письма Николаи къ Воронцову, гдѣ читаемъ. «Воспоминаніе о переворотѣ 12-го марта, первоначальный планъ котораго былъ составленъ Панинымъ вмѣстѣ съ покойнымъ Рибасомъ, совершенно измѣнило (terni) хорошее отношеніе государя къ Панину. Конечно, планъ этотъ не имѣлъ въ виду того позорнаго дѣла, какое было совершено; но непредвидѣнныя послѣдствія плана регенства сильнѣе возстановили государя противъ графа, чѣмъ самый планъ» [2]). Порицая политику Панина по отношенію къ Швеціи, Стедингкъ въ то же время, по поводу несправедливаго отношенія Александра къ Панину, обращаетъ вниманіе короля

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 245—246.

[2]) Тамъ же, XXII, 119.

Густава IV на то, что въ свое время Александръ самъ соглашался на выполненіе плана регентства, составленнаго Панинымъ [1]).

Впрочемъ, Александръ, повидимому, не объяснялся съ Панинымъ относительно этого пункта, если не считать намека, сдѣланнаго вечеромъ 27 мая 1801 г.; гоненіе на графа производитъ тѣмъ болѣе тягостное впечатлѣніе, что послѣдній никогда не могъ узнать, за что онъ подвергся такому безпримѣрно несправедливому отношенію. Какъ увольненіе Панина отъ должности въ сентябрѣ 1801 г., такъ и ссылка его въ 1804 г., о которой сейчасъ будетъ рѣчь, не были вызваны планомъ регентства, но тѣмъ не менѣе находились съ нимъ въ тѣсной связи. Образъ дѣйствій Александра въ этомъ несчастномъ случаѣ представляетъ собою психологическую проблему; въ поведеніи его есть патологическая черта, весьма цѣнная для характеристики государя.

Въ изданіи «Матеріаловъ для жизнеописанія гр. Н. П. Панина» (VI, 612) указаны всѣ моменты недовольства Александра Панинымъ, объясняющіе его увольненіе. Такого рода увольненіе министра, какъ извѣстно, рѣдко можетъ быть объяснено совершенно опредѣленными причинами. Нечего указывать на всѣ эти второстепенныя различія мнѣній и личныя столкновенія. Полагаемъ, что нѣкоторые неблагопріятные отзывы объ императорѣ Александрѣ въ интимномъ письмѣ Панина къ Воронцову, были предательски сообщены государю послѣднимъ, и послужили поводомъ къ тому, что навсегда былъ положенъ конецъ политической дѣятельности Панина (ему былъ въ то время 31 годъ). Въ рукописныхъ же замѣткахъ Муханова, мы находимъ слѣдующія замѣчанія по поводу этого объясненія удаленія Панина: «Такое неожиданное паденіе должно было вызвать тысячи предположеній относительно причины его, изъ которыхъ ни одно не было вѣрно. Вдовствующая императрица, не знавшая настоящей причины измѣненія отношенія государя къ Панину, дѣлала своему сыну упреки за удаленіе графа. Она говорила Александру, что такъ нельзя царствовать, что нельзя проявлять такого жалкаго непостоянства, что такимъ образомъ ему не удастся никого привя-

---

1) Стокгольмскій архивъ.

зать къ своей личности. Она подчеркивала, что Панинъ несомнѣнно заслуживаетъ больше довѣрія, чѣмъ кто бы то ни было; она говорила о необыкновенныхъ способностяхъ Панина, о его преданности, лояльности и особенно напирала на то, что ему нельзя сдѣлать никакого упрека за то, какъ онъ держалъ себя въ дѣлѣ убійства Павла. Это послѣднее обстоятельство имѣло особенное значеніе въ глазахъ вдовствующей императрицы, и она нѣсколько разъ возвращалась къ нему. Александръ не отвѣтилъ ни слова, но пошелъ въ свой кабинетъ и написалъ тамъ записку, въ которой сообщилъ своей матери объ участіи Панина въ заговорѣ. Начиная съ этого момента, Панинъ безповоротно погибъ во мнѣніи вдовствующей императрицы; она обвинила его въ вѣроломствѣ и во лжи, ненависть ея была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она обманулась въ графѣ» [1]).

Послѣ этого разсказа, подтверждающаго полное измѣненіе отношенія къ Панину со стороны вдовствующей императрицы, мы можемъ допустить, что она узнала о составленномъ имъ планѣ регентства лишь по случаю его паденія. Когда она, въ первые дни царствованія Александра, спросила Панина, былъ ли онъ сколько нибудь причастенъ къ убійству Павла, то Панинъ вполнѣ правдиво могъ указать на то, что онъ, ничего не подозрѣвая, находился на разстояніи нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста дѣйствія. Планъ регентства, составленный Панинымъ сообща съ Александромъ, тѣмъ менѣе могъ служить предметомъ разговоровъ Панина съ Маріей Θеодоровной, что планъ этотъ относился къ болѣе раннему прошлому и составлялъ тайну не только Панина, но и Александра. Если же затѣмъ въ запискѣ Александра Панинъ былъ представленъ преступникомъ, то, если бы содержаніе записки отвѣчало дѣйствительности, Александръ долженъ былъ бы быть представленъ въ ней сообщникомъ Панина. Не безъ причины однако Панинъ, послѣ своего паденія, нѣсколько разъ указывалъ на эту свою солидарность съ великимъ княземъ, и на то,

---

[1]) См. „Матеріалы для жизнеописанія Панина“, VI, 625—626. Тамъ далѣе сообщены подробности, касающіяся недоразумѣній между Панинымъ и Куракинымъ, который пользовался особеннымъ расположеніемъ вдовствующей императрицы.

что въ рукахъ его имѣются письменныя доказательства участія Александра въ планѣ регентства и его согласія на этотъ планъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что мать Александра была не достаточно освѣдомлена относительно образа дѣйствій своего сына.

Обширный матеріалъ источниковъ, какой имѣется у насъ относительно исторіи увольненія Панина, заставляетъ насъ предполагать, что между государемъ и графомъ не произошло никакого объясненія по поводу главной причины немилости. Подавъ въ отставку, Панинъ имѣлъ полное право утверждать, что сдѣлалъ это по собственному побужденію. На прошеніе Панина объ отставкѣ Александръ отвѣтилъ выраженіемъ надежды, что графъ, который, какъ это обыкновенно дѣлается, ссылался на свое будто бы разстроенное здоровье, вскорѣ снова будетъ въ состояніи послужить своему отечеству. На этотъ рескриптъ, написанный нѣсколько холоднымъ тономъ, но въ сущности казавшійся благожелательнымъ, Панинъ впослѣдствіи указывалъ, какъ на доказательство того, что немилость къ нему не была ничѣмъ мотивирована и ничѣмъ не можетъ быть оправдана [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ тогда уже рѣшилъ никогда не призывать на службу Панина, и что надежда графа очень скоро вернуться къ дѣятельности была такъ же неосновательна, какъ мнѣніе политическихъ друзей Панина, что онъ въ интересахъ самого государства въ скоромъ времени получитъ назначеніе [2]). Въ письмѣ къ Густаву IV Стедингкъ прямо говорилъ: «Il n'y a aucune disgrâce dans la démission du comte de Panin» (нѣтъ никакой немилости въ увольненіи графа Панина [3]).

Это было заблужденіемъ. Очень скоро всѣ узнали, что положеніе Понина сдѣлалось сомнительнымъ, и что нечего думать о возвращеніи графа къ дѣламъ. Даже болѣе. По разсказу Саблукова, Александръ уволилъ Палена въ іюлѣ 1801 г., допуская, что онъ можетъ произвести новый государственный переворотъ. Нѣчто подобное могло относиться

---

[1]) См. Матеріалы для жизнеописанія Панина, VI, 641.

[2]) Тамъ же, 684 и слѣд.

[3]) Стокгольмскій архивъ.

осенью 1801 г. къ Панину. Изъ протоколовъ «неоффиціальнаго комитета», въ которомъ принимали участіе, кромѣ Александра, только Новосильцовъ, Чарторыскій и Строгановъ, видно, что Панинъ и Зубовъ въ это время находились постоянно подъ надзоромъ тайной полиціи, причемъ сыщики дѣйствовали настолько неискусно, что Панинъ говорилъ объ этомъ надзорѣ въ кругу знакомыхъ, а Зубовъ даже жаловался полиціи на то, что за нимъ слѣдятъ [1]).

Чарторыскій въ своихъ мемуарахъ выдаетъ многое, что происходило въ тайномъ комитетѣ. Между прочимъ онъ пишетъ: «Шла рѣчь объ увольненіи графа Панина. Государь сильно желалъ избавиться отъ него; Панинъ былъ ему въ тягость, былъ ему ненавистенъ и возбуждалъ его подозрѣнія. Государь не зналъ хорошенько, какъ удалить его. Дѣло разсматривалось серьезно и обстоятельно. Наконецъ, было рѣшено замѣнить Панина графомъ Кочубеемъ. Всѣ согласились, что пока Панинъ можетъ оставаться въ Петербургѣ. До послѣдняго момента государь и виду не показалъ Панину и не могъ поступить иначе, такъ какъ желалъ избѣжать непріятныхъ сценъ. Панинъ покорился своей судьбѣ и отступилъ. Все время, пока онъ еще былъ въ Петербургѣ, онъ былъ окруженъ шпіонами, которые непрестанно слѣдили за нимъ. Государь по нѣскольку разъ въ день получалъ отъ тайной полиціи свѣдѣнія о томъ, что Панинъ цѣлый день дѣлалъ, гдѣ онъ былъ, съ кѣмъ говорилъ на улицѣ, сколько часовъ провелъ въ томъ или другомъ домѣ, кто посѣщалъ его и, если возможно, о чемъ говорилъ съ нимъ. Эти сообщенія, читавшіяся въ тайномъ комитетѣ, были составлены тѣмъ таинственнымъ стилемъ, который такъ любитъ тайная полиція, чтобы придать важность себѣ и интересъ совершенно ничтожнымъ вещамъ. Въ сущности эти сообщенія были совершенно безсодержательны; но государь былъ въ сильномъ безпокойствѣ, его мучило присутствіе Панина, онъ постоянно предполагалъ, что Панинъ составляетъ измѣнническіе планы, и не зналъ ни покоя, ни душевнаго мира, пока Панинъ не уѣхалъ. Такъ какъ графъ

---

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, СПб. 1869 томъ I, приложенія, стр. 63—64.

видѣлъ, что за нимъ постоянно наблюдаютъ сыщики, и замѣтилъ, что видъ его невыносимъ для государя, то онъ рѣшился покинуть Петербургъ» [1]).

Этотъ разсказъ характеризуетъ образъ мыслей и дѣйствій Александра. Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Александръ самъ въ ночную пору встрѣчался съ Панинымъ въ тайныхъ закоулкахъ, чтобы совѣщаться съ нимъ о средствахъ устраненія царствовавшаго тогда императора. Теперь, когда онъ самъ царствовалъ, онъ считалъ вѣроятнымъ, что Панинъ таитъ подобныя же намѣренія противъ него, какія самъ онъ вмѣстѣ съ графомъ недавно имѣлъ противъ Павла. Обстоятельства были теперь совершенно иныя, не было ни малѣйшаго повода къ такого рода замысламъ; императору Александру не грозило ни малѣйшей опасности; Панинъ всѣхъ менѣе могъ замышлять что-либо противъ него, но Александръ считалъ его вѣчнымъ заговорщикомъ и преслѣдовалъ его самымъ безпощаднымъ образомъ.

То обстоятельство, что Александръ ничѣмъ не обнаружилъ своего настроенія передъ Панинымъ, налагало на эти событія еще болѣе тягостный отпечатокъ.

Когда лѣтомъ 1802 г. графъ Панинъ хотѣлъ предпринять со своей семьей путешествіе заграницу, то въ шведской части Финляндіи ему велѣно было, по приказанію короля Густава IV, выѣхать изъ предѣловъ Швеціи. Причиной такого приказанія, нарушающаго международное право, выставлялось не особенно дружественное отношеніе Панина къ Швеціи въ бытность его министромъ иностранныхъ дѣлъ. Но король поступилъ такимъ образомъ съ Панинымъ еще и потому, что Панинъ имѣлъ отношеніе къ катастрофѣ Павла. Когда Александръ узналъ объ этомъ эпизодѣ, онъ былъ особенно непріятно пораженъ тѣмъ, что Панина постигла такая неудача въ путешествіи потому, что онъ считался заговорщикомъ [2]).

Панинъ не безъ основанія усмотрѣлъ въ безцеремон-

---

[1]) Czartoryski, Mémoires, I, стр. 277—278.

[2]) См. обстоятельное изложеніе этого событія по семейнымъ документамъ и по депешамъ Стедингка и Іеннингса въ Стокгольмскомъ архивѣ—въ „Матеріалахъ для жизн. Панина“, VII, стр. 1—52.

номъ отношеніи къ нему въ шведской области оскорбленіе не только для себя, но и для Россіи, международный инцидентъ. Поэтому, рѣшившись вернуться въ Петербургъ, онъ прибѣгъ къ вмѣшательству Александра, къ защитѣ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, т. е. князя Куракина и графа Кочубея. Какъ государь, такъ и министры обѣщали ему свое содѣйствіе для полученія удовлетворенія; но они не сдѣлали ничего или почти ничего, такъ какъ Кочубей въ разговорѣ со Стедингкомъ удовольствовался нѣсколькими неодобрительными замѣчаніями.

Панинъ, получившій трехлѣтній отпускъ, отправился въ западную Европу другимъ путемъ и передъ своимъ отъѣздомъ былъ приглашенъ къ императорскому столу. По этому случаю между государемъ и бывшимъ министромъ не произошло никакого разговора. Государь замѣтилъ только, обратившись къ графу: «Я обязанъ шведскому королю удовольствіемъ видѣть васъ здѣсь». Александръ и Панинъ видѣлись тогда въ послѣдній разъ.

Графъ получилъ отпускъ на три года и провелъ это время со своею семьею въ Германіи, Австріи, Швейцаріи и Италіи. Такъ какъ онъ хотѣлъ немного продолжить свой отпускъ, онъ написалъ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, князю Адаму Чарторыскому, а также государю. Панинъ былъ увѣренъ, что онъ будетъ призванъ на службу государству. Въ августѣ 1804 г. Александръ далъ ему знать, что онъ можетъ продолжить свой отпускъ, на сколько ему угодно, и можетъ жить, гдѣ ему вздумается; государь же, когда это потребуется, оставляетъ за собою право воспользоваться его услугами.

Нѣсколько недѣль спустя, когда Панинъ находился уже въ Россіи и собирался ѣхать въ Петербургъ, императоръ Александръ устно извѣстилъ черезъ генерала Ливена сестру Панина, госпожу Тутолмину, чтобы графъ больше не пріѣзжалъ въ Петербургъ, такъ какъ присутствіе его въ столицѣ непріятно ему, государю; Панинъ приглашался держать это приказаніе втайнѣ; онъ, государь, также не будетъ ни съ кѣмъ говорить объ этомъ, такъ что всѣ будутъ думать, что изгнаніе Панина добровольное.

Госпожа Тутолмина написала своему брату: «Я понятія не имѣю, чѣмъ вызвана эта суровая мѣра (rigueur); я не

могу также ничего узнать объ этомъ, такъ какъ не могу ни съ кѣмъ говорить, не нарушивъ запрета государя. Поэтому я написалъ его величеству». Въ этомъ письмѣ своемъ къ Александру сестра Панина указываетъ между прочимъ на противорѣчіе между письмомъ Чарторыскаго и приказаніемъ государя. Затѣмъ она продолжаетъ: «На насъ наложено глубочайшее молчаніе относительно этого событія; но несчастіе, поразившее моего брата, не можетъ остаться тайной для публики. Возможно-ли, что моему брату отказано будетъ въ томъ правѣ, въ которомъ ваше величество не можетъ отказать самому ничтожному изъ вашихъ подданныхъ, въ правѣ узнать, въ чемъ его обвиняютъ, и въ правѣ обратиться къ правосудію? Если онъ невиненъ и имѣетъ только несчастіе не нравиться вашему величеству, то пусть ваше величество взвѣситъ обѣ эти вещи—съ одной стороны минутную непріятность, которую можетъ причинить вашему величеству присутствіе моего брата, съ другой—глубокое горе человѣка, который, будучи убѣжденъ въ своей невинности, видитъ себя лишеннымъ благосклонности своего монарха и удаленнымъ отъ лица справедливаго и милостиваго государя, въ царствованіе котораго еще не было другого примѣра подобной суровости. Пусть ваше величество сообщитъ ему, въ какомъ преступленіи онъ обвиняется, и пусть не осуждаетъ моего брата, не выслушавъ его».

Панинъ писалъ своему другу, графу Андрею Разумовскому, увѣдомляя его о случившемся: «Не спрашивайте меня о причинѣ суроваго ко мнѣ отношенія. Я не знаю ничего, рѣшительно ничего: всѣ старанія и усилія моихъ друзей открыть эту причину, остались тщетными ... Вы можете себѣ представить, что я, какъ человѣкъ чести, чувствую при такомъ оскорбленіи (outrage). Съ какою бы готовностью мнѣ не было предложено удовлетвореніе слишкомъ поздняго оправданія, но государь, при всей своей власти, никогда не сможетъ заставить меня снова служить ему; я долженъ былъ бы сойти съ ума, чтобы опять броситься въ эту пучину горя и сожалѣній. Я достаточно несчастенъ тѣмъ, что, исполняя свой долгъ отца семейства, долженъ жить въ странѣ, гдѣ напрасно взываютъ къ справедливости» и т. д. [1]).

---

[1]) См. эти три письма въ недавно появившемся изданіи „Les Razoumowski“, Halle 1894, II, четвертая часть, стр. 111 и слѣд.

Въ наброскѣ письма, которое Панинъ не отправилъ Александру, говорится, что графъ не имѣетъ никакого понятія, чѣмъ онъ навлекъ на себя немилость, и что онъ, сильный сознаніемъ своей невинности, со спокойной совѣстью ожидаетъ приказанія государя. Въ письмахъ къ государю Панинъ нѣсколько разъ требовалъ разсмотрѣнія своихъ мнимыхъ преступленій. Все было напрасно, такъ какъ въ основѣ всего находился планъ регентства, и эта тайна, извѣстная Александру, не могла быть обсуждаема на судѣ. Какъ въ письмѣ вдовствующей императрицѣ отъ 1804 или 1805 г., такъ и въ письмѣ къ императору Николаю отъ 1826 г. Панинъ указывалъ, что его устныя и письменныя отношенія къ великому князю Александру по поводу плана регентства не могутъ быть поставлены ему въ упрекъ, такъ какъ онъ при этомъ руководился самыми чистыми побужденіями, и такъ какъ Александръ былъ вполнѣ съ нимъ согласенъ; онъ подчеркивалъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сдѣланъ отвѣтственнымъ за то, что Александръ поручилъ исполненіе плана недостойнымъ лицамъ; что онъ не можетъ считаться сообщникомъ преступленія, во время совершенія котораго онъ, ничего не подозрѣвая, находился въ Москвѣ, на разстояніи 800 верстъ и т. д.

Преслѣдованія Панина не имѣли конца. Когда въ 1807 г. во время опасности, угрожавшей русской границѣ, дворянство Смоленской губерніи избрало графа Панина начальникомъ организованной тогда милиціи, изъ Петербурга пришло, по приказанію государя, распоряженіе, чтобы Панинъ немедленно оставилъ эту должность. Въ письмѣ къ графу Толстому отъ 1810 г. Панинъ жаловался на то, что подвергся «гражданской смерти», что изъ всѣхъ подданныхъ Александра онъ одинъ не имѣетъ правъ, и что онъ проситъ по крайней мѣрѣ опредѣлить границы, внутри которыхъ ему позволено свободно двигаться, и рѣшить, можетъ-ли онъ пріѣзжать въ столицы въ то время, когда дворъ тамъ не пребываетъ. Положеніе Панина оставалось неизмѣннымъ. Когда въ 1818 г. въ Петербургѣ разнесся слухъ, что Панинъ хочетъ пріѣхать въ резиденцію, одинъ сановникъ написалъ ему, что пребываніе его въ Петербургѣ «невозможно». Жена Панина въ 1818 году обратилась къ

императору Александру съ просьбой выяснить положеніе и оказать ея мужу справедливость; но ничего сдѣлано не было. Преслѣдованіе Панина продолжалось и за гробомъ. Когда вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Николая, тесть Панина, графъ Орловъ, на колѣняхъ просилъ государя прекратить гоненія на Панина, государь, какъ разсказываютъ, сказалъ, что онъ долженъ былъ обѣщать своей матери, вдовствующей императрицѣ, оставить въ этомъ дѣлѣ все по старому. Такъ до конца своей жизни (1837.г.) оставался гонимымъ и отверженнымъ Панинъ, иниціаторъ плана, который имѣлъ цѣлью установить регентство вслѣдствіе душевной болѣзни императора Павла [1]).

Панинъ считалъ возможнымъ устраненіе Павла безъ насилія; другіе думали, что для спасенія государства они должны совершить преступленіе. Въ этомъ преступленіи Панинъ не былъ виновенъ. Трагическая судьба заставила его пострадать благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ, которыя хотя и спасли Россію, но привели къ смерти Павла. Жозефъ де Мэстръ писалъ въ 1805 г. своему королю о кончинѣ Павла: «Il fallait que cette mort arrivât, mais malheur à ceux par qui elle est arrivée» (Смерть эта должна была наступить, но горе тѣмъ, кто былъ ея виновниками [2]).

[1]) Этимъ послѣднимъ временамъ жизни Панина (1802—1837) посвященъ седьмой томъ „Матеріаловъ для жизнеописанія Панина". Тамъ помѣщены документы и указанія относительно немилости къ нему.

[2]) Joseph de Maistre, Mémoires politiques et correspondance diplomatique, Paris, 1858, стр. 367.

